

302.7 (501)
1131

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ДАГЕСТАНСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ ДНЦ РАН

М.К. МУСАЕВА
А.М. МАГОМЕДДАЕВ
М.Ю. КУРБАНОВ

ДАГЕСТАНСКАЯ ДИАСПОРА В ТУРЦИИ

МАХАЧКАЛА — 1999

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ДАГЕСТАНСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ ДНЦ РАН

М.К. МУСАЕВА
А.М. МАГОМЕДДАЕВ
М.Ю. КУРБАНОВ

ДАГЕСТАНСКАЯ ДИАСПОРА В ТУРЦИИ

(Историко-этнографические очерки)

МАХАЧКАЛА — 1999

instituteofhistory.ru

63.5 (2Дат)

М 91

Издание книги финансируется генеральным директором АО “Махачкалахлебопродукт” Магомедовым Магомедом Магомедалиевичем.

М.К. Мусаева, А.М. Магомеддаев, М.Ю. Курбанов. Дагестанская диаспора в Турции. (Историко-этнографические очерки). — Махачкала: ДНЦ РАН, 1999. — 232 с.; илл.

Ответственный редактор — к.и.н. М.М. Магомедханов.

Рассматриваемая работа представляет собой попытку проследить процесс формирования и развития дагестанской диаспоры в Турции на протяжении значительного отрезка времени (естественно-географические условия, в которых переселенцы оказались, особенности ведения хозяйства, материальная культура и общественный быт).

Монография рассчитана на этнографов, историков и на читателей, интересующихся отечественной историей

63.5 (2Дат)

М 91

© М.К. Мусаева, А.М. Магомеддаев, М.Ю. Курбанов, 1999.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Трудно сказать, где за последние десять лет дагестанцы бывали чаще — в Москве или в Стамбуле. Многие из них возобновили связи с родственниками, живущими в Турции, другие (особенно так называемые “шоп-туристы”) — пытались наладить с зарубежными “земляками” коммерческие, деловые отношения и общение. Большую и целенаправленную работу по укреплению связей с зарубежной дагестанкой диаспорой ведет ассоциация “Ватан”, возглавляемая профессором А. Магомедовым, автором известной книги “Дагестан и дагестанцы в мире” (Махачкала, 1994). Да и в средствах массовой информации тема диаспоры — не редкость.

Разумеется, научный и бытовой интерес к диаспоре — это разные вещи. В этой связи важно знать не только историю формирования дагестанской диаспоры. Тема эта в общем-то “кабинетная”, а потому наиболее освещенная. Актуальны прежде всего историко-этнографические, этносоциологические исследования образа жизни, сбор и анализ научной информации о том, как живет наша диаспора за рубежом, каковы ее позиции в социально-культурной, политической жизни страны проживания, насколько ей удалось сохранить свои этнографические особенности, язык, самосознание. Понятно, что такого рода научные изыскания непременно сопряжены с необходимостью полевой работы.

Предлагая вниманию читателей работа о дагестанской диаспоре в Турции имеет свою, интересную, на мой взгляд, историю. В 1986 году автору этих строк довелось выступать с докладом на одной из международных этнологических конференций в колледже Св. Антония Оксфордского (Великобритания) университета. Среди участников был Мехмет Сарай — обаятельный человек, профессор истории Стамбульского университета, автор монографии

о взаимоотношениях Османской империи и Кавказа.

Беседуя с упомянутым профессором, я, как обладатель соответствующей характеристики администрации, парткома и профкома о политической грамотности и моральном облике советского человека, (без такового в те времена за рубеж не выпускали) высказал Мехмет Сараю сомнения относительно благосклонного отношения Османской империи и современной Турции к северокавказским мухаджирам и выразил убежденность в том, что “у нас — хорошо, у них — плохо”. В ответ он вручил мне приглашение быть гостем Стамбульского университета и предложил самому посмотреть на то, как живут соплеменники.

Позже выяснилось, что он близко знает многих турецких дагестанцев, в том числе Мусу Рамазана и Расиха Саваша. Приятно было слышать его восторженные отзывы о превосходствах дагестанского характера. Пользуясь случаем, хотелось бы выразить Мехмет Сараю благодарность за помощь в проведении настоящего исследования. Именно ему во многом принадлежит идея организации в 1991 году большой экспедиции Института Истории, Языка и Литературы ДНЦ РАН в Турцию. В ее составе были докт. филол. наук Ч. С. Юсупова, фольклорист А.М. Абдурахманов, этнографы М. К. Мусаева, М.-З. Ю. Курбанов, М.М. Магомедханов.

Планомерное историко-этнографическое исследование дагестанской диаспоры удалось возобновить лишь с 1993 года: в Институте ИАЭ была создана первая проблемная группа (М.К. Мусаева, М.-З.Ю. Курбанов, М.М. Магомедханов (руководитель)). Мы с благодарностью отмечаем это, в то время достаточное смелое решение администрации и ученого совета Института ИАЭ, отмечаем моральную поддержку на всех этапах проведения исследования со стороны директора Института А.И. Османова, зав. отделом этнографии М.-З.О. Османова.

Не будет лишним сказать и о том, что предлагаемое вниманию читателя исследование дагестанской диаспоры

— это результат профессионального энтузиазма ученых, совершивших на свои личные средства несколько этнографических экспедиций практически во все “дагестанские” населенные пункты Турции.

Тем более приятно осознавать ценность материальной поддержки, оказанной на начальном этапе исследования нашим другом и единомышленником, ученым-экономистом Аркадием Ганневым.

Авторы данной работы особенно признательны Генеральному директору АО “Махачкалахлебопродукт” Магомедову Магомеду Магомедалиевичу, нашедшему время ознакомиться с ее содержанием и обеспечить издание.

Я еще раз приглашаю читателя поближе ознакомиться с историей и этнографией дагестанской диаспоры в Турции. Уверен, что по достоинству будут оценены тонкие и точные наблюдения М.К. Мусаевой за особенностями материальной культуры, общественного быта, позволяющие как бы изнутри взглянуть на образ жизни наших соотечественников в Турции. Не менее интересны описания и анализ хозяйственно-бытовой, семейной и коммерческой сторон жизни диаспоры, адаптации мухаджиров к новым социально-экономическим условиям, представленные М.-З. Ю. Курбановыми. Драматизм исторических перипетий той эпохи, геополитический контекст формирования дагестанской диаспоры, причины и последствия эмиграции дагестанцев в пределы Османской империи, отслежены А. Магомеддадаевым.

*Магомедханов Магомедхан Магомедович,
с.п.с. отдела этнографии ДНЦ РАН*

ВВЕДЕНИЕ

В последние годы наметился интерес к исследованию проблем, которые долгие годы были забыты или относились к разряду "нерекомендуемых".

Настоящая работа представляет собой одну из немногих в дагестановедении попыток проследить процесс формирования и развития дагестанской диаспоры в Турции на протяжении значительного отрезка времени, историко-этнографического освещения жизни наших соотечественников в дальнем зарубежье.

Длительное проживание в иноэтничной среде, в иных естественно-географических и климатических условиях вызывают необратимые процессы, связанные с адаптацией и взаимовлиянием различных культур.

В этой связи представляет интерес исследование степени сохранности исконно дагестанских традиций в быту диаспоры.

В работе рассматривается краткая история переселения дагестанцев в Турцию (мухаджирство), делаются попытки определить его этапы, причины. Рассматриваются также естественно-географические условия, в которых мухаджирсы оказались, особенности ведения хозяйства в этих новых условиях, материальная культура (поселения, жилища, одежда, пища), семейный быт (форма семьи, состав семьи, внутрисемейные отношения, семейная обрядность), общественный быт (административное устройство и органы местного самоуправления, судебная система, общественные праздники, институты гостеприимства и куначества, кровной мести, взаимопомощи) и др. Учитывая, что традиционные элементы быта наиболее стойко сохраняются в сельской местности, главное внимание в работе уделяется именно селу и сельским жителям.

Дагестанская диаспора в качестве объекта исследования взята именно в Турции прежде всего из-за того, что она географически ближе к нам, а также потому, что имен-

но Турция была ядром в Османской империи, через которую происходил "великий исход" вынужденных переселенцев (мухаджирсы) и в другие страны.

Работа базируется на доступном для авторов комплексе архивных, литературно-публицистических и полевых этнографических материалов, в частности, неопубликованные материалы ЦГА РД (Центрального государственного архива Республики Дагестан) списки переселившихся дагестанцев с указанием их прежнего места жительства, имен и фамилий, возраста, состава семьи; переписка военного губернатора Дагестанской области с начальниками округов по вопросам переселения; прошения жителей на обратное возвращение в Дагестан и другие материалы, характеризующие процессы миграции дагестанских народов¹.

Однако, материалы архива не дают полной исторической картины переселения дагестанцев, так как большинство их эмигрировало нелегально, без всяких формальностей и, естественно, не попала в соответствующую статистику. Кроме того, не все документы архива уцелели и поэтому установить точное количество эмигрировавших дагестанцев по материалам ЦГА РД и других архивов не представляется возможным. Исходя из этого, нами привлечены опубликованные документы архива Великобритании "Паблик Рекорд Аркайвз", Мандатной Комиссии Лиги Наций, Генеральной дирекции Государственных архивов Турецкой Республики (Баш Векалат Аршиви).

После присоединения Кавказа к России, особенно со второй половины XIX в., об этом крае, в том числе о Дагестане, начали писать многие политические и дипломатические деятели, военные и гражданские чиновники, ученые и духовные лица, литераторы, деятели искусства и др. Началось интенсивное изучение истории, археологии, этнографии края, его природных богатств, хозяйственного и социального строя, самобытной древней культуры.

Материалы эти разнообразны и представлены в достаточном количестве. Прежде всего отметим значение хо-

instituteofhistory.ru

ах А.П. Берже, опубликована "Русская старина" в

литературе по проблеме кавказские исследования⁴, Т.Т.Кумыкова⁵, Г.А.-

Хасановцев, то они, как правило, в специальном исследовании почти не упоминают-

ся в литературе по народам и этнографии, чрезвычайно мало. В монографии академика В.А.Гордлевского "Этнография Турции периода

социально-экономического развития в Турции" работы А.Д.Новичева, Д.Е.Еремеева, И.И.Соколова⁸ и некоторых других авторов. В капитальном труде академика П.М.Жуковского о земледелии Анатолии для нас интересна насыщенная фактическим материалом небольшая глава по этнографии Турции⁹. Ряд этнографических сведений о Турции содержится в работах советских географов и экономистов¹⁰.

Социально-экономические отношения, господствовавшие в турецкой деревне в 60-х — 70-х годах XX, подробно исследуют в своих монографиях Ю.И.Розалиев, П.П.Моисеев и др¹¹.

В отечественной литературе по Турции немало работ общего характера,¹² но среди этнографических можно отметить лишь исследования В.П.Курьлева¹³ и работу М.Н.Серебряковой, посвященную сельской семье и традиционной семейной обрядности у турок¹⁴. Представляют интерес и материалы периодической печати, представленные в статье А.З.Трофимова¹⁵.

Этнографическому изучению современной Турции посвящены работы многих западноевропейских авторов (К. де Пляполя, Дж.Е.Пирса, П.Стирлинга и др.), которые, как

и работы самих турецких авторов (Д.Эссада, Абулькадира Инана, А.Бахи, Х.З.Кошая, Я.Даглара, Н.Беркеса, М.Х.Гоайры, С.А.Консиу, А.Р.Ялгина, У.Демирджи, К.Диррика, Н.Акока, А.Гехоглу, Э.Енер и др).¹⁶, к сожалению, нам пока недоступны. Надо сказать, что почти все работы отечественных авторов опубликованы в 60-е и 70-е годы, а за последние десятилетия Турецкая республика сделала качественный скачок в плане социально-политического и экономического развития, и естественно, что многие положения и материалы по этнографии Турции по ряду вопросов уже успели устареть.

Среди недавно опубликованных работ по дагестанской диаспоре необходимо отметить историко-политологические очерки Магомедова А.А.¹⁷, президента Всемирной Ассоциации соотечественников -дагестанцев за рубежом "Ватан", а также публикацию И.Халипаевой¹⁸ и газетно-журнальные статьи познавательного характера отдельных авторов (Б.Гаджиева, А.Муртазалиева, И.Абдуллаева, и др.).

Среди работ, восполнивших существующий пробел в этом вопросе, следует особо отметить монографическое исследование М.М.Магомедханова "Дагестанцы в Турции. (Этнические последствия войны)",¹⁹⁻¹ где отражены роль исторического прошлого в адаптации и интеграции дагестанцев в новой среде, возможности сохранения и воспроизводства этнической самобытности в условиях всеобщего процесса ассимиляции.

instituteofhistory.ru

ГЛАВА I. К ИСТОРИИ ВОПРОСА

1. ОСНОВНЫЕ ВЕХИ И ПОСЛЕДСТВИЯ ДВИЖЕНИЯ ГОРЦЕВ 20-х — 50-х гг. XIX в.

Географическое расположение, военно-стратегическое значение и природные богатства Кавказа — нефть на побережье Каспийского моря, лес на восточном берегу Черного моря, каменный уголь, свинец и т.д., а также развитие здесь виноделия, шелководства и кустарных промыслов — давно привлекали внимание не только Турции, Ирана и России, но и европейских держав.

350-летнее соперничество (1514-1864) за раздел сфер влияния на Северном Кавказе между шахским Ираном, султанской Турцией и царской Россией завершилось насильственным присоединением всего Северного Кавказа к Российской империи, повлекшим за собой колонизацию этого региона.

Периодические войны России за покорение горцев Кавказа продолжались, если считать только с Петра I (1722 г.) до Александра II (1864 г.), 142 года. Кавказскую войну, тянувшуюся непрерывно 47 лет (1817-1864 гг.), можно считать завершённой, а северокавказцев — покорёнными, лишь после подавления восстаний, прокатившихся по Северному Кавказу в 1877 г., поэтому она и занесена в книгу рекордов Гиннеса за 1991 г. как самая длительная война и в истории человечества из тех, что вела Россия.

Трагедия или величие северокавказских народов заключается в том, что они никогда в своей истории не признавали над собой иноземной власти. Отсюда — извечная борьба за самосохранение, за свободу и независимость.

Дагестанцы начали в массовом порядке эмигрировать в Турцию вскоре после пленения Шамиля.

Эмиграционные процессы из Дагестана в Турцию происходили и задолго до начала Русско-Кавказской войны, но они не носили политический характер (за исключением

репатриаций, произведённых иранскими шахами, эмиграция происходила из-за экономических (поиски лучшей жизни) или духовных (желание повысить уровень исламского образования) причин и стремлений дагестанцев).

Даже беглый анализ исторических событий за вышеуказанный период позволяет убедиться в том, как было тяжело предкам народов Кавказа отстаивать свою независимость: с XVI в. шахский Иран, султанская Турция и с XVIII в. царская Россия и европейские державы стали на путь широких завоеваний.

На Северном Кавказе они получали отпор своим агрессивным действиям, которого они не встречали при колонизации других регионов.

Сложная европейская ситуация мешала Петербургу сосредоточить все внимание на осуществлении своих целей в восточной политике и, в частности, на Северном Кавказе.

Отдаленность Северного Кавказа от основных экономических и политических центров России, отсутствие развитой системы транспортных и других коммуникаций, связывающих Северный Кавказ с центром России, слабое материальное обеспечение воинских гарнизонов и союзников России среди горского населения и другие причины не позволяли ей быстрыми темпами колонизировать Северный Кавказ.

В вышеперечисленных условиях Россия предпочитала дипломатические переговоры, тактику заигрывания с северокавказскими владельцами, что выгодно выделяло ее политику на фоне шахской, султанской и ханской (крымский хан) политики устрашения и насилия.

Отличительной чертой действий иранских и турецких правителей на Кавказе было настойчивое желание использовать религиозные симпатии местного населения в политических целях. Однако, старания шаха и султана не имели в регионе особого успеха. Откровенно насильственной и экспансионистской политике, проводившейся шахом, сул-

таном и его вассалом — крымским ханом, народы Дагестана во главе с их предводителями отдавали предпочтение умеренному и дипломатическому курсу российского правительства, которого царизм придерживался до 20-х годов XIX в.

Так, в указе императрицы Елизаветы Петровны от 20 апреля 1742 г. в отношении горских владетелей предписывалось “... по-прежнему ласкать и от протекции Е.И.В. не отлучать ... под оной искусным образом стараться содержать”¹⁹⁻².

После победоносного завершения войны с Пруссией, и с учетом ослабленности Ирана и Турции, Россия стала проводить свою политику на Северном Кавказе активнее и жестче.

К примеру, в 1758 г. в Чечню была организована военная экспедиция, в Дагестане жестокими мерами проводились акции для прекращения междоусобиц и по укреплению там пророссийской ориентации, так как России в тот период было выгодно иметь в лице Дагестана сильную “буферную зону”.

Нельзя сказать, что правители Дагестана и других народов Кавказа не понимали этого, прибегая зачастую к тактике временных соглашений, выжидания и дипломатического лавирования.

В докладе Коллегии иностранных дел Екатерине II, представленном в 1768 г., среди народов, живших от границ России до Ирана, между Черным и Каспийским морями, упоминались лишь западные адыги и кабардинцы, а остальное население сводилось к этническим группам “оссов” и “лезгов”²⁰. Тем самым стиралась сложная картина этнокультурных взаимоотношений на Северном Кавказе, необходимая России для принятия правильных политических решений.

Из-за пестроты этнической карты Кавказа, сложности взаимоотношений отдельных групп местного населения, край отличался постоянным наличием очагов напряженно-

сти, искусственно подогреваемых целенаправленной политикой России, Турции и Ирана. Такая ситуация ослабляла возможности совместного отражения внешней угрозы.

Масштабы и результаты борьбы народов Северного Кавказа за свою независимость определялись масштабами завоевательных войн соседних держав, остротой выступлений отдельных народов Северного Кавказа за сохранение своей свободы. В каких-то случаях эти движения сливались в единый поток, как было во время борьбы с Надиршахом, в большинстве же случаев народы Северного Кавказа действовали разобщенно, иногда могли даже противостоять друг другу. Последней ситуацией часто пользовались соседние государства, стремившиеся установить свое господство в данном регионе. Особенных результатов в этом деле достигла Россия, суть политики которой выразила Екатерина II: “Разномыслие между горцами облегчит наше предприятие. На это денег не жалеть”²¹.

В царствование Екатерины II методы России по колонизации Северного Кавказа приняли открытый характер. В 1769 г. по приказу императрицы 517 семей донских казаков было поселено на реке Терек, которым “повелено именоваться Моздокским полком”. Таким же образом Екатерина II в 1792 г. переселила 3000 семей донских казаков “в Черноморие, и водворено здесь войско Черноморское”²².

Походы дагестанцев на пограничные грузинские области, входившие в состав Турции, вынудили Турцию снарядить в Ахалцих 20-тысячное войско. На запрос Петербурга, “почему Турция так сильно за грузин вступается”, российский резидент Обресков из Стамбула сообщал, что “покровительство, оказываемое Турцией грузинам — мероприятие, направленное против “смертельных лезгинских неприятелей” Турции, которые, пробравшись в Грузию в турецких границах, вред наносят”²³.

Приведенный пример показывает двуличие как Турции, так и России в политике по отношению к кавказским наро-

дам. Следуя принципу: "разделяй и властвуй" Турция не скупилась на обещания поддержки "единоверных" дагестанцев в борьбе с "неверными"; в свою очередь Россия демонстрировала солидарность с "единоверными" грузин в их борьбе против "неверных" турков и прочих.

В целом, "в XVIII в. для России на первом месте оставались пока политические цели, а задачи колониального ограбления и насильственной ассимиляции региона ждали своего решения в более позднее время"²⁴.

Начиная со второго десятилетия XIX в. методы колониальной политики России изменились.

Если Россия до 20-х гг. XIX в. вела осторожную, гибкую политику по отношению к народам Северного Кавказа, то с вышеуказанного времени царское правительство перешло на Северном Кавказе к политике насилия, устрашения и военного террора, что особенно проявилось при генерале Ермолове, которого в Петербурге почитали либералом и чуть ли не другом декабристов, а в Дагестане и Чечне — считали палачом.

Император Александр I в предписании Ермолову (от 29 июля 1816 г.) давал указание "... довершить постепенное покорение народов Кавказа. ... Нужно стараться истребить ... тех из возмутителей, кои покажут себя упорнейшими"²⁵. В феврале 1824 г. он объявил Ермолову "высочайшую благодарность за укрощение Дагестана", хотя, как подтвердилось позже, награда оказалась преждевременной.

Ермолов утверждал: "Кавказ тогда будет русским, когда среди него водворится русский народ"²⁶.

По новому положению за пользование своей же землей горцы Северного Кавказа должны были платить налоги. Были введены новые налоги на продаваемое вино, шелк, марену, на использование воды, угодий и т.п.

Горцы так же несли подводную повинность (представление телег и подвод) для перевозки фуража и провианта российской армии, вестовую службу; при строительстве

русских укреплений на Северном Кавказе горцев насильно мобилизовали на строительство этих укреплений и долог к ним.

Одновременно местные феодалы, опираясь на российскую администрацию, беспощадно эксплуатировали горцев.

Политикой проконсула Кавказа Ермолова было недоброжелательно также и мусульманское духовенство. Попытки генерала назначать кадисов, мулл в сельских джамаатах, которые раньше избирались самим населением, а также его притязания на "корректировку" деятельности духовных лиц путем подкупа или шантажа, привели к обратным результатам: часть духовенства Дагестана стала призывать горцев к "джихаду".

Некоторые из владетелей Дагестана также были недовольны указаниями и действиями Ермолова, направленными на ущемление их прав и привилегий.

В 1817-1818 гг. начались первые серьезные военные столкновения российских войск с разрозненно действовавшими отрядами чеченских и дагестанских владетелей. Жестоко расправляясь с каждым из них поодиночке, Ермолов все больше становился хозяином положения. "... Он считал, что выполняет цивилизаторскую миссию на Кавказе"²⁷. Докладывая о покорении Дагестана императору, генерал писал: "... и страна сия, гордая, воинственная и в первый раз покорствующая, пала к стопам Вашего Императорского Величества"²⁸.

Однако, о "падении" Дагестана говорить было рано: локальные, неорганизованные выступления дагестанских и чеченских отрядов против царской колониальной администрации продолжались, поскольку произвол и репрессии военной администрации год от года усиливались.

Так, например, сам Ермолов²⁹ в предписании своему подчиненному генерал-майору Лаптеву от 30 апреля 1826 г. признавал, что "чрезмерными требованиями своими ... возбуждаем ропот среди горцев"³⁰.

Важную роль в кавказской политике соперничавших

сторон играл Дагестан. Доминирующее значение Дагестана в системе международных отношений в регионе определялось не только его геополитическим положением на Кавказе, но и тем, что через Дагестан осуществлялась морская и транзитная торговля между Россией, Ираном и Закавказьем. Кроме того, некоторые правители Дагестана оказывали влияние на внешнюю политику отдельных феодалов Закавказья, Кабарды и сельских обществ Чечни, Ингушетии, Осетии. Поэтому, по мере активизации кавказской политики роль и место Дагестана во взаимоотношениях этих стран на Кавказе заметно возросли.

Согласно предписанию императора, к покорению горцев Северного Кавказа приступил уже генерал-фельдмаршал Паскевич. Но усмирить их царизм смог только спустя 34 года упорной и кровопролитной войны.

Создавая себе социальную опору, царское правительство поддерживало интересы местных феодалов, охраняло их привилегии, оказывало им всяческую помощь и поддержку, способствуя тем самым еще большему укреплению феодальных отношений. Кроме единовременных пособий, ценных подарков, почти всей феодальной верхушке были определены пожизненные пенсии, ежегодное жалованье. Ханам и бекам присваивались высокие офицерские и генеральские звания, они награждались орденами и медалями.

Проводимой царским правительством покровительственной, и попустительской в отношении народа, политической феодальные верхи воспользовались весьма широко. При политической поддержке самодержавия феодалы усилили наступление на крестьян. По своему усмотрению они стали увеличивать размеры податей и повинностей, уверенные в помощи и поддержке царизма. Нередки были случаи, когда людей без суда и следствия выслали во внутренние губернии России. Положение жителей осложнялось еще и тем, что кавказское командование (особенно — Ермолов) без особых причин, чаще всего за вину отдельных лиц, применяло экономическую блокаду целых районов, запре-

щало горцам торгово-экономические связи и отношения с равнинной частью Дагестана, Закавказьем и Северным Кавказом.

В силу вышеуказанных причин, в 20-х гг. прошлого столетия в глубине масс зрел и набирал силу протест против усиливающегося угнетения и произвола местной знати, репрессий колониальных властей.

Но, как и прежде, недовольство действиями царской администрации и приверженность исламу не означали желания народов допустить на Северном Кавказе власти Османской империи или шахского Ирана, хотя эти державы, а также заинтересованные в ослаблении России на Кавказе и на Ближнем Востоке западноевропейские государства, и прежде всего Англия, стремились в своих интересах использовать борьбу горцев, подстрекали и поощряли движение горского населения Дагестана и Чечни против царской России..

Исторически неоспоримым остается и тот факт, что дагестанцы в ходе российско-иранской (1826-1828 гг.) и российско-турецкой (1828-1829 гг.) войн, не только сохраняли нейтралитет, но и оказали самодержавию немалые услуги .

Как признавал в своем письме к императору генерал Ермолов, *“в период русско-персидской войны Дагестан не изменял верности своей Вашему Императорскому Величеству и постоянством в поведении дал полезный пример другим горским народам”*³¹. Главнокомандующий на Кавказе Паскевич также докладывал императору о храбрости мусульманских отрядов из горцев Северного Кавказа, воювавших за Россию против Турции³².

Как восточным, так и европейским державам не удавалось использовать горцев Кавказа в своих интересах против России : в тяжелом для России 1812 г. Франции не удалось изменить русскую ориентацию северокавказских народов³³.

Россия выиграла войну с Ираном: 22 февраля 1828 г. в

местечке Туркманчай был подписан мирный договор с Ираном, который подтвердил все условия Гюлистанского договора 1813 г. и являлся концом русско-иранских войн за господство на Кавказе.

14 сентября 1829 г. заключением Адрианопольского (Эдирнинского) мирного договора закончилась война и с Турцией. Согласно этому договору, Турция уступила России на Кавказе все восточное побережье Черного моря от Анапы до порта св. Николая, а также признавала присоединение к России Дагестана и других областей Кавказа согласно Гюлистанскому (1813 г.) и Туркманчайскому (1828 г.) договорам России с Ираном.

Несмотря на усилия Англии сплотить турецко-иранский союз против России с целью недопущения ее на Кавказ и дальше, российской дипломатии удалось развалить идею этого союза.

Таким образом, в состав российских владений, отвоеванных у Турции и Ирана, входили территории, фактически не находившиеся в подданстве ни у султана, ни у шаха, поскольку владельцы недоступных горных местностей, формально признававшие себя вассалами шахов, султанов и царей, принимавшие от них подарки и титулы, в действительности им не подчинялись.

Николай I после окончания русско-турецкой войны писал Паскевичу: *“Кончив, таким образом, одно славное дело, предстоит вам другое, в моих глазах столь же славное: ... усмирение навсегда горских народов или истребление непокорных”*³⁴. После Адрианопольского (Эдирнинского) и Туркманчайского договоров у царизма в отношении Северного Кавказа руки были развязаны. Как признавали и сами царские генералы, не религиозный фанатизм, а желание быть свободным поднимало горцев и имама Шамиля на борьбу с колонизаторами.

Говоря о борьбе горцев под руководством Шамиля, немецкий историк писал: *“...Покоритель мира Тимур, прозванный железным, не подчинил дагестанские племена.*

*Надир-шах, завоеватель Индии, напрасно поднял вновь против лезгинов свою руку. ... В стране, где сам Бог исполинскими скалами образовал твердыню свободного народа, наконец и самый могущественный обладатель власти (российский царь — прим. автора) должен будет признать свое бессилие также, как Наполеон в России узнал на опыте, что вся человеческая сила недостаточна в борьбе с силами природы... Но в критическом положении находятся также и горские народы, которые окружены со всех сторон и не могут надеяться получить какой бы то ни было помощи со стороны”*³⁵.

Действительно, Шамиль не получил какого-либо вида реальной помощи ни от Турции, ни от Англии, и несмотря на это, ожесточенно сопротивлялся.

*“Такие дела, правда, достойны того, чтобы народные певцы рассказывали о них в рифмах, под аккомпанемент бряцания стручного инструмента, чтоб имя навшего героя стало известно праправнукам. В самых храбрейших войсках Европы можно встретить лишь немногих отдельных индивидуумов, воодушевленных подобным мужеством, чтобы по собственному побуждению идти на верную смерть, как делали пламенные мюриды Ахульго, притом покидая жену и ребенка”*³⁶.

Как признает современный историк и политолог из США Паул Хензе, *“длительная война Шамиля снискала ему огромную славу, им восхищались не только турки, но и европейцы, американцы, однако, несмотря на подобное отношение, Шейх Шамиль не получил помощи от турок и англичан даже в самый разгар крымской войны, когда такая возможность была”*³⁷.

По поводу же утверждения представителей официальной дворянско-буржуазной историографии (Н.Ф. Дубровин, В.А. Потто, А.Берже и др.) и некоторых советских исследователей (Ш.Р.Цагарейшвили, М.М. Блиев, В.Б.Виноградов и т.д.) о согласованности боевых операций горцев под руководством Шамиля с наступательными действиями ту-

рок, о помощи Турции и Англии Шамилю, Х.М. Ибрагим-бейли сделал такое замечание: "...ни один из этих историков не приводит убедительных фактов и аргументированных доводов, которые бы свидетельствовали о взаимодействии горцев с турецкой армией, ограничиваясь лишь голословными утверждениями о перетиске между султаном и Шамилем, цитированием бесчисленных фирманов и воззваний султана и его военачальников, адресованных мусульманским народам Кавказа"³⁸.

Что же касается похода семитысячного отряда под командованием сына Шамиля, Гази-Магомеда, в Кахетию в 1854 году, то даже по характеристике современника событий официального историка генерала А.Л. Зиссермана, это был, "в сущности ... простой набег, не имевший никакого влияния на ход ... дел"³⁹ на Кавказе.

Действия горцев предпринимались по самостоятельным планам Шамиля и его сподвижников, которым не были даже известны планы антирусской коалиции.

Таким образом, горцы, ведя справедливую борьбу против царизма, не стремились подчинить ее интересы ни Турции, ни Англии. Более того, Шамиль и другие руководители восставших горцев Кавказа с недоверием относились к султанскому правительству, а Гази-Мухамад, в частности, говорил: "Когда я возьму Москву, отправлюсь в поход на Стамбул"⁴⁰. Царский генерал и историк Н.Дубровин так же признавал, что "...Шамиль не желал соединения с турками"⁴¹. Более того, Шамиль даже заявлял, что если бы турки попались в его руки, то он "изрубил бы их на 24 куска, начиная с султана"⁴².

Современная зарубежная историография подчеркивает единоборство горцев и Шамиля в борьбе с царской Россией и о пустых, ничего не стоящих, обещаниях Англии и Турции⁴³.

Однако, нельзя отрицать того, что Шамиль и его окружение неоднократно обращались за помощью к третьим странам: ничего зазорного или удивительного в этом нет

— в международной практике такие факты не единичны.

О трудном положении Шамиля к началу 1853 г. было упомянуто в его письме Оттоманскому султану: "Великий и милосердный Халиф. Мы, твои подданные, постоянно подвергаемся давлению год за годом. Теперь у нас нет больше сил противостоять нашему врагу. Мы лишены всех средств и находимся в катастрофическом положении"⁴⁴.

Еще раньше, в августе 1848 г., Джамалудин Казикумухский обращался с письмом к Шейхулисламу Турции, где он упрекал султанское правительство и высшее мусульманское духовенство Турции в бездеятельности и неказании помощи Шамилю⁴⁵.

В 1858 г. к султану Турции Шамиль направил двух эмиссаров с целью получения помощи. Однако, как видно из документов, хранящихся в Государственном архиве Премьер-министра Турции (Баш Векалат Аршиви), этим двум эмиссарам было объявлено "о невозможности в настоящее время выполнить просимое"⁴⁶.

Горцы сражались, но силы были неравны. Как писал Джамалудин Казикумухский, "долго боролись дагестанские народы. Однако, ввиду малочисленности народов, ограниченности боеприпасов и отсутствия помощи, поддержки со стороны государств, располагающих сокровищами и распоряжающихся силами и делами, (имеется ввиду — Османская империя — прим. автора) неверующие построили в Дагестане укрепления, наложили на дагестанцев подати и повинности. Народы Дагестана вынуждены оказались подчиниться им"⁴⁷.

2. БОРЬБА ГОРЦЕВ ДАГЕСТАНА ПОСЛЕ ПЛЕНЕНИЯ ШАМИЛЯ.

В Дагестане сопротивление горцев царскому режиму не прекращалось и после пленения Шамиля.

Восстания в Чечне и Дагестане происходили непрерывно: в 1861 г. в Чечне — Умма Дуев и Атабай; в 1862 г. в Чечне — во главе с Кунта-Хаджи; в 1861 г. в Дагестане

вслед за Каракул Магомой Гази Магома, двоюродный брат наиба Шамиля Кибит Магомы, пытался поднять восстание; в 1863 г. вспыхнуло восстание гумбетовцев в Дагестане. В Чечне восстали крестьяне во главе с Тазой Экмирзаевым в 1865 г. В мае 1866 г. в Дагестане повстанцы окружили с. Маджалис, где находился начальник округа князь Андроников. Для подавления восстания сюда были переброшены войска со всех округов Дагестана. Семь руководителей восстания были повешены и 200 семейств отправлено в Сибирь. В августе 1866 г. начались волнения среди крестьян северного Табасарана.

Широкий резонанс в горах Дагестана получило убийство жительницей Батлук трех русских солдат за насилие над ней⁴⁸.

В 1871 г. снова вспыхивает восстание в Ункратлинском наибстве.

Тысячи дагестанцев выслались во внутренние губернии России за их любовь к свободе. Согласно циркуляру МВД России за № 106 от 7.06.1872 г. ссыльно-каторжные из Дагестана отправлялись из Дербента до Астрахани по Каспийскому морю на пароходе Общества "Кавказ и Меркурий". Из Астрахани — пароходами по рекам Волга и Кама — до городов Вятка, Глазов, — а затем — Дебесса, — Оханск — Пермь.

В зимние времена, до открытия навигации, ссыльные задерживались в губернских тюрьмах. Маршрут этапа: Дербент-Астрахань-Саратов-Самара-Симбирск-Казань-Вятка-Глазов-Дебесса-Оханск-Пермь⁴⁹.

В связи с переполнением Пермской тюрьмы каторжными, циркуляром МВД России от 26.10.1872 г. за № 184 предписывалось арестантов и каторжан из Дагестана отправлять по маршруту Саратов-Вольск-Хвалынский-Сызрань, а также в Ставрополь, Харьков, Ростов⁵⁰.

Установить точное количество дагестанцев, высланных во внутренние губернии России, не представляется возможным: штаб войск Дагестанской области уведомил

Канцелярию Дагестанской области о том, что не может предоставить ей списки всех ссыльных в Сибирь из-за того, что "согласно статье 147 Устава о ссыльных, XIV тома Свода Законов, все сосланные дагестанцы передавались в Ставропольское Губернское Правление для отсылки по назначению"⁵¹.

Итак, в 60-х гг. XIX в. восстания в Дагестане и Чечне происходили ежегодно⁵². Приходится удивляться наивности царской администрации, которая никак не могла понять, почему происходят эти восстания и после "замирения"⁵³. Причины для восстаний было больше, чем достаточно.

5 апреля 1860 г. генерал-адъютантом князем Барятинским был составлен Проект Положения об управлении Дагестанской областью, который стал основой для управления Дагестаном⁵⁴.

После введения так называемого "военно-народного управления" экономическое положение горцев Дагестана резко ухудшилось.

Вольные общества и узденство, составляющее подавляющее большинство населения Дагестана, никогда не признававшее чужой власти над собой, с введением военно-народного управления лишились многих привилегий и льгот, попали под жесткий колониальный режим царского правительствa.

Часть дагестанских правителей, которой в начале административных реформ было разрешено управлять подвластными территориями, постепенно лишилась своих полномочий и переводилась в разряд "почетных лиц" (зачастую — с присвоением офицерского звания) с тем или иным государственным обеспечением — ежегодной пенсией.

Таким образом, как докладывал Главнокомандующий Кавказской Армией Александру II, "...закончен ряд мер, прямых или косвенных, принимавшихся здешнею администрацией к устранению туземных правителей от управления народом... и все без исключения население состоит в непосредственном ведении русских властей"⁵⁵.

Открытый грабеж и жестокое колониальное угнетение толкали трудящихся горцев на выступления против местных феодалов и царской администрации. Формы этих выступлений горцев были разнообразными: вооруженные восстания, бегство от своих владельцев, письменные жалобы на имя наместников российского императора на Кавказе и на царское имя (когда Александр II посетил Дагестан в 1871 г.) и, наконец, переселение целыми семьями в Турцию, в знак протеста против колониального режима царской России и местных феодалов, опиравшихся на колониальную администрацию.

Причины переселения дагестанцев в Турцию были в основном экономические, политические и духовно-нравственные.

Основные социально-экономические причины массового переселения горцев заключались в следующем:

— самым крупным земельным собственником в Дагестане стал царизм;

— лучшие пахотные земли на равнине и пастбища в горах отводились представителям администрации, русским генералам и офицерам, чиновникам и местной знати; наместнику Кавказа Воронцову-Дашкову, генералам Лазареву и Аргутинскому-Долгорукову, помещику Кожевникову, дворянину Пыльцову, чиновнику Кривенко принадлежало свыше 12 тысяч десятин плодородной земли⁵⁶.

— для трудящихся горцев земель и пастбищ не хватало; хроническая нехватка земли толкала трудящихся горцев к эмиграции в поисках средств к существованию;

— самодержавие стояло на страже собственности дагестанских феодалов, покрывая их произвол, хотя часть феодалов (ханы, бски, шамхалы и др.) были ущемлены в своих правах;

— дагестанские уздени (независимые общинники) составлявшие большинство населения, лишились многих прав и вольностей;

— горцы были обложены ежегодной подымной (с

“дыма”, или хозяйства) податью (до 3 руб. натурой или деньгами с каждой семьи), земским налогом (за почту, медицину и т.д.), воинским налогом, налогом с пастбищ, чапарской повинностью (обязательная поставка лошадей), дорожной повинностью (починка дорог и мостов), подводной повинностью (поставка телег, подвод и арб) и т.д. К примеру, только в 1868 г. на дорожные работы было согнано со своим транспортом 335 тыс. человек⁵⁷, что составляло более половины всего населения Дагестана, а в 1874 г. — 176 171 человек⁵⁸;

— в экономической области российская крестьянская реформа не решила острой для крестьян Северного Кавказа проблемы — вопроса о земле: 71 % всей пригодной земли в Дагестане принадлежало 534 дворянам, а 23 % — крестьянам⁵⁹;

— положение горского крестьянства из года в год все более ухудшалось, об этом в частности можно судить по росту недоимок (недоплатежи налогов в связи с обнищанием горцев) : только в 1871 г. за населением Дагестана числилось свыше 105 тыс. рублей неоплаченных налогов⁶⁰.

К политическим причинам переселения горцев прежде всего необходимо отнести:

— беспощадную военно-колониаторскую политику царизма во время и после окончания русско-кавказской войны;

— обеспечение привилегированного положения русскоязычного населения, пользовавшегося поддержкой администрации;

— злоупотребления царской администрации;

— практика обезоруживания горцев, расценивавшаяся последними как нанесение морального ущерба;

— обязательное утверждение окружной администрацией выбранного джамаатом члена сельского управления, с ускоренным переходом к прямым назначениям ею же этих лиц; как правило, назначаемые местные старшины были лояльны по отношению к царскому правительству;

— введение круговой поруки (весь джамаат считался ответственным за действия любого члена общества);

— все преступления, даже совершенные казаками, приписывались горцам — и проч.

Царизм пытался закабалить горцев не только военно-политическими, социально-экономическими методами, но и духовно-нравственными: российские колониальные власти пытались христианизировать народы Северного Кавказа, веками проповедовавшее мусульманство. С целью христианизации горцев под руководством фельдмаршала Барятинского было организовано так называемое “Общество восстановления православия в горах”. Главными действующими лицами в этом деле были, помимо Барятинского, граф Блудов и митрополит Филарет. Для этих целей были отпущены из государственной казны деньги. А.И. Барятинский по этому поводу писал: “... со временем христианство обнимет собою все горы, и на развалинах мусульманства водворится даже там, где оно не было...”⁶¹. Гасан Алкадари в своей книге “Диван аль-Мамнун” пишет, что “некоторая часть мусульманского населения приняла христианство; опираясь на русскую власть и гордясь своей новой религией, они издевались над мусульманами и их религией, нанося тем самым им обиды...”⁶².

Говоря об участии высланных в Россию за участие в восстаниях 60-70 гг. дагестанцев, начальник Дагестанской области в своем “Кратком отчете” за 1869 г. указывает: “...замечательно, что некоторые из них приняли в России православие...”⁶³.

Однако, судя по архивным материалам, попытки христианизации дагестанцев не принесли того успеха, которого ожидало царское командование⁶⁴. Наоборот, эти попытки также послужили дополнительной причиной подстегивания эмигрантских настроений среди горцев. В этой связи несомненный интерес для исследователей представляют отчеты Общества восстановления православия в горах⁶⁵.

Одной из причин, толкнувшей горцев к эмиграции в Турцию, являлось также привлечение горцев к воинской повинности, которая затрудняла исполнение религиозных обрядов. Хотя от воинской повинности, согласно Положению о замене обязательной военной службы денежным выкупом, “утвержденным Высочайше” 18 июня 1868 г., горцы могли откупиться, однако, с 1872 г. выкуп составлял 800 руб. К примеру, пенсия для нижних чинов, российской армии, согласно статье 30 Положения от 25.06.1867 г., составляла 3 рубля⁶⁶. Понятно, большинство горцев не могло собрать такой суммы и откупиться могли только богачи.

Алкадари в вышеуказанной книге указывает, что в дагестанских аулах распространились слухи о том, что дагестанским народам, попавшим под власть русских, спокойствия не будет, что набирать солдат администрация будет и из Дагестана, и что им запретят выполнять религиозные обряды, так как не разрешат совершать намаз, соблюдать уразу, что налоги с населения будут значительно увеличены и др. “... каковыя слухи волновали народы и вызвали переселение многих семейств в Турцию... Народы Дагестана никогда не относились доверчиво к царской власти, и все ожидали от нее каких-либо тяжестей. Под видом укрепления на Кавказе границ с Турцией, царское правительство вселяло сюда русских и немцев, устраивая их на кутанах и участках, приобретенных правительством у местных беков, и тем населяя и без того тесный безземельный Дагестан другими народами...”⁶⁷.

Слухи, о которых пишет Алкадари, имели под собой почву. Царское правительство на самом деле переселяло на Северный Кавказ, и в частности в Дагестан, христианское население казаков, армян, греков, немцев и русских крестьян из внутренних губерний России⁶⁸.

Тот, кто принимал христианство, освобождался от несения военной службы и мог пользоваться экономическими льготами⁶⁹.

Для горцев Дагестана оставалось или платить баснословный выкуп (800 рублей внести могли только единицы) и налоги, или принять христианство (таковых было немного), или эмигрировать в Турцию, или с оружием в руках защищать свою честь и свободу.

Именно по этим и другим причинам в восстании, вспыхнувшем в августе 1877 г. принимало участие 11642 из 13140 дворов, насчитывавшихся в Дагестане по переписи населения⁷⁰. (Каждый двор мог включать в себя по несколько семей).

Восстание было жестоко подавлено царскими властями. Очевидец этих событий Абдуразак из Согратля пишет, что царские палачи *“...не оставляли человека, считаясь ни с его физическими недостатками, ни раненных... Пленили без разбора одного за другим, пользуясь предательством лицемеров, и отправляли в Сибирь и расселяли по городам, как семена по посевному полю на поверхности земли. Трудно им жилось. Их преследовали разные болезни в этих русских краях из-за того, что климат там им не подходил, большинство умерло на местах заключения — да помилует Аллах их и нас...”*⁷¹. Далее автор отмечает, что *“... в Дагестане редко кто, которого не постигло бедствие восстания. Либо был убит, либо пленен, либо повешен, либо ограблен, либо ранен или непосредственно сам или кто-либо из рода его. Число всех плененных мужчин, женщин и детей достигло 17 тысяч...”*⁷². Как пишет Ахмед Цалыкагты, *“...это был заключительный аккорд героической борьбы за волю гор, тянувшейся целое столетие. Восстание горцев Кавказа в 1877 году — это поединок Голиафа и Давида в исторической обстановке того времени (лишь только с той разницей, что побежденным оказался Давид. — прим.автора). ... Пылкая, подвижная, легко воспламеняющаяся, бурная в своих порывах Чечня, и уравновешенный, холодно-рассудительный, спокойно хранящий не менее горячее сердце — Дагестан — еще раз потрясли стариной”*⁷³.

Известный профессор П.И.Ковалевский, немало напи-

савший о Кавказе (кто знаком с произведениями этого ученого, тот хорошо знает, что особой любви этот ученый к кавказским горцам не питал), в книге *“Восстание Чечни и Дагестана в 1877 г.”* пишет, что *“пожар злобы и вражды у лезгин и чеченцев к урусам был раздут грубым и наглым отношением русской администрации к горцам”*⁷⁴.

В условиях, когда вооруженным путем отстаивать свою независимость было невозможно, поскольку против народов Дагестана и всего Северного Кавказа стояла огромная империя — Россия с регулярными войсками, “меньшим злом” для горцев казалось переселение в Турцию, в “страну единоверцев”, султан которой в то время являлся “халифом всех мусульман”.

И немудрено, что стремление к уходу в Турцию среди горцев Дагестана все более усиливалось. Царское командование вынуждено было даже образовать в 1868 г. так называемое Особое Совещание для рассмотрения заявлений горцев об уходе в Турцию.

Таким образом, подавляющее большинство дагестанцев эмигрировало в Турцию из-за жестокой колониальной политики царского самодержавия и из-за гнета местных феодалов, пользовавшихся поддержкой властей; часть эмигрировала, боясь политических преследований властей за участие в восстаниях и антиколониальных выступлениях; часть — из-за козней местных социальных верхов, заинтересованных в присвоении земель эмигрировавших земляков; часть — под давлением влиятельных религиозных односельчан и сородичей — согласно догмам ислама о слепом подчинении старшим и влиятельным лицам из числа духовенства; часть — чисто по экономическим причинам: нехватка земли и надежда на лучшую жизнь.

Часть туркофильствующей знати горцев, которая всегда ратовала за превращение Северного Кавказа в провинцию султанской Турции, вместе со своими родственниками и челядью так же переселилась в Турцию.

“Раз возмутители и фанатики будут удалены, несом-

ненно, что народ успокоится ..., не нужно мешать уходу тех, которые теперь открыто выражают стремление уйти"⁷⁵ — советовал А.И. Барятинский царскому двору.

Отпуская наиболее "фанатичных" горцев Северо-Восточного Кавказа, в частности Дагестана, кавказское начальство рассчитывало "освободить" регион от "неспокойного", "опасного" для царского правительства населения, поскольку, как подчеркивает А.Берже, "...проникнутые мусульманским фанатизмом, распаленные продолжительной войной, они продолжали ненавидеть нас как недавних еще заклятых врагов..."⁷⁶.

"Фанатики Дагестана, — писал Пржецлавский, назначенный впоследствии приставом при военнопленном Шамиле, — переселенные в Турцию, не могут быть для нас вредны, а фанатики, удерживаемые в Дагестане, — это язва, которая при их любви к пропаганде может развиваться во вред нам!"⁷⁷.

В переселении горцев в Турцию также сыграли роль и кровнородственные отношения: если одно влиятельное лицо переселилось в Турцию, то нередко за ним поднимался почти весь его тухум.

Подчеркивая роль родовых, патриархальных и религиозных отношений в переселенческом движении, царский историк и генерал Р.А.Фадеев, сам принимавший активное участие в организации переселения северокавказцев, писал: "движение это действует как повстрие. Идет один, за ним идет другой его родственник и так далее"⁷⁸.

Религиозная общность горцев Северного Кавказа с Турцией так же сыграла немаловажную, хотя и не главную роль: часть горцев (особенно дагестанцев), попавшая под влияние авторитетных шейхов, кадиев и мулл, добровольно (или под воздействием писем, присланных этими шейхами), уходила в Турцию, желая умереть на "священной земле единоверного султана".

Однако, переселение горцев, как уже отмечалось, не было связано лишь с религиозными убеждениями: большая

часть их покидала родину вопреки своему желанию, под давлением царских войск или в результате колонизаторской политики самодержавия.

Следует заметить, что на Северо-Западном Кавказе проживало население, не исповедовавшее ислам, но активно переселявшееся в Турцию. Убыхи, например, были язычниками и наполовину христианами, но все они до единого эмигрировали в эту страну⁷⁹. Поэтому объяснение некоторых авторов переселения только как результата исламских настроений не соответствует действительности. И российские, и турецкие власти уделяли много внимания "обработке" шейхов и мулл с целью склонения их к эмиграции в Турцию со своими последователями — мюридами — это отвечало интересам как России, так и Турции. Например, известные в Дагестане шейхи Мухамад ибн Осман и Шарапудин (Зайнулабид) ибн Абдурашид (оба из сел. Кикунь) эмигрировали в Турцию, уведя с собой многочисленных последователей, а затем присылали в Дагестан эмиссаров, письма-воззвания к эмиграции и других слоев населения. Военный начальник и командующий войсками Терской области М.Т.Лорис-Меликов в письме от 18 июля 1864 г. на имя генерала А.П.Карцева писал: "Граф Евдокимов передал мне перевод прокламаций турецкого эмиссара, приглашающего горцев в Турцию... Не мешало бы прислать мне несколько экземпляров для распространения в населении"⁸⁰. Известны случаи, когда ранее эмигрировавшие горцы возвращались назад, чтобы забрать оставшихся на Родине родственников.

3. МАРШРУТЫ И ЭТАПЫ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ ДАГЕСТАНЦЕВ В ТУРЦИЮ

Если горцы Северо-Западного Кавказа (адыги) выселялись царским правительством насильно, то горцы Северо-Восточного Кавказа (Чечня, Дагестан) и Среднего Кавказа (Осетия, Карачай, Ногай и др.) были вынуждены пе-

реселяться в связи с политикой, проводившейся царской колониальной системой на Кавказе. Еще в 1860 г. А.И.Барятинский предлагал военному министру Д.А.Милотину выслать Шамиля и всех кавказцев-мусульман в Турцию и там создать прорусское государство во главе с имамом. *“Если бы ловкими дипломатическими действиями внушить мысль султану дать Шамилю в своем владении пустопорожние земли для колонизации кавказских выходцев, и вместе с тем, при отпуске Шамиля, обязать его словом — помогать, а не вредить власти Государевой на Кавказе... Исполнение этой мысли имело бы тройную, или четвертную цель: во-первых, избавить кавказское плоскогорье от населения, всегда враждебного, и открыть тем самым прекрасные и плодородные места для нашего казачьего поселения; во-вторых, дать самим выходцам лучшее положение, обеспечив их будущность, чего они теперь не имеют, ибо по мере прибытия в Турцию их оставляли на произвол судьбы (с Шамилем этого не случится — им будет куда пристать и кому повиноваться, а он, из привычки к делу и по воспоминанию о своей 30-летней власти, сумеет и там приучить их к повиновению и порядку); в-третьих, это устроит судьбу и займет самого Шамиля, которому пока уже обещано будущее пребывание в Мекке, и наконец, в-четвертых, в общечеловеческих видах прогресса, мы дадим прекрасное и сильное население пустынным странам”*⁸¹.

Однако, царское правительство не решилось на претворение предложений А.И.Барятинского, справедливо полагая, что тем самым они собственными руками создадут “государство в государстве” на территории Османской империи с труднопредсказуемыми последствиями.

На наш взгляд, эмиграционные процессы дагестанцев в Османскую империю можно условно разделить на несколько этапов:

I. Эмиграция до 20-х гг. XIX в.

II. Эмиграция в ходе национально-освободительной войны (1817-1859).

III. Эмиграция после конца имамата Шамиля и до восстания 1877 г. (1859-1877).

IV. Эмиграция с 1877 по 1893 гг. (между очередными русско-турецкими войнами (1877-1878; 1893-1895)

V. Эмиграция с 1895 по 1905 гг. (до начала русско-японской войны).

VI. Эмиграция с 1905 по 1917 гг. (до начала октябрьских событий).

VII. Эмиграция в ходе гражданской войны (1917-1922).

VIII. Эмиграция в Турцию части военнопленных в ходе Отечественной войны с Германией (в 1945-1955 гг.).

Характерна циничность царизма при переселении горцев: мухаджирам давали документ о том, что они “отпущены на богомолье в Мекку”, то есть на паломничество. Такая форма замаскированного выселения была выработана царским правительством с целью, чтобы, во-первых, скрыть перед Европой свое истинное лицо, а во-вторых, избежать противодействия Турции массовому переселению кавказцев в ее пределы. Как видно из переписки русских генералов, подобные жалобы и требования Турции к российскому командованию отклонялись под тем предлогом, что Россия не выселяет мусульман Кавказа, а “...только дает им отпуска для путешествия в Мекку, что по правилам веротерпимости, против которой, вероятно, турецкое правительство не станет возражать... Так как переселенцы отправлялись за свой счет с отпускными билетами, то турецкое правительство не могло ничего возражать против этой меры...”⁸².

Следовательно, турецкое правительство волей-неволей вынуждено было принимать в свои пределы “богомольцев-паломников” — кавказских переселенцев, у которых царские власти на Кавказе предусмотрительно брали подписку о невозвращении на родину после совершения паломничества в Мекку и Медину⁸³.

Нами подчеркивалась роль местных феодалов в переселении горцев. Северо-кавказские князья и феодалы

“...убедившиеся в том, что действительно русское правительство намерено и на самом деле приступить к освобождению рабов...”, обратились с просьбами о разрешении им переселиться в Турцию или не освобождать рабов⁸⁴. Наибольшее количество таких просьб исходило “от кабардинских и черкесских князей”⁸⁵. Из Дагестана эмигрировали Юсуф-хан Кюринский, Даниял Султан Элисуийский и др.

Дело в том, что закон 1861 г. отменяющий крепостное право, начал претворяться в жизнь на Кавказе в конце 60-х, и поэтому часть местных феодалов увела с собой своих “холопов” в Турцию, где они могли владеть ими, как и раньше у себя на родине. Именно этим же обстоятельством можно объяснить и тот факт, что наибольшего количества достигло число желающих эмигрировать в тех регионах Дагестана и в те же годы, когда упразднялись местные ханства, кадийства, уцмийства, шамхальства, бекства”⁸⁶.

Хотя основной контингент эмигрантов 1865 г. составляли чеченцы и карабулаки (“ингушское племя” — А.Берже), но в их числе, мы считаем, находилось немало дагестанцев, кабардинцев и осетин, которые “записывались в чеченцы” для того, чтобы выехать в Турцию “за казенный счет”, хотя и под конвоем. Например, Муса Кундухов в своем письме на имя М.Т.Лорис-Меликова от 8 марта 1865 г. сообщал: “...из Дагестана очень много приезжают в Чечню с просьбой переселиться всем вместе...”⁸⁷. Депортанты были разбиты на 28 групп. Первая группа была направлена 28 мая 1865 г. из Владикавказа и перешла границу 17 июня того же года, “а последняя 28-я партия двинулась из Владикавказа 16 августа и перешла границу у названной заставы 11-го сентября”⁸⁸. Начальник Дагестанской области в письме начальнику Терской области отмечает, что “готовящееся переселение из Чечни отразилось и на жителях Дагестана, смежных с ней. Из пограничных с Терской областью наместв Андийского округа в последнее время стали поступать просьбы от 10 до 20 семейств одновременно — на дозволение переселиться в Турцию”⁸⁹.

О том, что “... стремление к уходу в Турцию весьма сильно, и число желающих переселиться в настоящее время уже значительно... Осетины, кумыки, кабардинцы и жители Надтеречного намества или все будут расселены правильно и платят нам подать, или недовольная часть из них уйдет в Турцию”⁹⁰, — было сообщено и начальнику штаба Кавказской армии А.П.Карцеву.

Далее, известная английская писательница и историк Лесли Бланч в своей книге “Сабли рая”, написанной на основе достоверных документов и воспоминаний потомков переселенцев, указывает, что “еще в 1864 году начали прибывать новые большие группы горцев из Чечни и Дагестана”⁹¹.

Исследователь переселенческого движения осетин в Турцию М.С. Тотоев считал, что количество северокавказских “переселенцев в 1865 году должно колебаться между 40.000-50.000 душ обоего пола”⁹².

В 1865 г. с поручением — не допускать расселения “кундуховских” эмигрантов из Северо-Восточного и Среднего Кавказа (чеченцы, карабулаки, дагестанцы, осетины, кабардинцы) вблизи российских границ, на помощь российскому послу в Турции генерал-адъютанту Игнатьеву был командирован капитан генерального штаба А.С.Зеленой (впоследствии — генерал-майор⁹³), а в помощь Зеленому был направлен подполковник генштаба Павлов⁹⁴.

А.С.Зеленой оставался в Турции до октября 1867 г. и “заботился, чтобы чеченцы, по мере возможности, не были поселены между совершенно сплошным христианским населением”⁹⁵.

В результате действий вышеуказанных эмиссаров и посла России в Стамбуле часть горцев из Дагестана и Чечни была расселена вглубь Османской империи, в Сирии, Ираке и в центральных областях Анатолии⁹⁶ (Восточной Турции).

Большинство северо-восточных переселенцев было поселено по границам Курдистана и в Сирии, у истоков

реки Хабур; часть была направлена в гористую местность, часть — в Сивасский вилайет (область), часть — в провинцию Мараш (ныне — Кахраман-Мараш), небольшая часть была оставлена в Карсе.

В противовес России, посол Великобритании в Стамбуле настойчиво советовал султану Турции *“горцев растянуть ... военными колониями по армянской границе и таким образом воспользоваться ими как пограничной стражей против России”*⁹⁷.

С середины 60-х гг. XIX в. отношение России на переселенческое движение горцев Северного Кавказа в Турцию начинает радикально меняться. В сентябре 1867 г. Главнокомандующий Кавказской армией писал посланнику в Стамбуле: *“Военные соображения, руководившие мною в 1863 году, и заставившие не только не препятствовать переселению горцев, но и поощрять в них тот фанатизм, который побудил все население черноморского побережья к поголовному выселению, ... то наискорейшее развитие края и административное его благоустройство побуждает меня препятствовать дальнейшему выселению кавказских мусульман...”*⁹⁸.

Возникает вопрос: почему царская Россия, столь энергично проводившая политику выселения до середины 60-х гг. (особенно по отношению коренных жителей Северо-Западного Кавказа — адыго-абхазских народов), с 1867 г. стало препятствовать переселению горцев?

Дело в том, что казаки и русские крестьяне, заселенные в *“очищенных от туземцев землях”*, оказались неприспособленными для условий горной местности. Они, в частности, не имели навыков террасного земледелия, виноградарства, шелководства и т.д.

Многие станицы пришлось даже упразднить, так как *“русскому населению оказалось совершенно невозможным жить в этих местах”*. Так, только в одном 1868 г. состоялось *“упразднение целых 12 станиц Кубанской области, по крайнему неудобству относительно хозяйства, путей*

*сообщения и отчасти климата... Теперь же превосходнейшие луга и нивы, буквально созданные руками человеческими на голых каменных стенах, заросли мелким кустарником и совершенно пропали... Богатейшие сады и виноградники заросли дикими деревьями и погибли”*⁹⁹.

Именно поэтому, чтобы исключить превращение Дагестана в *“ни кем не обрабатываемую и ни кем не защищенную голую скалу”*, здесь применялись всевозможные *“ухищрения”* в целях недопущения массового выселения горцев Северного Кавказа. А.П.Берже писал, что *“...выселение горцев Дагестана не приняло громадных размеров, благодаря политике А.И.Барятинского, который придавал только наружный вид согласия на переселение, а на самом деле ставил непреодолимые преграды, к числу которых относится требование уплаты податей вперед за 10 лет. Невозможностью исполнить такое требование и объясняется то обстоятельство, что официально в 1872 году переселилось из Дагестана только 120, а в 1873 — 179 семейств”*.

Российское командование в Дагестане разрешало *“...увольнять ежегодно только определенное число семейств, которые получали паспорта под видом отправления на паломничество в Мекку, с уплатою повинностей за 10 лет, причем им объяснялось, что после ухода их за границу им возбраняется возвращение на Родину”*¹⁰⁰.

Позже для дагестанцев была установлена квота — до 150 семей за год¹⁰¹, как как *“главное кавказское начальство не желало лишиться энергетического и многочисленного населения”*¹⁰².

Дело в том, что дагестанские земли, в отличие от кубанских, были менее плодородны, а так же несоизмеримо меньше по площади. В основном в Дагестане применялось террасное земледелие, к чему казаки и русские крестьяне из внутренних губерний, как уже отмечалось, не были приучены, не имели навыков.

Если царское командование решилось бы на поголов-

ное выселение дагестанцев, то оно понимало, что из их *“местности, самой неприступной из всех, какие только обитаемы человеком”*, переселить их было бы крайне тяжело: *“...здесь на скалистых, безлесных горах, каждый клочок земли, способный к обработке, добыт трудами поколений, передается из рода в род и составляет единственное обеспеченное существование семьи. Дагестанец дорожит этим достоянием и местом, в котором родился, более всего на свете”*¹⁰³. Кроме того, *“...явилось опасение, что турецкое правительство поселит горцев вдоль закавказской границы и создаст тем самым большие затруднения в будущем”*¹⁰⁴. А.И. Барятинский мечтал *“...избавиться единственно от фанатиков, не трогая массы”*, и таким образом положить прочное основание русского управления *“в будущем”*¹⁰⁵. Таким образом, с середины 60-х гг. XIX в. взгляд кавказских властей на значение переселения радикально меняется. Во-первых, Россия к этому времени уже стояла на Северном Кавказе *“твердой ногой”*, во-вторых, царское командование на Кавказе, предвидя, что весь Северный Кавказ превратится *“в совершенную пустыню, подобно тому, как это случилось с Черноморским округом”*¹⁰⁶, а также не желая пополнять ряды турецкой армии воинственными и привыкшими воевать с русскими горцами Кавказа всячески затрудняло переселение северокавказцев в Турцию.

Царское правительство решило оставить Дагестан и Чечню вместе с жителями в качестве *“буферной”* зоны между Россией и Турцией, поскольку царизм убедился на собственном опыте, что горцы умеют и будут защищать свою родину от турецких и иных завоевателей, а оставить безлюдными Дагестан и Чечню — означало оголить южные фланги российских границ и лишиться не только самоотверженных воинов, но и налогоплательщиков, хотя, как писал А.И. Барятинский Александру II, *“наклонность мусульман к выселению ... прогрессивно растет, так что я вижу себя вынужденным, если не пресечь ее совершенно.*

*то по крайней мере урегулировать насколько возможно”*¹⁰⁷.

Исходя из вышеуказанных *“условий и непреодолимых преград”*, установленных самодержавием, переселяться могла в основном зажиточная часть горцев, а также наиболее непримиримая часть мусульманского духовенства. В последующем были введены дополнительные условия: горцы, желающие эмигрировать, обязаны были представить документ о согласии турецкого правительства принять мухаджиров в подданство султана. Даже после предъявления этого документа мухаджир был обязан уплатить все налоги сам или представить подписанное всеми взрослыми мужчинами селения документ (“Приговор”) о согласии джамаата вносить ежегодные подати за эмигрирующего сельчанина¹⁰⁸, дать подписку о невозвращении в пределы России после эмиграции.

Однако, несмотря на всевозможные преграды и условия царского правительства, стремление к переселению у горцев Северного Кавказа от Абхазии до Дагестана было велико.

Дагестанцы, по информации, при переселении в Турцию пользовались в основном сухопутным маршрутом: через Азербайджан или Грузию добирались до Карса, Муша и т.д.; порты (Одесса, Потти, Батуми, Новороссийск и др.) использовались ими реже. Чаще всего переселенцы прибывали в Трабзон, Самсун, Синоп, Стамбул и др. турецкие порты.

Говоря об общей численности северокавказцев, эмигрировавших в Османскую империю, необходимо отметить, что до настоящего времени у исследователей нет на этот счет единого мнения.

Что касается официальных сведений, то необходимо иметь в виду, что в большинстве случаев при переселении горцам выдавался один загранпаспорт на всю семью, и не всегда учитывалось точное количество семьи. Таким образом, установить точное количество даже официально эмигрировавших горцев также крайне затруднительно. Необходимо иметь в виду, что нынешние Хасавюртовский,

Новолакский и Казбековский районы входили в состав Терской области, а архивы сгорели во время известных событий в г.Грозном в 1994-1995 гг.

По российским же официальным данным, только в период с 1858 по 1865 гг. из Северного Кавказа в Османскую империю выселились 493.194 человека¹⁰⁹.

Подавляющее большинство этого количества (440.350 человек) приходится на жителей Северо-Западного Кавказа (адыгские племена и абхазы), в результате чего на Кавказе остались лишь небольшие черкесские и абхазские этнические "островки".

Однако, к цифрам, приведенным по данным царских властей, следует относиться весьма осторожно, поскольку численность выселенных и переселившихся горцев Кавказа основательно занижена. По данным Р.М.Магомедова, 82 % от всего населения Северо-Западного Кавказа было выселено с 1859 г.¹¹⁰

Численность эмигрировавших дагестанцев также невозможно точно установить по вышеуказанным причинам. Официальные сведения в архивах имеются только с 1859 г.

Так, согласно "Отчету о состоянии Дагестанской области", число дагестанцев, "отпущенных за границу по паспортам, выданным из канцелярии Начальника Дагестанской области и отпущенных из Дербента по разрешению Начальника области с сентября 1859 по 1861 годы" составляло "всего 702 человека"¹¹¹, а с 1863 по 1-е октября 1869 года — 1.603 человека¹¹².

В 1872 г. переселилось 120 семей, а в 1873 г. — 179 семейств¹¹³. Если считать семью состоящей в среднем из 5 человек, то только за 1872 -1873 гг. из Дагестана эмигрировало 1.500 человек.

Исходя из имеющихся в российских архивах данных, а также с учетом собранных полевых и других материалов, можно предположить, что с 20-х гг. XIX в. до 20-хх гг. нашего столетия из Дагестана эмигрировало в Турцию примерно 20 тысяч человек или около 5 тыс. семейств. В на-

стоящее время на территории Турции, Сирии, Ирака, Иордании и других государств проживает не более 100 тысяч дагестанцев, две трети из которых ассимилировались в языковом, культурном и др. отношениях с народами стран их пребывания

К такому выводу нас привели полевые материалы, собранные с выездом в Турцию и Сирию, где проживает наибольшее количество дагестанских мухаджиров. Беседы со сторожилами-эмигрантами, посещение населенных пунктов дагестанцев в этих странах, исследования архивных и других материалов укрепило нашу точку зрения.

На наш взгляд можно предположить, что итоговая численность мухаджиров со всего Северного Кавказа в Османскую империю только с 50-х гг. XIX в. по 20-е годы нашего столетия, включая погибших в процессе эмиграции, может соответствовать как минимум 1,5 млн. человек, хотя мнения историков и писателей на этот счет разпоречивы (от полумиллиона до 3,5 млн. человек)¹¹⁴.

Следует еще раз подчеркнуть, что переселялись в основном зажиточные, образованные, предприимчивые, самостоятельные, молодые люди, не боявшиеся неопределенности и полагавшиеся только на себя.

Если все население Дагестана в 1860 г. составляло 566.593 человека¹¹⁵, то в 1882 г. — 526.194 человека, из них — 504.469 — "татар", то есть дагестанцев¹¹⁶. Таким образом, налицо уменьшение количества жителей Дагестана. В 1895 г. дагестанцев было всего 611.880 человек¹¹⁷.

За 35 лет (1860-1895) население Дагестана увеличилось всего на 45.287 человек, или на 1.291 человека в год.

В результате бесконечных войн с Россией, эпидемий, голода и переселенческого движения горцев из-за колониционной политики царизма генофонду дагестанских народов был нанесен крупный удар: воевали и погибали или получали увечья в основном молодые, здоровые люди, а оставшаяся в живых энергичная часть молодежи эмигрировала за пределы родины.

4. АДМИНИСТРАТИВНОЕ УСТРОЙСТВО¹¹⁸ И РАССЕЛЕНИЕ ДАГЕСТАНЦЕВ.

Турция делится на отдельные административные единицы — вилайеты (области или провинции). Их 67. Среди них некоторые имеют площадь, равную отдельным европейским государствам (Конья — 48680 кв.км., Анкара — 29630 кв.км., Сивас — 28940 кв.км., Эрзурум — 23940 кв.км.), другие — значительно меньшую (Ризе — 3664 кв.км., Стамбул — 5390 кв.км.) и др.

Территория вилайетов делится на еще более мелкие части, называемые хаза (район или субпровинции); последние в свою очередь делятся на койлер (селения).

Дагестанские поселения разбросаны в Турции практически по всей территории, но наибольшее количество их сосредоточено в Черноморском районе, в вилайетах Токат, и во Внутренней Анатолии, в вилайете Сивас, а также в вилайетах Ялова, Балькесир, Чанаккале.

По имеющимся данным в более чем 60-ти селениях 12 провинций дагестанцы проживают компактными или этнически смешанными поселениями, а также и в некоторых городах Турции.

Итак, политика царского правительства, направленная на расселение переселенцев в глубь Турции, подалее от российских границ, возымела свое действие.

В результате большинство северо-восточных переселенцев было поселено по границам Курдистана, часть направлена в Сивасский вилайет, часть — в провинцию Мараш (Кахраман-Мараш-ныне), какое-то их число оставалось в Карсе.

В дальнейшем правительство Турции расселило кавказцев как на территории собственно Турции, так и в тех краях, которых входили в состав тогдашней Османской империи. Чеченцы и ингуши были поселены в Азиатской Турции, Сирии Иордании; карачаевцы, ногайцы, балкарцы — в центральной Анатолии, Болгарии, Сирии, Иорда-

нии, Ираке; осетины были расселены в районе Карса, Анатолии, и частично в Египте; кабардинцы — частью в Европейской, частью в Азиатской Турции, Сирии, Иордании. Дагестанцы в основном были расселены на территории собственно Турции: в Карском, Мушском, Сивасском, Кайсерийском, Стамбульском, Измирском, Бурсинском вилайетах, и только небольшая их часть — в Сирии, Ираке, Иордании, Египте, Саудовской Аравии. Если провести линию с севера на юг Турции (от Самсуна до Атакьи и Искендеруна), то обнаруживается, что по одной стороне от этой линии проживает население оставшейся части Византийской империи, а по другую сторону (в южной части) армяне и курды. Эта “разделительная зона” образовалась из поселений северокавказских переселенцев. Армяне и курды боролись против Османской империи, требуя независимости, поэтому правительство расселило горцев вдоль этой линии, пересекающей Синоп, Самсун, Амасью, Шурум, Бозгат, Токат, Сивас, Кайсери, Мараш, Адану и Атакью. Они сдерживали движение курдов и кызылбашей.

Районы, прилежащие к Стамбулу (Эдирне, Ялова, Гелиболу, Гюней-кой, Султание, Эсадие, Чанаккале, Бурса, Армуткой, Балькесир, Измир, Адапазары и др.), были тоже заселены северокавказцами для охраны столицы и всех путей, ведущих к ней.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

ГЛАВА II. ХОЗЯЙСТВО

1. ПРИРОДНО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ.

Турецкая республика расположена на стыке двух частей света. Из 779 тыс. кв. км. ее территории 755 тыс. находится в Азии и 24 тыс. — в Европе¹⁹. Она одна из трех стран мира с таким географическим положением. Азиатскую часть Турции — Анатолию (“Анадолу”) или Малую Азию — от европейской разделяют проливы Босфор и Дарданеллы, Мраморное море. Анатолия, занимающая 97% всей территории Турции, представляет собой своеобразный природный мост, соединяющий три континента — Европу, Азию и Африку. Европейская часть Турции, называемая Пашаэли, — это юго-восток Балканского полуострова. В целом Турция занимает район, издавна выделявшийся выгодным географическим положением в Западной Азии. Через Босфор переплавались персидские войска, чтобы завоевать Грецию в V в. до н.э. Через Анатолию направлялись войска Александра Македонского, а позднее — отряды крестоносцев, шедших завоевывать азиатские земли. В начале XX в. немцы начали постройку железной дороги Берлин-Багдад через Анатолию, с тем, чтобы создать плацдарм для своего вторжения во владения Британской империи. Через территорию Турции осуществлялись и мирные контакты: торговые караваны из Восточной и Южной Азии, груженные шелком, коврами и специями, шли через анатолийские перевалы в Европу. Господство на этих путях давало значительный доход Византии и сменившей ее Османской империи (особенно до того времени, когда был открыт морской путь из Европы в Индию, огибавший Африку с юга). После постройки в 70-х годах XX в. автомобильного моста через Босфор и железной дороги до иранской границы резко увеличились транзитные перевозки из Европы через территорию Турции вглубь Среднего Востока.

При оценке экономико-географического положения

Турции надо, прежде всего, отметить огромное значение проливов Босфор и Дарданеллы — единственного морского пути, связывающего страны Черноморского бассейна с Мировым океаном.

Турция граничит на севере и северо-западе с бывшими республиками Советского Союза (Грузия, Армения) и Болгарией. На юге и востоке Турция соседствует с нефтедобывающими странами — Ираном, Ираком, что для страны, бедной нефтью, имеет огромное экономическое значение; из Ирана к турецкому порту Искендеруну проведен нефтепровод. Граница с Сирией на значительном протяжении проходит вдоль железной дороги.

Природные условия Турции отличаются большим разнообразием, и в первую очередь это касается рельефа. В целом это горная страна, средняя высота над уровнем моря составляет 1132 м. С севера и с юга она как бы зажата двумя большими горными цепями. На севере — это Понтийские горы (по-турецки Карадениз даглары — Черноморские горы), разделенные долиной реки Кызыл-Ирмак на две части — Западно-понтийские и Восточно-понтийские. На юге барьером служит горная система Тавра, которая состоит из Кирийско-Ликийского (Западного) Тавра, Килийского (Центрального) Тавра и Главного (Армянского, Восточного) Тавра. Внутри этих горных цепей лежит Центрально-Анатолийское плоскогорье, постепенно переходящее в Армяно-Курдское нагорье.

Плоскогорье состоит из отделенных друг от друга невысокими горными хребтами нескольких равнин. Наиболее обширные из них — это Конийская и долина рек Сакарья и Кызыл-Ирмак. В самых низких местах плоскогорья встречаются неглубокие озера и болота. Часть из них пресноводна (Бейтехир, Егридир), часть же (Туз, Бурдур и др.) бессточна и засолена. Почти в центре Армяно-Курдского нагорья лежит знаменитое высокогорное озеро Ван с соленой водой.

Климат Турции предопределен ее географическим по-

ложением, близостью моря, рельефом. Для страны характерны резкие климатические контрасты между побережьем и внутренними районами, да и климат побережья не одинаков. Средиземноморское, Эгейское побережье и речные долины Западной Анатолии, а также юго-восточная Анатолия имеют сухой средиземноморский климат с жарким, сухим летом (до +40°). В Причерноморье умеренно-теплый климат. Во внутренних районах господствует сухой континентальный климат: весна — короткая и дождливая, осень — короткая, лето сухое и знойное.

Климат оказывает сильное влияние на режим рек Турции. Сток рек неравномерен. Как правило, они имеют большой весенний паводок, летом же количество воды в них резко уменьшается, а некоторые даже пересыхают. Все реки Турции можно разделить на две группы: впадающие в море (бассейны Черного, Средиземного морей) и питающие внутренние водоемы или же исчезающие в болотах, песках, карстовых впадинах. Бассейну Черного моря принадлежат свыше 500 рек. Из больших рек здесь можно назвать Кызыл-Ирмак (1355 км), Сакарья (825 км), Ешил-Ирмак (519 км) с притоком Чорух (по-турецки — Чорух), которые имеют истоки в центральной Анатолии. Самые полноводные реки — на востоке страны, некоторые из них имеют ледниковое питание. Часть рек принадлежит бассейну озера Ван. Здесь находятся истоки крупнейших рек передней Азии — Ефрата (Фыррат), Тигра, а также Закавказья-Куры и Аракса.

Сильная расчлененность рельефа и большая контрастность климата обусловили, наряду с другими причинами, большое разнообразие почв в Турции. В полупустынных внутренних областях преобладают коричневые и каштановые почвы, плодородные при орошении. В горных районах преимущественно встречаются подзолистые и бурые лесные почвы. Побережье северо-восточной части страны представлено красноземом, а на юге и западе — терракота. Наиболее интенсивно используются в сельском хозяйстве аллювиальные почвы речных долин и прибрежных

равнин. В настоящее время общая полезная площадь занимает 83,1% всей территории страны.

Растительный покров также отличается большими контрастами. Центральная Анатолия — область степей, здесь растут многочисленные виды ковылей, полыни, верблюжья колючка и др. На юго-востоке — полупустыня, которая лишь ранней весной на короткое время покрывается зеленью.

Растительность побережий составляет контраст внутренним районам: склоны гор на Черноморском побережье, особенно на востоке, сплошь покрыты лесами (каштан, граб, черная ольха, ель, мирта, орешник).

Западное Причерноморье — один из основных лесистых районов страны. На побережьях Эгейского и Средиземного морей доминирует естественная вечнозеленая растительность (мирт, олива, лавр), в особенности характерен для этой зоны кипарис. На востоке страны в горах есть открытые редколесья, но в основном преобладают альпийские луга.

Достаточно богат и животный мир Турции. Через страну проходят маршруты ежегодных перелетов птиц, что определило разнообразие здесь пернатых. Из крупных и средних млекопитающих в горах обитают благородный олень, лань, косуля, кабан, медведь, леопарды, а в степных нагорьях — волк, рысь, шакал, лисица, барсук.

Таким образом, Турция в целом обладает большим хозяйственным потенциалом: обширной территорией, достаточно благоприятными и разнообразными климатическими, почвенными, водными и лесными ресурсами, необходимыми для экономического развития края.

2. ОСНОВНЫЕ ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ЗОНЫ РАССЕЛЕНИЯ ДАГЕСТАНЦЕВ В ТУРЦИИ.

В условиях диаспоры дагестанцы подверглись значительной этнокультурной трансформации в соответствии с

социокультурными и экономическими характеристиками тех или иных стран. Подавляющее большинство эмигрантов обосновалось на территории современной Турции.

Поскольку принимающее общество в этот период (конец XIX-начало XX в.) было аграрным, со слабо развитой промышленностью и соответственно низким уровнем урбанизации, резкого контраста по сравнению с условиями жизни в Дагестане переселенцы не испытывали. Поэтому подавляющая часть дагестанских эмигрантов вовлекалась в сельскохозяйственное производство и поселялась в сельской местности. Судя по полемому материалу, только около 20% их проживало в городах Стамбул, Анкара, Измир, Бурса, Сивас, Ялова, Балыкесир, Токат, Турхал, Карс, Сарыкамыш и др.

Турецкое правительство охотно принимало к себе переселенцев, пообещав им, что земли, выделенные эмигрантам, освобождены от налогов на 10 лет. Переселенец в Анатолию освобождался от военной службы на 12 лет.

Сыграла свою роль и заинтересованность дагестанских переселенцев, в большинстве своем — выходцев из сел, в приобретении земельного участка и создании собственного хозяйства. Даже те из них, кто оказался в городе, рассматривали свою работу на промышленных предприятиях, транспорте, в розничной торговле, в ювелирном и строительном деле как временную, как необходимое условие накопления средств для приобретения земельного участка¹²⁰. Приживание на новых местах протекало в основном медленно и болезненно. Переселенцы чаще всего оказывались в среде, для них резко отличной и характеризующейся иными социально-культурными традициями, непривычными природно-хозяйственными условиями. Селили их в самые для земледелия малопригодные места.

Тяжелое положение, в котором оказались дагестанцы, убедило их на практике в том, что Османская империя не готова к столь массовому переселению, и что они были обмануты и недальновидны в своих ожиданиях. Вот что

писал по этому поводу академик В.А.Гордлевский: *“Не только мухаджирский паёк 9 таин), никогда не выдававшийся полностью, был отобран, но уже на второй год по прибытии с них стали взыскиваться всевозможные налоги, бремя которых невыносимо даже для долготерпеливых мусульман.”*¹²¹ Когда подняли вопрос о тяжелом положении переселенцев, турецкий губернатор Варны без малейшего угрызения совести парировал: *“До черкесов мне нет никакого дела”*¹²². Невыносимо тяжелое положение переселенцев в Турции, их массовая гибель от голода и различных болезней, ставили многих на край отчаяния.

Вскоре многие горцы упорно стали добиваться возвращения на родину. В прошении черкесов-переселенцев¹²³, поданном в 1872 году русскому консулу в Константинополе, говорилось: *“Вот уже почти 8 лет как наши беи нас держат в состоянии невообразимого рабства, совершая тысячу жестокостей. Днем и ночью мы и наши семьи подвергаемся варварскому обращению беев. Мы лишены свободы, семьи, имущества... Признавая всю тяжесть совершенной ошибки, мы, нижеподписавшиеся, от имени 8500 семейств просим Вас испросить разрешения вернуться на Родину, за что мы готовы пойти на всякие жертвы.”* Александр II на прошение наложил резолюцию *“О возвращении и речи быть не может.”*¹²⁴ Русское посольство в Константинополе, консульства в различных турецких городах были забиты многочисленными прошениями горцев о разрешении им вернуться на старые места жительства. Но им всюду отказывали, и несмотря на жесткий запрет и усиленные кордоны, возвращение продолжалось.

Незначительная часть горцев согласно Карскому договору (13 октября 1921 г.)¹²⁵, преодолев невероятные препятствия, также смогла вернуться¹²⁶. В последующие годы количество возвращавшихся из-за различных препятствий значительно сократилось.

Положение горского населения в Турции оставалось тяжелым. Этим, пожалуй, и объясняется эмиграция значи-

тельной части горцев-переселенцев из Турции в страны Ближнего Востока, Европы и Америки. Турецкая статистика, между тем, не дает правильной картины национального состава страны: в бюллетенях переписи отсутствует графа о национальной принадлежности, она заменена графой о родном языке. А 66 статья Конституции Турецкой республики гласит: *“Каждый, кто связан гражданством с турецким государством, — турок”*¹²⁷.

Впрочем, и положение собственно турков было не лучшим. Страна, находившаяся в состоянии войны в течении многих лет (русско-турецкая, триполитанская и балканская войны, первая мировая война, национально-освободительная борьба), была разорена настолько, что превратилась, по замечанию одного из современников, “ в страну вдов, сирот и нищеты”.

Сильно пострадало сельское хозяйство, являвшееся источником существования 90% населения страны. *“Начиная с городов и кончая деревнями, всюду и везде — отмечал М.В.Фрунзе, — бросались в глаза величайшая хозяйственная разруха и запустение. В деревнях почти нигде нет мужского населения — все или перебиты, или находятся на фронте. Работают старики, женщины или подростки: материальные средства истощены, нет рабочего скота, нет транспортных средств. Процент пустующей земли составляет не менее 50%”*¹²⁸.

Как сообщила нам информатор Разият, дочь Абдурахмана из с. Гюней-кой¹²⁹ (1892 года рождения, родом из с. Кица Дахадаевского района) *“в годы первой мировой войны это село дало турецкой армии более трехсот воинов, и лишь 15 из них вернулись живыми к семьям. Когда мне было 13 лет, греки сожгли село. Мы вернулись через 2 года. Через три года Устар, предвидя нападение греков, увел нас в Анатолию. Мы потеряли имущество, родных и близких. Устар был из с. Кикюни. У него было 4 жены. Он был племянником шейха Мухамед Мадаши — основателя села Гюней-кой”*.

Разорение и огромные людские потери пришлось именно на те провинции, в которых находились дагестанские поселения. Грабили наших соплеменников курды, армяне, греки. По поленым сведениям, только в армяно-турецкой резне в селениях Орта-тепе и Киречкой (район Гексун, провинция Кахраман Мараш) было убито 18 дагестанцев.

Непосильным было и налоговое бремя. В случае несвоевременной уплаты налогов откупщики с помощью жандармов отбирали у крестьян последнее — имущество, скот, хлеб.

Как нам рассказывали в с. Учтепе (провинция Сивас) : *“В годы войны многие хозяйства лишились своего земельного надела и скота, чтобы не платить налог. Изобьют, разорят и получат. В среднем каждая семья до первой мировой войны имела 2-3 га земли, до 30-40 голов мелкого и крупного рогатого скота, несколько пар волов.”*

Политика правящих классов Турции в отношении крестьян очень правильно определена в “Романе десяти лет” писателя Этхема Иззета. *“Никто не любил крестьян: ни паша, ни помещик, ни имам, ни откупщик, ни сборщик, ни жандарм, ни шейх. Все в один голос кричали ему “болван”. Когда началась война, от крестьян, как прежде, требовали две вещи: деньги и солдат”*¹³⁰.

Экономическое положение дагестанцев в Турции начало изменяться с конфискацией земель, принадлежавших изгнанным из страны грекам и армянам. При беседе с информаторами с. Ортатепе (район Гексун) выяснилось, что они значительно расширили площади под пшеницу и пастбищные участки за счет армян, которые были изгнаны в 1915 г.

Общеизвестно, что кардинальные изменения в жизни турецкого общества связаны с кемалийской революцией и реформами Мустафы Кемали Ататюрка. Вопрос этот обширен и выходит за рамки задач настоящей работы. Здесь же важно отметить, что в борьбе за выживание дагестанская диаспора продемонстрировала исключительные адап-

тивные способности как к изменениям социально-политической обстановке в Турции, так и в освоении природно-хозяйственных условий в районах расселения, восприятия местных элементов хозяйственного быта и культуры.

Учитывая локальные особенности условий и специфику методов ведения хозяйства, основные направления производственной специализации отдельных регионов, можно выделить в Турции следующие экономические сельскохозяйственные районы, где проживают дагестанцы.

1. Сельскохозяйственный район Мраморноморский — с. Понсей-кой (даргинцы и аварцы), Чифтлик-кой (аварцы) и Султание (аварцы),¹³¹ провинция Балыкесир,¹³² где проживают лезгины и табасаранцы.

Важный фактор хозяйственного развития этого экономического района — его прибрежное расположение и широкие возможности транспортировки морем рыночной продукции.

Обширные равнины района пригодны для развития полеводства и в таких же масштабах — скотоводства; огородничество и садоводство дают самые разнообразные овощи и фрукты, развито и виноградарство. Здесь находятся и яловские минеральные источники,¹³³ привлекающие летом много людей. На берегах Мраморного моря растут оливковые рощи, дающие лучшие в стране маслины. Климатические условия этой зоны позволяют снимать с одного поля два урожая в год. Первый урожай, главным образом пшеницу, снимают в мае, после чего на том же поле выращивают летнюю культуру, чаще всего хлопок (турки) и овощи (дагестанцы).

2. Центральнo-анатолийская (Внутренняя Анатолия) хозяйственная зона — с. Учтепе, Кадырли (аварцы) Каялыпынар, Финдыжак, Явукой, Балгалар, Бурнукала и торговый город Йылдыз-эли. Во Внутренней Анатолии методы добывания и использования средств существования очень большие. Взору путешественника, проезжающего через эти места на автобусе (мы ехали 6 часов), представляются бес-

конечные пшеничные поля. После снятия одного-двух урожаев, земли на несколько лет остаются заброшенными (под паром). В южной части на долю пшеницы приходится 80% всей площади зерновых культур¹³⁴. Овощи, бахчевые и бобовые культуры выращивают главным образом для личного потребления. Здесь хорошие условия для разведения мелкого рогатого скота (овец, коз, в т.ч. и ангорских — с. Финдыжак). В летнее время стада часто перегоняют высоко в горы, на более прохладные пастбища.

3. Сельскохозяйственный район Черноморский — с. Шенюрт, Сарычичек, Замаир, Казуве-замар¹³⁵, Доганджи, Балдига и Оваджик. Отличительная особенность района определяется его близостью к Черному морю. Наши земляки проживают в основном в восточной части, заселенной очень густо. Здесь возделывают самые различные сельскохозяйственные культуры, но наиболее распространенной из них является кукуруза. Большие площади заняты также и под бобовыми культурами, среди которых преобладает фасоль. В более высоких местах, в горах, встречаются пшеница, ячмень и рожь. Сельскохозяйственную специализацию данной зоны определяет субтропическое и техническое растениеводство (чай, кофе, цитрусовые, табак). Характерной культурой здесь для дагестанцев является лещинный орех, широко культивируют грушу, яблони и сливу. Среди цитрусовых — главным образом апельсины. Хотя в Черноморском районе выращивается четверть всего производимого в стране табака, дагестанцы этой технической культурой не занимаются.

Подчиненную роль играет скотоводство, которое приурочено к субальпийской и альпийской зонам, развито овощеводство.

Необходимо отметить, что перечисленные селения отличаются сравнительно высоким экономическим уровнем и интенсивностью капиталистических отношений в местной среде.

3. ХАРАКТЕР ЗАНЯТИЙ ДАГЕСТАНЦЕВ В ТУРЦИИ.

Как известно, характер занятий населения зависит из естественных условий, сложившихся на занимаемой им территории. Своеобразие характера экономики современной Турции заключается в том, что наряду с развитием капиталистических отношений в сельском хозяйстве страны сохраняются, если можно так выразиться, традиции крупного «помещичьего» землевладения и мелкого крестьянского землепользования. Например, в исследуемых селениях Внутренней Анатолии (Уч-тепе, Кадырли, Каялыпынар, Финдыжак, Явукой, Орта-тепе, Балталар и др.) можно встретиться с различными формами землепользования — от отработок¹³⁶ до капиталистической аренды. У дагестанцев в Турции больше действовала система арендного землепользования. Нужно отметить, что не всегда хозяева, сдающие землю в аренду, являются зажиточными людьми. Случается, что малоземельный дагестанец предпочитает отдать свой клочок земли в аренду, сам же занимается отхожим промыслом. Среди сдающих землю, по сведениям наших информаторов, встречаются больные, пожилые и вдовы. Каждый дагестанец в селении (Финдыжак, Уч-тепе, Кирадж) имеет обычно несколько наделов земли в разных местах. В с.Финдыжак земельные наделы отдельных даргинцев-цудахарцев включали участки в 10, 20, 30 и 60 донумов¹³⁷. Подобная дробность земельных владений объясняется не только традиционным механизмом наследования, но еще и пережитком старинной системы землепользования, когда при общинных переделах земли в первые годы миграции дагестанцев в Турцию каждый член сельской общины получал земельные участки, оцениваемые с учетом возможностей их орошения, плодородия, удаленности от селения и т.д. По словам информаторов, расположение отдельных участков земли в разных местах нередко спасало семьи при неурожае на одном из них.

По традиции никто, кроме главы семьи, не мог принять

решения о продаже земли или сдаче ее в аренду. В с. Уч-тепе¹³⁸ крестьяне, которые по тем или иным причинам не могут обрабатывать свою землю, фактически не продают ее, а передают, уступая право пользования участком своему родственнику или односельчанину. Сельчане не могут припомнить ни одного случая, когда земля была бы продана человеку из другого общества.

Жители селения передали 10 тыс. га земли в аренду двум сельчанам. С них изымается доля урожая, равная посевной массе, и отдается тому, кому принадлежит земля (посеял 500 кг. — отдай 500 кг). Солому, оставшуюся после обмолота злаков, берет обычно арендатор. По информации одного из сельчан, в 1993 г. арендаторы продали 1000 тонн зерна за 150000 долларов США. После вычета арендной платы и зарплаты работникам они получили 100000 долларов чистого дохода. Бывают случаи, что тот, кто сдал землю в аренду, получает плату соломой. На таких условиях осуществляется аренда в селениях вилайята Кайсери¹³⁹.

К сожалению, в нашем распоряжении нет конкретных материалов о распределении земли по отдельным домохозяйствам, которые позволили бы составить более четкую картину крестьянского землевладения и землепользования.

В обследованных нами селениях жители главным образом лишь обеспечивают свое существование. Маломощность и откровенная бедность крестьянских хозяйств — одна из важных забот турецкого правительства. Соответствующие материалы проникают и в турецкую прессу. М.Н.Серебрякова отмечает, что 90% домов сельской местности Турции непригодны для жилья¹⁴⁰.

В горных селениях при обработке небольших участков земли, где применение карасабана (пахотного орудия) из-за большой крутизны полей невозможно, особое значение приобретают различного рода мотыги (казма, чапа, кесер и др.).

Некоторые состоятельные земледельцы покупали и

сельскохозяйственные машины. Так, в 1974 г. в с. Финдыжак появился первый трактор; в 1984 г. — электричество. Все шире пробивает себе дорогу тенденция, при которой дагестанцы, проживающие в сельской местности, не порывая с земельной собственностью, становятся владельцами ювелирных магазинов и мастерских. Так, по нашим наблюдениям, около 60% жителей из с. Гюней-кой имеют в Стамбуле ювелирные магазины и мастерские. Кроме того, растет заинтересованность зажиточных горожан и сельчан в приобретении недвижимого имущества. Так, Кутбудин (даргинец, родом из с. Кадар), владелец нескольких ювелирных магазинов в Стамбуле, в Гюней-кое имеет 50 гектаров пашни и 30 гектаров под яблоневым садом.

В современных условиях в селениях, где проживают дагестанцы, можно наблюдать ряд пережитков общинных отношений. Если пахотные и другие земли у наших соотечественников являются частной собственностью отдельных хозяйств, то пастбища и луга являются общинными, т.е. находятся в пользовании всего населения. Во-вторых, принято пастись общее стадо на пахотных участках после уборки урожая. Это обязывает всех крестьян засеивать свои поля одинаковой сельскохозяйственной культурой, чтобы урожай был снят одновременно. В-третьих, при господстве в Турции двухпольной системы, поле под паром (“гьерг”) ¹⁴¹ как правило, становится на год общесельским пастбищем, что также вынуждает крестьян к определенному чередованию культур. Следовательно, в подобных случаях частное владение временно переходит в общественное пользование.

Расширение площади пахотных земель в значительной степени происходит за счет распашки пастбищ, находящихся в коллективном пользовании. С развитием же земледелия и переходом на такие культуры, как кукуруза, хлопок, картофель и лук и др. пастбища по паре исчезли совсем, так как поле теперь занято круглый год. Это обстоятельство, а также уменьшение площадей под пастбищами и

лугами привели к значительному сокращению поголовья скота. В 1960-е годы в с. Уч-тепе было 2000 голов мелкого, 250 голов крупного рогатого скота и 100 лошадей, а в настоящее время — 500 голов мелкого и 80 голов крупного рогатого скота, а лошадей вообще нет. В с. Кирадж (провинция Гексун) было 900 голов мелкого рогатого скота, а осталось 150 голов.

Общинные институты у дагестанцев Турции не ограничиваются рамками земельных отношений. В общесельской собственности находятся место для молотбы зерна, постройки для омовения и купания, дом для гостей и др. Так, например, в с. Гюней-кой имеется общественная гостиница для приезжих.

В настоящее время, как и в прошлом, дагестанцы помогают друг другу при хозяйственных работах, свадьбах, похоропах и т.д. Институт взаимопомощи здесь известен под названием “имедже”, “ондош” — об этом подробнее будет сказано ниже. Несколько забегаю вперед, отметим также, что здесь соблюдаются обычаи гостеприимства. В с. Финдыжак нас радушно принял староста — прямой потомок шейха Исмаила ¹⁴².

Как известно, земледелие во многих районах Турции невозможно без применения искусственного орошения. По нашим материалам, коллективным собственником оросительных сооружений выступает все селение. В лице старосты “мухтара” или же специально уполномоченного на это лица община следит за состоянием оросительных каналов. За каналами, подающими воду непосредственно на индивидуальные участки, должны следить их владельцы (с. Финдыжак, Уч-тепе, Кирадж).

В селениях вилаята Сивас на июнь и июль, когда спрос на воду очень высок, а ее не хватает, нанимают человека, следящего за распределением воды.

Для ирригации крестьяне используют реки, ручьи, подземные источники, а также дождевую воду. Курылев В.П. выделяет здесь три основных способа орошения. Первый

заключается в добывании подземной воды из колодца с помощью деревянного ворота "нория", приводимого в движение лошадью, ослом, а иногда и самим человеком¹⁴³.

Весь цикл земледельческих работ начинается с пахоты поля. Основное время для пахоты — это поздняя осень или ранняя весна. Во Внутренней Анатолии, где в силу природных условий распространены зимние культуры, поля пахот весной, а засевают осенью. В районах Причерноморья вспашка полей под озимые приурочена к началу осени. Этому этапу дагестанцы придают большое значение, о чем свидетельствует ряд пословиц и поговорок, например: *"Если хорошо вспашешь осенью поле — не бойся голода"*; *"Если три раза вспашешь поле осенью — готовь амбар для зерна"*; *"Земледелец, не вспахавший поле осенью, подобен набожному мусульманину, не совершающему намаз"* — и др.

Каждая семья заранее знает, в какой (наиболее счастливый) день недели она должна начать сев. Как правило, его начинают в полдень или после предвечернего намаза.

Среди дагестанцев в Турции (как и в Дагестане) существует также убеждение, что первым в деревне должен начать сев земледелец, удачливость которого испытана в предшествующие годы.

В первый день сева, вернувшись домой, крестьяне втайне от всех сбрызгивают водой сошник плуга. Это магическое действие призвано обеспечить дождливую погоду. В с.Орта-тепе и Финдыжак жители набирают апрельскую дождевую воду из горных впадин, в которых она отстаивается. Эту воду пьют все члены семьи. Часть ее сохраняется как средство от некоторых болезней.

В Турции, как и в Дагестане, наиболее распространенным видом удобрений считается навоз. Поскольку из него же изготавливают и кизяк, основной вид топлива для очага, ощущается постоянная нехватка навоза. Заготовку кизяка здесь начинают со второй половины весны. Обычно в этой работе принимают участие только женщины. Собира-

ный в кучу навоз женщины месят, затем вручную заготавливают небольшие лепешки, обваливают их в соломе и кладут на просушку.

Уборка урожая проходит с июня по август-сентябрь, это время считается наиболее горячим периодом в полевых работах. Мелкие землевладельцы жнут, как правило, серпом "оран". Коса является нововведением и получила распространение только в последние 10 лет. Молотят собранный урожай на току, как и в Дагестане.

Турецкие молотильные доски идентичны с кавказскими. Они широко распространены по всему Закавказью, Северному Кавказу, Украине, Палестине, Сирии и в странах Средиземноморья¹⁴⁴.

К основным сельскохозяйственным культурам в первую очередь относятся зерновые: пшеница "бугдай", ячмень "арга", рожь "чавдар". Преобладает пшеница. В с.Орта-тепе провинции Турхал выращивают пшеницу двух видов "ак бап" и "ак бугдай". В горных районах хороший урожай дает ячмень. П.М.Жуковский отмечает, что скот в Турции подкармливают преимущественно ячменем, поэтому культура овса имела сравнительно небольшое значение, хотя Малая Азия была знаменита своим византийским овсом¹⁴⁵.

Из других зерновых культур важное место занимает кукуруза "мысыр" (Причерноморье), а затем рис (вилаят Марап). Бобовые культуры: нут "нохут", фасоль "фасуля", бобы "бакла", чечевица "мердожимах", бурчак" распространены по всей стране.

В хозяйственной деятельности дагестанцев определенное место занимает садоводство и виноградарство. В наибольшей степени эти отрасли хозяйства развиты в долине реки Гедиз-чая, где проживают лезгины. Здесь выращивают главным образом мелкий бескосточковый белый виноград, который идет на приготовление высших сортов изюма. Вторым по значению виноградным районом считается бассейн Мраморного моря, где проживают аварцы, дар-

гинцы, лезгины и табасаранцы. Почти все селения и города в Турции окружены виноградниками и садами. *“Все города Анатолии, где зима не слишком холодная и где лоза может расти десятками лет без вымерзания, — пишет академик П.М. Жуковский, — украшены виноградом. В этом — очарование городов Малой Азии, особенно приморских.”*¹⁴⁶ По всему берегу Черноморья мы встречаем огромные плантации лесного ореха. Во многих селениях, где проживают дагестанцы, растут яблоки, абрикосы, груши, дыни “кавун”, арбузы “карпуз”. Из овощных культур больше всего разводят чеснок “самырсак”, лук “кофан”, помидоры, перец, огурцы. Осенью женщины заняты преимущественно обработкой сельскохозяйственной продукции и заготовкой продуктов прок. В сентябре очищают фасоль и чечевицу, которую потом промывают, сушат, растирают в муку и хранят на зиму для заправки похлебок, приготовления лапши и др. На зиму заготавливают также сушеные баклажаны, фасоль в стручках. По мере созревания фруктов их сушат. В сентябре собирают также орехи, очищают от кожуры и просушивают.

Важнейшей отраслью хозяйственной деятельности дагестанцев в Турции наряду с земледелием является скотоводство. Мы отмечали, что в последнее время поголовье скота падает из-за сокращения площадей под пастбищами и лугами. С первых же лет переселения дагестанцы занимаются здесь скотоводством, разводя в основном мелкий рогатый скот. Овцеводство приносило вполне приличные доходы. Одну овцу можно было продать за 60 долларов США, а полученную с нее шерсть — за 10 долларов. Курдючных овец¹⁴⁷ разводят главным образом на высокогорных альпийских лугах к востоку от Сиваса и больше всего в вилайятах Карс, Муш (аварцы, лезгины, кумыки, лакцы). Другую породу курдючных овец (“кызыл карамап”) разводят в вилайятах Сивас и Кайсеры (аварцы).

В Балыкесире (лезгины и табасаранцы) разводят мясную породу овец “кывырджык”.

Среди разводимых коз наиболее ценной является знаменитая ангорская порода, которая дает длинную, чисто-белого цвета шерсть, используемую для выделки высококачественных тканей (Сивас — аварцы и даргинцы). Наряду с белыми лезгины и табасаранцы в вилайяте Муш и Ван разводят светлокоричневых, светло-серых и черных ангорских коз.

Разводят дагестанцы и крупный рогатый скот. Больше всего коров, быков и буйволов разводят в вилайятах Карс, Эрзурум, К. Мараш (район Гексун) и Сивас. На побережье Мраморного моря (с. Гюней-кой и Сулгание) также много крупного рогатого скота. Дагестанцы, которые занимаются только скотоводством, пасут стада сами. Так, житель с. Гюней-кой Марган Исмет (отец из Гергебеля, а мать из Хаджалмахи) имеет 300 голов мелкого и 50 голов крупного рогатого скота. Скот пасут дети, а он контролирует. Братья Исмета Ибрагим и Рамазан, тоже занимаются скотоводством. Иногда мелкие скотовладельцы, скооперировавшись, нанимают чабанов (“чобан”) или сами пасут скот по очереди.

Овец пасут, разбив их на отары. Обычное число голов в отаре составляет 400-500 голов. В с. Кирадж (район Гексун) четыре чабана в 1960-е годы пасли 900 голов мелкого рогатого скота, а в с. Финдыжак¹⁴⁸ в эти же годы столько же пастухов пасли четыре отары коз.

В разных районах сроки пайма пастухов в силу различных климатических условий колеблются в пределах 8-12 месяцев. Почти повсеместно плата пастуху (“чобанхак”) определялась в натуральном выражении.

По сведениям информаторов, пастух обычно получает одного ягненка за 20 голов выпасаемых овец и одежду от сельчан. Денежная форма платы пастухам существует в тех районах (Черноморский и Средиземноморский), где сельское хозяйство давно вышло из рамок натурального.

Во многих селениях пастуха выбирают весной на общем сходе.¹⁴⁹ В случае, если желающих на эту должность

больше, чем требуется, совет старейших отбирает лучших, более опытных. Некоторые семьи занимаются пастушеством из поколения в поколение.

Основными скупщиками продукции животноводства являются торговцы, которые перевозят или перегоняют скот из Мраморноморского района в Ялова или Стамбул, из Внутренней Анатолии — в Сивас, Турхал и Анкару, из Черноморского района — в Карс, Муш, Ван. Торговые сделки на рынках сбыта заключаются в начале лета. Отдельные дельцы-коммерсанты в апреле или в мае закупают новый приплод (ягнят и козлят), на год оставляют их жителям высокогорных районов за определенную плату и только затем отправляют их на рынок.

Часть дагестанцев из горных сел специализируется на уходе за скотом жителей низменных районов, занимающихся земледелием. Поскольку дагестанские села обычно сконцентрированы вокруг определенных городов, наблюдается подчинение сельскохозяйственного производства потребностям городских рынков. Торговые и другие внешние сношения, все административные и религиозные дела ведут мужчины. Женщины, в особенности молодые, торговыми операциями не занимаются, ибо в глазах дагестанцев это нарушает традиционные этические нормы.

Зажиточные слои сельского населения в сезон массовой реализации сельхозпродукции имеют неплохие возможности нажиться. Вот что сообщает об этом Мазгар, пенсионер из Фиддыжак: *“Мы не можем сдавать свою продукцию на завод из-за транспортных расходов. В Ильдизаре нашу продукцию перекупают, иногда это делают наши же более богатые сельчане. Если на заводе за литр молока платят 28 дир, мы вынуждены сдавать его по 14 дир за литр.”*

Относительный рост применения машин вызвал значительные изменения в социально-экономических отношениях на селе. Механизация сельского хозяйства сопровождается уменьшением доходов значительного числа малоземельных дагестанцев, вызывая, в частности все возраста-

ющий отток населения из села в город. Наиболее активно этот процесс протекал в 70-е-80-е гг.

В 1976-1977 гг., как отмечает Г.И.Старченков, в сельском хозяйстве республики было 700 тыс. полностью безработных, число же частично и временно занятых определялось в 3-4 млн. Из опросов мигрантов явствует, что уход из деревни определялся главным образом отсутствием постоянной работы, незанятостью, бедностью¹⁵⁰.

Проблема занятости населения стоит весьма остро. По данным на 1980 г. из 18 млн. человек самодеятельного населения свыше 3 млн. не имели постоянной работы (без учета аграрного переселения), более 1 млн. турок в поисках куска хлеба эмигрировали в страны Западной Европы и нефтедобывающие арабские страны, а около 1 млн. жителей ожидали очереди выехать на заработки за рубеж¹⁵¹.

Село	кол-во хозяйств в 1970-е г.	кол-во хозяйств в 1994 г.
Кирадж	50	30
Финдыжак	50	20
Уч-тепе	30	12
Балталар	25	2
Бурнукала	15	1

Приведенная таблица свидетельствует о серьезных масштабах перемещения дагестанцев из села в город. (Напомним, что дагестанцы, как и северокавказцы (черкесы) вообще составляют немалую часть турецкого населения Германии и других европейских стран.).

Миграции сельского населения в города приводят не только к росту численности городского населения, но и к старению села.

В Турции встречаются дагестанские селения, в которых каждый второй житель старше 60 лет, или где вообще нет людей моложе этого возраста (с.Балталар, Бурнукала и др.). Характерно, что многие хозяйства, ставшие теперь

“старческими”, еще недавно были многодетными, но молодежь оставила сельское хозяйство и перешла к другим занятиям. Так, например, крупный промышленник Абдула Денер из с. Уч-тепе является Генеральным директором металлообрабатывающего завода в г. Сивас, который производит каленчатые валы на 70 видов машин, в том числе и на нашу “Ладу”. Фехши из г. Анкары руководит одной из крупных строительных фирм г. Анкары — и т.д. Семьи, переселившиеся из селения в города, часто поддерживают тесные отношения со своими родственниками на селе. Польза от этих связей обоюдная: крестьяне помогают горожанам, снабжая их сельскохозяйственными продуктами, берут на лето их детей, а иногда и вся семья проводит отпуск в селе. Горожане же материально поддерживают сельских родственников, снабжают их дефицитными в сельской местности городскими товарами, спонсируют различные проекты по улучшению быта сельчан.

ГЛАВА III. МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

1. ПОСЕЛЕНИЯ

Прежде чем перейти к описанию поселений и организации пространства, следует отметить, что для первопоселенцев важным при поселении оставался принцип мононациональности (если брать все народы Дагестана как одно целое). Первые эмигранты — кумыки, прибыли в провинцию Токат в 1861 году из Борган-юрта (как они говорят, населенный пункт находившийся недалеко от г. Темир-Хан-Шура), и остановились в провинции Токат по пути в Самсун. В течение последующих трех лет прибывали следующие группы. В настоящее время кумыки в основном проживают в 11 селениях, расположенных в 4-х провинциях: Бурса, Сивас, Токат, Чаннакале, в общей сложности до 700 хозяйств.

Считается, что кумыки предпочитали селиться отдельно или с другими тюркоязычными народами¹⁵². Действительно, кумыки живут смешано с турками, погайцами, карачаевцами. Чисто кумыкских сел осталось только два — одно в провинции Бурса с. Кошу-багазе (300 хозяйств) и в провинции Сивас с. Явукой (150 хозяйств).

В провинции Чаннакале, в районе Бига в 6-ти селениях проживают до 200 семейств кумыков совместно с турками. В самом райцентре также около 100 хозяйств кумыков.

Желание выжить в чужой культурной среде и не потерять свое этническое лицо объединило их в стремлении сохранить многие кавказские обычаи, особенно свадебные, собственную музыку, национальные танцы.

Много кумыкских семей проживает также в городах Стамбул и Ялова, хотя точных данных об этом нет.

Почти все приведенные цифры не бесспорны, т.к. существует мнение что при подсчетах могли произойти ошиб-

ки, вследствие путаницы с турецкими названиями дагестанских народов ("туркик кимук" — кумыки, "гази-кумук" — лакцы).

Другую группу наших соотечественников составляют "дагестанлы", "лезги" — общее название всех групп дагестанцев: "кара лезги" (аварцы), "бейяз лезги" или "гази кумук" (лакцы), "есас лезги" (цезы, дидойцы).

По языковым данным в Турции различают следующие группы дагестанцев: "авар", "цедехI-даргва", "цумалалал", "багвалал", "цАмалал" "лак", "хайдаг" ("кайтаг"), "лезгияр" ("лезхи").

Чисто лезгинских сел 7 по данным исследователя Иззета Айдемира ⁷¹⁵³.

Исследователь М.Моор в своей работе уточняет, что в перечисленных селениях только в провинции Балыкесир (с.Ортажа и Яйла) и в провинции Измир (с.Дагестан), т.е. только в 3-х селениях живут лезгины, остальные же селения (Гексон, Ортатепа — провинция Кахраман-Мараш; Акджамесжид, Финдыжак — провинция Сивас) — населены аварцами, даргинцами, дидойцами, лакцами, которых называют лезгинами, подразумевая дагестанцев вообще. Как отмечает та же М.Моор, объединиться под одним этнонимом "лезгины" эмигрантов из Дагестана заставило стремление к лучшей адаптации в чуждой среде, страх перед возможностью раствориться в иной культуре. Она считает, что такие поселения, в которых жители объединены общим этнонимом или носят обобщающее название как с. Дагестан, а также селения в которых каждый житель знает свои корни, но национальность и языки не обозначены (как с.Гюней-кой), образованы первой волной эмигрантов ¹⁵⁴.

По нашим данным в Балыкесире создано землячество "Дагестан", объединяющее 500 хозяйств из 7 сел. Активного состоит в основном из лезгин.

В вышеупомянутом мононациональном селении Дагестан (старое название Меджидис) около 100 хозяйств, в основном выходцы из Ахтынского района; в провинции Бур-

са расположено еще одно селение Миси-кой (25 хозяйств), населенное лезгинами. Чисто аварских поселений так же мало: в провинции Кахраман Мараш с.с. Орга-тепе и Киреч-кой (или Кирадж) (100 хозяйств); в провинции Токат с.Боз-тепе (15 хозяйств); в провинции Ялова с.Сулгание (25 хозяйств).

В провинции Токат есть также селения, населенные малыми народностями Дагестана, относящимися к аварской группе — дидойцами и цезами: с.с. Абайин и Аваджик; в провинции Сивас — с.с. Османие и Селимие.

Отдельных даргинских или лакских селений не осталось, хотя есть такие, где превалирует тот или другой народ и этим определяется язык общения (которым хорошо в настоящее время владеют только старики). Как например, в с.Гюней-Кой (вилает Ялова): население смешанное (аварцы, даргинцы, лакцы), язык общения аварский; в с. Финдыжак живут даргинцы, аварцы — язык общения даргинский и т.д. Следует отметить, что селений, где превалирует аварское население, большинство.

Несмотря на общую тенденцию образовывать поселения, населенные народностями Дагестана, нередки случаи когда аварцы проживают с турками, курдами (провинция Адана, с. Топрак-кале; провинция Муш, с.с. Акпынар и Ягджилар; провинция Сивас, с. Уч-тепе; провинция Токат с.с. Акбудай, Орга-кой, Сарычичек, Мунамах); лакцы проживают с курдами, турками, кизылбашами (провинция Карс, с.с. Еникилиса, Ени-Газилер, Хамамлы); даргинцы с турками (провинция Токат, с. Багларбашаи); андийцы, аварцы, лакцы с турками (провинция Сивас, с. Сулгание (хаза Йлдызэли).

Есть села, в которых совместно с дагестанцами проживают другие народы северного Кавказа: провинция Муш в с.с. Тепе-кой, Каялыккой, Багичи, Айнан — вместе с аварцами живут черкесы и чеченцы; в провинции Денизли в с.с. Ак-кой, Ак-хан живут дагестанцы, чеченцы, черкесы; в провинции Токат в с. Доганчайлы проживают кумыки и

карачавцы; в с. Сулусарай аварцы и чеченцы и т.д. (Подробнее смотрите “Приложение”).

На тип и специфику планировки и формирования поселений и жилищ дагестанской диаспоры в Турции кроме разнообразных природно-географических условий и рельефа местности наложили отпечаток и условия их формирования; разнохарактерность принципов их окончательного оформления в поселение, необходимость приспособления, гармонического соответствия с уже существующим поселением, необходимость организации пространства в соответствии с потребностями переселенцев и образом жизни на осваиваемой целине и т.д. При этом, по возможности, учитывался и фактор обороноспособности селения; максимальной экономии пригодной для возделывания земли и др. Одними из очень важных принципов, определявшими выбор места для поселений был фактор близости к источнику воды и солнечная ориентация. Иначе говоря, здесь “срабатывал” комплекс факторов, необходимых для возникновения любого поселения, с превалированием значимости одного — двух из них в каждом конкретном случае. Аналогичные определяющие факторы имели решающее влияние на характер поселений не только в Дагестане (что служило ориентиром для диаспоры), но и в пределах Кавказа вообще (у народов Западной Армении, Восточной Грузии, Северо-восточного Азербайджана и др.) и Передней Азии (у турок, персов и др.)¹⁵⁵.

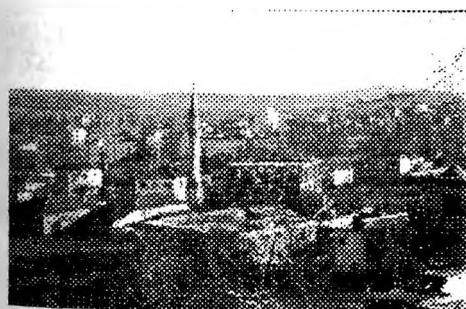
В данной работе мы ограничились исследованием организации пространства в селениях Гюнней-кой, Эсадие, Султание и Чифтлик, относящихся к вилаету Ялова; Учтепе, Явукой, Финдыжак в вилаете Сивас и Йилдызэли в провинции Сивас; Турхал, Доган-чайлы в провинции Токат; Киреч-кой, Орга-тепе в хазе Гексун, в провинции Кахраман-Мараш.

В селении Гюнней-кой по последним данным, 350 домов, но надо учесть, что некоторые состоятельные жители имеют по два, а то и по три дома.

большей частью на склонах (горные селения); ко второй — селения, расположенные в долинах или у подножия гор (равнинные селения)¹⁵⁶.

Население в Гюнсей-кое говорит на турецком и аварском языках, хотя здесь проживают представители многих народов Дагестана (кадарцы, цудахарцы, казикумухцы, хаджалмахинцы, каратинцы, андийцы и др.) Количество аварцев преобладает, но, на наш взгляд, это не самая важная причина того, что языком межнационального общения для жителей селения (и не только этого) стал аварский. Он был воспринят последующими поколениями как язык горцев — дагестанцев, а не как язык конкретного народа.

Общий язык их объединяет, укрепляет сознание этнокультурной общности, служит фактором сопричастности к культуре и традициям предков. Заметим попутно, что по мнению специалистов аварский язык переселенцев сохранил в себе

многие номинации, понятия, обороты, давно утраченные на родине их предков.

Визуальное знакомство с интересующими нас поселе-

ниями создает впечатление, что при выборе для них места учитывались если не все, то по крайней мере, большинство перечисленных выше факторов. Немаловажен и тот факт, что первые поселения, а именно к таким относятся Гюней-кой, появились в условиях, когда учитывая ряд обстоятельств, Турция была заинтересована в заселении горными пустующих районов. Например, учтен оборонительный фактор и проблема открытости прямым солнечным лучам — территория селения расположена на солнечной стороне лесистого подножия горы (не зря селение в переводе носит название “Солнечное”). Решена проблема наличия вблизи водного источника: вода из источника Гюней-кой, как самая чистая и целебная в Чифлитском районе, вывозится в различные города Турции для продажи — и др.

Если учесть, что селение было основано эмигрантами в определенном им властям месте, то жителям Гюней-кой повезло. Обилие зелени, леса, воды, угодий даст местному населению повод называть его “райским уголком”. Сельчане говорят, что оно было подготовлено для земного рая, и за преданность Аллаху, за страдания, которые выпали на долю мухаджиров, было подарено всевышним их предкам.

Историю образования селения можно восстановить по устному преданию, а также по опубликованному в 1973 г. материалу, освещающему историю местной мечети¹⁵⁷. Во время правления султана Абдулгамиды, в 1884 г., в Турцию прибыл из Дагестана с 10-15 семьями Мухаммед Мадани из Кликюни (дочь знаменитого шейха Шарафутдина Бенгалия). Ему удалось переговорить с султаном и взять разрешение поселиться в восточной части страны, в Мраморноморском районе. По дороге в город приезжим показали склон горы, который планировалось хозяйственно освоить. Получив соответствующее разрешение дагестанцев, по прибытию на это место, начали обустройство со строительства помещения для детей, чтобы защитить их от непогоды и создать им нормальные бытовые условия. Это

было что-то вроде современного детского сада. Следующим шагом было обустройство дорог. Селение получило название Решадие. Поток прибывающих сюда со временем стал увеличиваться, и уже через два года здесь обосновалось 750 семей. Обустройство проходило по плану, предусматривалось наличие двух широких улиц и расположение строений вдоль них. Была выстроена небольшая мечеть и при ней открыто медресе. На третий год в селении было уже две мечети.

В 1887 г. из Дагестана сюда прибыл некто Яхья (из с. Аксай), богатый и образованный человек, с огромным желанием облегчить жизнь соотечественникам на чужбине. На свои средства, пригласив со всей округи лучших армянских мастеров, он построил в селении большую, (уже третью), мечеть с высоким, изящным минарестом. Говорят, что в закладываемый фундамент мечети с благостными целями были высыпаны истолченные изумруды и яхонты, присланные иранским шахом. В 1889 г. мечеть, при огромном стечении приглашенных, в торжественной обстановке была открыта для молитв. В 1900 г. Яхья-бек открыл при ней специальную школу для обучения будущих имамов. В течение года он сам оплачивал расходы на их обучение. Через год Яхья вернулся в Дагестан, но до 1918 г. продолжал присылать деньги на содержание мечети и школы имамов.

Как гласит предание, до 1918 г. все в Решадии шло прекрасно, все эти годы, как говорили сельчане, Аллах одаривал их за послушание и преданность благополучием и счастьем.

В 1921 г. из Александрии прибыли юнаны (греки)¹⁵⁸ и сожгли Решадью. В ненастные осенние дни жители селения вынуждены были перебраться в соседние провинции и города Гейве, Адапазар. На следующий же день греки разграбили селение, опустошили его, сожгли мечеть.

В 1922 г. многие жители вернулись к себе,¹⁵⁹ они нашли разрушенные дома, запущенные угодья. Жизнь стала налаживаться по-новому, земля вспахивалась, дома подни-

мались из руин. Часть жителей остались в Бурсе, Адапазаре, Стамбуле: в основном это были ремесленники и ювелиры, которые нашли применение своим способностям в городах. В 1923 г., после провозглашения Турции республикой и избрания президентом М.Кемаля Ататюрка, началось новое возрождение селения, были открыты мектебы для обучения мальчиков и девочек. Селение вновь стало разрастаться. В 1935 г. началось восстановление сожженной мечети, от которой остались только стены. Уже через год при обновленной мечети стала функционировать новая школа, которая просуществовала до 1949 г; до 1954 г. помещение мечети использовали как складское помещение.

В 1955 г. мечеть решили восстановить вновь, что и было сделано за счет собранных общиной средств усилиями сельчан. В течение 7-8 лет поступала помощь и от турецких граждан. В 1968 г. было решено построить новую мечеть, на этот раз помощь поступила со всех округов и городов Орхангази и Бурса. Автором проекта новой мечети был известный архитектор Дженгиз Качал из Ялова. В течение четырех лет новая мечеть была выстроена. В шестом месяце 1973 г. мечеть торжественно открыли дневной молитвой. Были произнесены речи с благодарностью всем жителям Анкары, Стамбула, Адапазара, Бурсы, Ялова, которые внесли вклад в строительство новой мечети Гюней-коя. С большой благодарностью говорили о Яхья-беке, которому новая мечеть и была посвящена. В этот день мечети было пожертвовано около 4 тыс. золотых монет. Никто и по сей день не забывает о ежегодных жертвованиях в пользу мечети.

Из всего, изложенного нами относительно истории одного из селений и строительства в нем мечетей, можно сделать вывод, что многие исторические события в Турции новейшего времени происходили с участием наших соотечественников, для которых история турецкого государства стала собственной историей.

По другой версии, выбор места для селения так же был

связан с именем Мухаммеда Мадани, увидевшим во сне, что Хизри-авараг ударил киркой у подножья горы и там появился родник. После чего Мухаммеду Мадани якобы было повеление свыше заложить селение именно возле этого родника, который по сей день приносит доход его жителям. Первоначальное название селения было "Алмали", а уже после того как султан Решад пожертвовал деньги для обустройства родника ("Чашма Гюней"), оно получило название "Решадне", затем — "Гюней-кой". Как рассказывают, первое, что посадили первопоселенцы на этой земле был чеснок и семена крапивы, т.е. именно то, что ими было привезено со своей родины.

Примечательно, что жители Гюней-коя были привязаны к месту первоначального поселения. В свое время, после резни армянского населения в Измирском вилайете¹⁶⁰, дагестанцам было предложено поселиться в богатых особняках, оставшихся без хозяев в г.Измире. Некоторые из них согласились и остались в Измире, но большая часть вернулась, не смогла налаживать жизнь в чужих домах и пользоваться чужим добром.

На тип расселения, как и на выбор места поселения, влияют определенные социальные, экономические и природные условия. Каждый новый участок земли приходилось отвоевывать у леса (вырубать, выкорчевывать деревья), что обусловило малые по размерам площади дворов и мизерность участков под огородами и садами.

Селение делится на Верхний и Нижний кварталы "аваллы". Поселение разрасталось в сторону подножья горы, естественно поэтому, что Нижний авал более поздний. Старая мечеть расположена в Верхнем авале.

Центром селения является площадь, на которой находится небольшая бесплатная гостиница ("Мусапир хана"), административное здание, на первом этаже которого расположилась общественная кунацкая ("Мусапир ода")¹⁶¹. На втором этаже находится офис старосты ("мухтара") селения. Недалеко от площади находится небольшой уни-

версам и кафе-мороженос (“дондурма”), а также пскаря, где можно заказать не только хлеб, но и другие блюда для общественных мероприятий и семейных торжеств (свадьба, поминки, наречение имени и т.д.)

Годекан был один. Сейчас роль годекана выполняет кафе (“кьахIве”).

Площадь в целом четко выделяется в общей планировке селения, хотя геометрическим центром она не является, что так же характерно для селений Дагестана. То, что мы наблюдали в Гюней-кое — это результат начавшегося в недавнем прошлом и интенсивно продолжающегося процесса урбанизации сельского населенного пункта. Это разрастание поселения за счет увеличения и модернизации жилищ, дворов, изменения хозяйственной направленности (использование бывших виноградников, пашенных полей под жилые застройки). Это и устройство качественных, удобных подъездов к домам, прокладка широких асфальтированных и мощенных улиц. Почти каждая часть селения имеет неофициальное название, например: “Яньклер” (горячее солнце); “Ожаклар кирач” (место, где добывали известь); “Чангур овал” (виноградники); “Ченгелер” (посадки пшеницы), “Бакъльи” (солнечная) и др. Названия носят смешанный характер, то на аварском, то на турецком языках.

Большинство жителей Гюней — коя, особенно состоятельная их часть, живут здесь только летом, используя дома как дачи для отдыха: иметь дом в селении является делом престижа, показателем общественного и материального благополучия его владельца. Этот факт способствует и тому, что селение с каждым годом хорошеет и благоустраивается.

Имеется проект постройки ювелирного цеха в самом селении, для того, чтобы обеспечить занятость местного населения. Половина из постоянных жителей селения занимается заготовкой и продажей дров и древесного угля (“одун жу” — продавцы дров) для приготовления кебабов.

Это один из самых старых здесь источников существования. У состоятельных людей (в основном это ювелиры, работающие в городе) есть возможность скупать земли и старые дома в округе для постройки современных коттеджей своим детям. На современном этапе происходят процессы образования своеобразных родственных кварталов.

Перед селением серпантином вверх, в лесистую гору идет дорога на кладбище, расположенное в местности “Хабал агълу”, в лесу. Старая его часть резко отличается от новой — формой надмогильных камней. Старые надгробия здесь — камни — такой же формы, что и в Дагестане, большие, монолитные, с чалмообразными и круглыми навершиями. Современные стелы невысокие, 50-60 см., овальной формы, ставятся в основном у головы и ног усопшего. Чаще всего могилы не огорожены: считается нежелательным отгораживать покойного от земного мира забором. Кладбище весьма ухоженное, отчасти и от того, что оно является местом паломничества многих всрующих страны к могиле шейха Шарафутдина Бенгаля из КIикIуни. Без зиярата на его могилу

ни один правоверный мусульманин из ближайших уездов и городов не отправляется на хадж в Мекку, во время религиозных праздников вся площадь бывает заполнена машинами паломников на могилу шейха. За право быть похороненным на этом кладбище с чужаков взимается значительная сумма, более 400 долларов, которые идут на общественные нужды селения и мечети. Решение взимать деньги за место на кладбище

принято недавно, всего три-четыре года назад; с местных жителей плата не взимается.

Могилы шейха и членов его семьи находятся в небольшой, чисто выбеленной комнате с грема окошечками. Могилы выложены вокруг белым камнем.

Местом паломничества является и одноэтажный дом шейха, который содержится на деньги его сыновей и по-

жертвования. Весь двор дома — это огромный розарий. В доме имеются специальные общественные кухни (мужская и женская), где во время религиозных праздников готовится пища для жителей селения и паломников. Дом никогда не пустует. Сюда приезжают и подолгу живут последователи шейха. Другие шейхи и ученые считают за честь пребывать в этом доме некоторое время.

Ландшафтная неоднородность создала условия для возникновения различного рода поселений, хотя следует отметить, что организация пространства везде почти идентична. Поселения компоновались так, какими они виделись переселенцам у себя на родине.

Повсюду, особенно в предгорьях, разбросано бесчисленное множество поселений. Их местоположение, как и приято, привязано обычно к источникам питьевой воды — небольшим речушкам или колодцам. Планировка в них самая разнообразная. Есть скученные поселения, возникшие еще в эпоху средневековья, когда все жители скрывались от набегов кочевников за общей стеной, окружающей строения. Есть разбросанные, более новые, где каждый хозяин строил жилище поближе к своему земельному участку. Есть поселения, в которых дома расположены концентрическими окружностями — это жилища арендаторов вокруг дома богатого землевладельца и др.

Для крупных селений характерна более правильная уличная планировка. В центре — площадь (“мейдан”), где по базарным дням идет торговля, здесь же располагаются небольшие магазинчики со смешанным товаром, небольшая мечеть с низким минаретом, кофейня, жандармское отделение; тут же обычно находится дом или, на худой конец, отдельная комната для приезжих.

Одним из таких, сравнительно новых поселений считается с.Фындыжк. По сообщениям информаторов, оно оформилось как населенный пункт около 50 лет назад. Название его произошло от слова “финдик” — лесной орех.

Первое жилище здесь появилось, как рассказывают, в

60-х гг. XIX в., т.е. непосредственно после Кавказской войны. Некто Арслан-Кади из Цудахара и его родня, всего 12 человек, прибыли в Карс и оттуда направлялись в Самсун, но по дороге, неподалеку от места, где сейчас находится селение, Арслан-Кади скончался. Его здесь же и похоронили, а родня покойного еще осталась и заложила основы будущего поселения. Позже к ним присоединились несколько даргинских, лакских и аварских семей. В самые лучшие годы в селении было около 50 хозяйств, сейчас — не более 30 домов. Это одно из селений со смешанным населением, но поскольку даргинских семей больше, почти все пожилые люди владеют даргинским.

Кварталов в селении нет, имеется мечеть, перед мечетью-годекан. Как рассказывают информаторы, еще 15 лет назад жизнь в селе кипела. Перед мечетью, в трех местах, по возрасту, собирались мужчины, сидели в тулупах и обменивались новостями.

Своеобразно и селение Уч-тепе в том же уезде (1300 м. над уровнем моря). Оно отличается от других своим обликом, т.к. большинство домов здесь саманные, одноэтажные, с глинобитными заборами, т.е. жилища такого же типа, какой характерен в Дагестане для равнинных кумыкских селений.

Название селения (уч — “гри”, “тепе” — холм) говорит о том, что оно образовалось от слияния трех небольших поселений. Уч-тепе и сейчас состоит из трех частей, четко выделяющихся в общей планировке. Хозяйства без приусадебных участков, пахотные земли расположены в окрестностях. За исключением небольшого количества современных домов, традиционные усадьбы построены так, что имеют по периметру глинобитный забор и внутренний дворик, т.е. жилище само по себе как бы представляет небольшую крепость. Возможно, что необходимость обороны продиктовала подобную планировку дома.

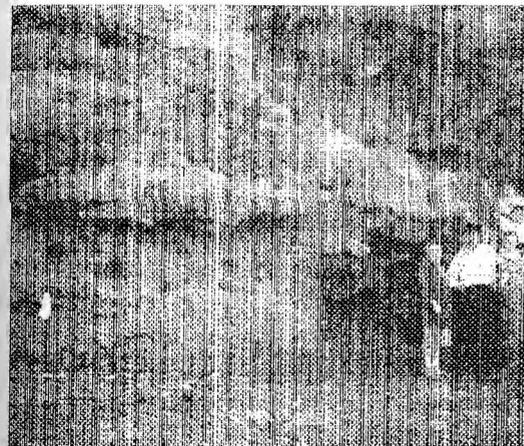
В провинции Кахраман Мараш, в хазе Гексун, расположены на расстоянии 5 км друг от друга два селения —

Кирадж (Киреч-кой) и Орта-теле. Оба они находятся недалеко от районного центра Гексуна, расположенного у оживленной трассы, ведущей в Иран, Стамбул. Как говорят жители, несмотря на беспокойное соседство с курдами и кизылбашиами, им живется совсем неплохо.

Первые переселенцы, основавшие эти селения, направлялись в Адану, но по дороге застряли здесь, эти места им показались удобными и привычными, т.к. многие соотечественники умирали, не выдерживая жаркий климат других областей. Рассказывают, что женщины, сняв свои белые

платки, просили представителей султана, чтобы те им выделили место с более умеренным климатом.

Те, кто прибыл сюда, а это были в основном выходцы из Мехельта, Ингиши, Сиуха, Хунзаха, решили во чтобы то ни стало поселиться именно здесь. Почти

ти четыре года они вынуждены были жить в ожидании соответствующего разрешения. Как рассказывают, жили они в пещерах, расположенных в местности “Варанидул нохо” (“Верблюжья пещера”), между будущими селениями.

Несмотря на то, что выходцы с Северного Кавказа были на первых порах по ряду причин желанными эмигрантами, внести элемент организованности в расселении горцев на своих территориях правительству Турции не удалось. Как пишет А.Берже, “Турецкие власти, дав разрешение принимать прибывающих с Кавказа горцев, не имели никакого понятия о размерах переселения”¹⁶², а оно

приняло невиданный размах. Тот же автор отмечает, что оказавшись в малопригодных местах, не находя выхода из положения, многие горцы вынуждены были самовольно водворяться в те или иные места, иногда вступая даже в вооруженный конфликт с турецкими войсками¹⁶³.

В данном случае обошлось без столкновений, но земли, выделенной переселенцам под поселение, оказались очень мало. Вновь прибывшим ничего не оставалось, как продать последние ценные вещи, привезенные с собой, прикупить землю.

В настоящее время в Киреч-кое из 50 хозяйств осталось 30, люди стали уезжать из селения около 35 лет назад; уже несколько лет из-за отсутствия детей школа закрыта.

Орта-тепе селение сравнительно большое: для решения общинных вопросов собирается 200 человек, а на праздник Курбан-байрам около 500 взрослых человек, т.е. более 300 человек живет вне селения.

В настоящее время Орта-тепе состоит из двух частей — “Эски-росо” (старое село) и “Гарши-росо” (новое село). Новое село образовалось около 40 лет назад. Годскан был в центре Старого села, возле мечети, которая вмещает до 150 человек. Теперь в селении две мечети, и возле второй, в Гарши-росо, тоже образовался центр, где изредка на годскан собираются мужчины. Для проведения общественных мероприятий за селением имеется большая естественная площадка, которую жители в память о Дагестане называют “Ахульго”. В селении имеется рынок, где каждую пятницу продают скот. Из Орта-тепе люди впервые в поисках лучшей жизни стали уезжать сравнительно недавно, 15-20 лет назад. Дома, большей частью двухэтажные, расположены свободно, почти при каждом доме имеются небольшие приусадебные участки и огороды. Село утопает в зелени.

По планировке оба селения можно отнести к разбросанному типу, характеризующемуся беспорядочным, бесплановым характером расположения строения. Расстояния

между домами небольшие.

Квартальное деление в селениях плохо просматривается, т.к. традиционно проблема кварталов в основном связана с вопросом расселения родственных групп. Для дагестанской диаспоры этот вопрос видимо не стоял, т.к. чужбина сплавивала земляков независимо от национальности и родства. Обычно четкое разделение на кварталы можно встретить в селениях, расчлененных какими-либо природными границами. Известно также, что семьи, пришедшие в уже существующие селения, как правило селились отдельно и образовывали новые кварталы¹⁶⁴. Это произошло, например в вышеназванном с. Шеньюрт (провинция Токат, хаза (район) Турхал), где кумыки образовали магал Учгезен, ставшее впоследствии самостоятельным селением.

Отсутствие четкого квартального деления говорит еще о том, что поселение возникло на целинных землях или путем заселения опустевшего по каким-либо причинам сельского населенного пункта. В конце XIX в. в Турции было немало сел, покинутых армянами и греками¹⁶⁵.

Поселения дагестанской диаспоры, как исторически сложившееся единство, характеризующееся определенной общностью основного этнического состава его жителей, хозяйственных и природных условий, длительное время сохраняют следы породившей его социальной эпохи и в то же время отражают уровень общественно-экономического развития Турции в целом. В них отчетливо прослеживаются последствия процессов урбанизации и модернизации общего облика, нивелирующих традиционную культуру в направлении общемировой культурной модели.

2. ЖИЛИЩЕ.

Исследователи отмечают, что сельские жилища современной Турции в зависимости от строительного материала можно разделить на следующие основные типы: дере-

вянные (бревна или доски), кирпичные (кирпич-сырец), каменные и смешанные (камень и кирпич или камень и дерево).

Два последних типа домов ныне вытесняют деревянные и кирпичные жилища¹⁶⁶.

В Гюней-кое основными строительными материалами в прошлом были глина и дерево. Легкость и быстрота изготовления саманных кирпичей, а также простота орудий для их производства, делали глину самым удобным и самым дешевым строительным материалом. Саманный кирпич использовался для строительства наружных и внутренних стен жилых домов и хозяйственных построек, оград и др. Способы кладки стен были самые разнообразные, они зависели от размеров кирпича, вида постройки, ее конкретного функционального назначения и т.д. В качестве раствора служила глина или известь.

При строительстве домов из кирпича делали своеобразные антисейсмические пояса, приблизительно такие же, как на Кавказе, (у армян, азербайджанцев¹⁶⁷, дагестанцев)¹⁶⁸: прокладывали в несколько слоев впритык друг к другу горизонтальные деревянные балки диаметром 6-10 см, длиной 1,5-2 м, и таким образом, опоясывали весь дом. Подобная же традиция существует и у турок¹⁶⁹. Строительство дома, как и повсеместно, начинали с подготовки места для закладки фундамента. По периметру рыли траншею глубиной 30-40 см, шириной до 1 м, закладывали ее плотно камнями и заливали глиной, известью, затем возводили каменный цоколь здания высотой до 60 см, редко до 1 м.

При закладке фундамента обязательно присутствовали родственники хозяина ("акраба"), резали барана или быка и устраивали угощение, иногда с музыкой. Считалось, что фундамент обязательно должен быть окроплен кровью жертвенного животного. В четыре угла фундамента и в центр бросали монеты. Кладку стен производил приглашенный мастер. Ему на помощь почти ежедневно приходили родственники, соседи. При особенно трудоемких

процессах здесь, как и в Дагестане, прибегали к помощи односельчан и родственников.

Кирпичную стену с внешней и внутренней стороны обмазывали глиной, производили внутреннюю и внешнюю побелку известкой, которую в Гюней-кое жгли, в т.ч. и на продажу, издавна, (для Багавудина Багъарата и Бекира Гурбуза это было частью семейного бизнеса). Дома здесь строили одноэтажные ("гъат" — этаж), на цоколе, чаще двухэтажные, компактные, без веранд и балконов.

Первый этаж использовался для хозяйственных нужд, изредка — как жилое помещение, чаще тут располагались мастерские. Рельеф веранды ("рагъи") выполняли галереи ("салун") в 2-3 окна, с входами в имеющиеся жилые комнаты.

Возможно первопоселенцы строили дома с плоскими глинобитными крышами, но они не сохранились.

Старый двухэтажный дом (хозяйка Хадижат Марти — 63 г.), построенный более 50 лет назад Бекиром Гурбуза, считался в свое время одним из лучших. В нем максимально использовано дерево — балки и перекрытия, опорные столбы, деревянный пол на втором этаже, деревянная добротная лестница, двери с незамысловатой геометрической резьбой. Крыша двускатная, покрытая черепицей (керамит) — самым распространенным кровельным материалом. Пол на первом этаже был в свое время глинобитным, его приходилось периодически обмазывать глиной впрямую известью, в настоящее время отделан специальной плиткой. Большое внимание обращалось на коммунальные удобства; на втором этаже, возле спальни, имеется туалет, с резервуаром для воды и трубой, выходящей в автономную канализационную систему. На верхнем этаже потолки бревенчатые, уложенные на поперечную балку ("ре-хель"). Бревна обработаны и обемолсны, достаточно хорошо подобраны по размеру и идеально подогнаны. На первом этаже потолки из хорошо подогнанных жердей, они тоже наложены на поперечную балку. В домах же, постро-

енных 10-15 лет назад, потолки подбиты плитами (“седита”), из склеенных и спрессованных опилок и стружек.

Входная двустворчатая дверь напоминает красивые резные ворота уменьшенного размера. Вход в жилье прямо с улицы. На первом этаже на улицу выходит только одно небольшое окошечко, слева от дверей. Со второго этажа на улицу выходят три окна. Огород за домом, с улицы его не видно. Обычное расположение домов в Гюней-кое — фасадная часть дома смотрела на улицу.

Внутреннее убранство комнат зависело от их функционального назначения. Комната — “ода”, кунацкая — “мусапир ода”, спальня — “ятак ода”. Главным помещением в доме считалось кухня (“мутбак”), в которой находилась встроенная печь (“соба”), отапливаемая дровами. Интерьер кухонь не отличался от тех, к которым мы привыкли. Наше внимание привлекло небольшое деревянное приспособление “тельдолап” для хранения скоропортящихся продуктов. Это деревянный шкафчик на ножках, с полочками и отверстиями в определенных местах, с петлями для наружного навесного замка. Говорят, что тельдолап хорошо выполнял свои функции. Возможно, что секрет предохранения продуктов от порчи кроется в расположении отверстий.

В жилых комнатах как минимум три дивана, укрытых покрывалами (“чорто”) и с несколькими подушками (“ястык”), на полу цветные войлочные коврики “Гарбабаши”, которые в свое время производились в самом селении, шерстяные коврики (“килим” и “хали”). В одном из углов комнаты обычно располагался камин.

Стены коврами не украшаются, ими обычно покрывают полы. Переселенцы очень скоро переняли у турок привычку отдыхать на подушках, разбросанных по периметру комнаты. Украшением комнат служат также изящные резные тумбочки на ножках (долап), выполняющие функции современных комодов.

Как рассказали информаторы: Сагидият Улубай — 80 лет, Хава Джанав — 65 лет, Пагимат Озель — 55 лет¹⁷⁰ с

конца 50-х гг. Поди стали обзаводиться городской мебелью: шифоньерами (“гардураб”), комодами (“комедин”), шкапами и проч. Обязательной принадлежностью в состоятельных домах стали нарядные шелковые абажуры (“авизе”). Конечно, интерьер комнаты зависел, как и везде, от благосостояния хозяина, это один из наиболее подверженных влиянию социально-экономических изменений в обществе элементов материальной культуры.

В настоящее время селение Гюней-кой представляет собой (по нашим понятиям) великолепный маленький городок, утопающий в зелени, с двух-трехэтажными коттеджами, выполненными в бело-красных тонах; особенно красиво он смотрится сверху, со стороны кладбища.

Главной приметой сегодняшнего дня для всей Турции в целом, и для Гюней-кой в частности, являются новостройки, светлые, красивые дома-коттеджи, построенные в лучших традициях современной мировой практики. Стройматериалы используются самые современные, привозят их из г. Бурсы, т.к. там имеются цементный и кирпичный заводы, цеха по добыче и обработке мрамора и производству плиток из мраморной крошки. Все это — в непосредственной близости от селения.

Строить начинают с подготовки автономной канализационной системы. Для этого в задней части двора, в 3-4 м. от дома, роют глубокий котлован по размеру железобетонного цилиндра без дна и с многочисленными отверстиями, который закладывают в котлован для укрепления стен. Подводят туда канализационные трубы и закрывают железобетонной крышечкой с люком. Затем все засыпают землей, оставив снаружи только люк. Сверху обычно сажают кусты роз.

Для строительства нанимают бригаду во главе с инженером. В таких бригадах все рабочие-мастера широкого профиля. Инженер сам снабжает бригаду всеми необходимыми стройматериалами, хозяин только расплачивается. Дом обычно сдается под ключ. Современные коттеджи ста-

раются строить в 2-3 этажа.

Для наглядности опишем два дома.

Один из них, недостроенный, принадлежит ювелиру Ракъипу Сарач (это его третий дом для младшего сына). Он строится на небольшом склоне и с улицы кажется двухэтажным, а на самом деле в 2,5 этажа (т.е. с подвалом). В нем 5 комнат, две кухни. Перед домом с торца небольшой внутренний дворик.

Входов и выходов несколько. Парадный вход с улицы, через него попадаешь сразу на второй этаж, отсюда спускаешься по внутренней лестнице на первый этаж, а затем и во двор. Этот дом примечателен тем, что для его внешней отделки использован модный сейчас в Турции материал, некая субстанция, полученная из белой мраморной крошки, извести и белого цемента. Из этой смеси делают наружную своеобразную штукатурку по технике, известной в Дагестане как "шуба". Дом на солнце поблескивает от белой мраморной крошки и производит эффект сказочного терема. Стены дома сверху по периметру украшают десятисантиметровые полосы из красного цемента, что очень хорошо сочетается с красноватой черепичной крышей. На втором этаже по всей длине боковой стены расположен овальный балкон. Этот дом, возможно, сейчас уже достроен, т.к. строят в Турции быстро.

Одним из самых больших и богатых домов в селении считается дом сестры Ракъипа, Рашидат.

Дом построен в 1991 г. У хозяйки трое детей, поэтому он трехэтажный, по этажу на каждого. В нем 11 комнат, на каждом этаже кухня, ванная с туалетом, отделанные в разных стилях и по высшему классу. На каждый этаж можно попасть как с улицы, так и по внутренним лестницам. У каждого входа небольшое закрытое крыльцо с застекленными пластиковыми рамами. На первом этаже дверь из кухни выходит на открытую галерею с тремя колоннами, пол вымощен плитой из розовой мраморной крошки. У стены стоит диван и перед ним большой овальный стол из бе-

лого пластика, с резными белыми креслами. Галерея в теплое время года служит столовой. Здесь, с одной стороны выход в огород, с другой, — сбоку, облицованная плиткой широкая лестница, с черными резными перилами из металла, ведет на крыльцо второго этажа.

На втором и третьем этажах из гостиной предусмотрен выход на широкий балкон.

Оконные рамы и некоторые наружные двери сделаны из черного пластика, рамы раздвижные.

Все двери, и наружные, и внутренние, застеклены (воров здесь не боятся).

Для отделки дома использованы мраморные и из мраморной крошки плитки, все подоконники мраморные: здесь это один из самых доступных материалов. Пол первого и второго этажей облицован матовой розовой и салатной плиткой с геометрическим орнаментом. На третьем этаже розовое ковровое покрытие. Стены на всех этажах побелены белой известкой, обои здесь не используют.

Интерьер комнат выдержан в европейском стиле, особенно в одной из комнат, которую условно можно назвать кунацкой и спальней. Гостиная отличается тем, что здесь много диванов с короткой спинкой для подушек. Комнаты большие, просторные и светлые, здесь нет ничего лишнего. Пол для тепла устлан коврами.

Весь двор обнесен невысокой металлической резной оградой, выкрашенной в черный цвет. Вход во двор через калитку. Во дворе, где только можно, посажены кусты роз.

Таких больших домов, конечно, не так уж много, но они строятся. Все больше Гюней-кой превращается в селение, которое используется как дача для летнего отдыха. Людей, содержащих скот, почти нет, приходит в упадок и старинный промысел — продажа дров. Постоянных жителей не так много, но есть тенденция: многие в преклонном возрасте, устав от городской суеты, переезжают, как Рашидат, из крупных городов Турции, стран Западной Европы, Америки и др.

Соотечественники, которые побывали в Дагестане, очень много и хорошо говорят о нашем гостеприимстве, о желании оказать далеким землякам посильную помощь, и никак не могут понять, почему мы живем так некомфортно, особенно в селениях.

В Ялова мы случайно набрали на антикварную лавку дагестанца, разговорились, к нам подошли еще несколько наших соотечественников. Мы довольно долго беседовали. Один из них все удивляется тому, что он наблюдал будучи в гостях в с. Хаджал-Махи. Дом большой, в два этажа, много комнат, много ковров и всякого добра. Живет хозяин не хуже богатого человека в Турции, а элементарных коммунальных удобств в доме нет. Он считает, что для человека, и особенно пожилого, это самое важное. Действительно, в Турции мы не видели дома, в котором нет газовой колонки, во всех домах селений автономные канализационные системы, никому в голову не придет выплеснуть воду на улицу, как это у нас все еще принято. Основное внимание уделяется обустройству ванных комнат и кухни. В старых домах, в которых недостаточно хороших условий, хозяева создают себе прежде всего коммунальные удобства.

В этом плане типичен дом старого Халита. Это одноэтажный, со входом прямо с улицы, саманный дом. В нем несколько смежных комнат, пол покрыт линолеумом, обстановка в доме обычная, зато наличествуют все удобства, вплоть до калорифера. В целом, по полученной нами информации, построить дом, предварительно купив участок, здесь обходится в 35-40 тыс. долларов. И место в виду стандартный двухэтажный коттедж в сельской местности из пяти комнат, двух кухонь, двух ванных комнат, кладовой и небольшого двора. В городе за эти же деньги можно купить только трехкомнатную квартиру в не очень престижном районе. Такая разница связана с тем, что в городе земля стоит в несколько раз дороже.

Местоположение Турции на стыке Европы и Азии, эт-

ническая пестрота в совокупности с особенностями рельефа создали условия для разнообразия типов жилищ, для своеобразного смешения черт специфического и повсеместного в строительной культуре в различных климатических зонах и у одних и тех же народов. Например, с. Финдыжак расположено в провинции Сивас, в степной местности Внутренней Анатолии, где почти самая низкая плотность населения, а с. Киречкой и Орта-тепе в провинции Кахраман-Мараш в Средиземноморском р-не, за горными склонами, покрытыми небольшими лесными массивами. Однако, их жилища имеют почти одинаковый облик, с той лишь разницей, что в с. Финдыжак дворы больше, дома расположены свободнее. Это обычно двухэтажные каменные дома, где внизу расположены хозяйственные службы (кухня, кладовая, туалет, ванная) и одна большая жилая комната, а на втором этаже, с внутренним и наружным входом, находятся жилые комнаты. Часто дом почти по всему периметру обносится открытой верандой, как и в горах Дагестана. Помещения для скота строятся отдельно. Естественно, что это уже веяния последних десятилетий, т.к. до 60-х гг. во Внутренней Анатолии в сельской местности были распространены одноэтажные дома из камня или кирпича с плоскими земляны-

ми или крытыми камышом крышами¹⁷¹.

Современные дома в другой части Турции, в Средиземноморском районе, мало отличаются от выше описанных¹⁷².

В с. Орта-

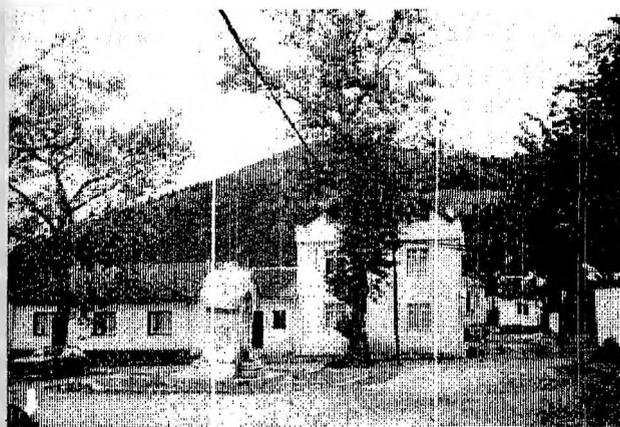
тепе, например, дом Ахмеда и Махбулы Орал считается современным, он полностью обновляется, остались еще небольшие недоделки, наружная отделка не завершена. Хозяева почти четверть века живут в Германии, но каждое лето и всю осень предпочитают проводить в родном селе, поэтому поддерживают дом в хорошем состоянии.

Первый этаж дома построен из камня, второй из самана, снаружи оштукатурен и побелен. Потолки и пол деревянные, крыша черепичная. Комнаты (а их в доме шесть — четыре на втором этаже и две на первом) и кухня (на 1-м этаже) достаточно большие. Туалет расположен на втором этаже, в левой боковой части открытой неширокой веранды, которая — П-образно окружает дом. Лестница, ведущая на второй этаж, расположена снаружи, т.е. туда можно попасть, минуя первый. Отсутствие внутренней лестницы Махбула Орал объяснила нежеланием ее мужа повторять уже поднадоевшие европейские стандарты. Она сказала, что старались сохранить в доме планировку, типичную для с.Орта-тепе.

Для сельской местности в этой части Турции комнаты обставлены очень хорошо. Хозяин по местным меркам состоятельный человек: мебель в спальне, красивый холл и т.д., чувствуется достаток.

Провинция Токат, расположенная в Восточной части Черноморского р-на, находится между Сивасом и провинцией К.Маращ, тем не менее видны разительные отличия в жилищах вышеназванных селений и с.Уч-тепе, населенного выходцами из разных горных селений Дагестана (в основном Хунзах, Сиух и т.д.). В с. Уч-тепе, за редким исключением, дома саманные, одноэтажные. Например, дом сестры промышленника Абдуллы Донера имеет П-образную планировку, с внутренним двором, обнесен глинобитной довольно высокой оградой с маленькими воротами, скорее калиткой. Комнаты между собой не сообщаются, в каждую из них имеется вход со двора. Двери, окна небольшие, потолки, соответственно, невысокие. Сейчас дом по-

крыт черепицей, пол в двух комнатах из четырех глинобитный (керамид); лет 15 назад, дом имел плоскую земляную крышу. Коммунальные удобства во дворе. В качестве кухни в зимнее время используется одна из комнат, летом готовят во внутреннем дворике под навесом. Там же хранят “мангал” — медную чашу на трех ножках, с двумя

ручк ами для пере- носки. Мангал служит зимой приспособлени- ем для обог- рева. Рез- кого деле- ния дома на мужскую и женскую половины (“селям- лык” и “ха-

рам”), как было принято, в настоящее время не встретишь даже у состоятельных людей, а вот нарядная комната, в которую приглашают гостей, почти в каждом доме имеется.

Отличительной особенностью интерьера комнат в Турции (и в городе, и в сельской местности) является наличие большого количества кресел, диванчиков, подушечек, тюфяков, приспособленных для сидения на полу. Да и сама мебель, если она в доме имеется, при всей стандартизации носит какой-то неуловимо-восточный колорит: она низкая, малых габаритов, на стульях ковровые или бархатные коврики, кресла и диваны мягкие, как подушки, а софа обставлена бесчисленным количеством разных по форме и размерам подушек и подушечек. В доме жителей с. Уч-тепе мы заметили на стенах небольшие вышитые войлочные ков-

рики, в основном красного цвета, которые напоминают известные в Дагестане арбабаши. В свое время жители, по традиции предков занимались производством войлока.

В турецкой архитектуре можно выделить два рода построек — великолепные мечети и гражданские постройки. Вид и облик последних зависит от состоятельности хозяина и места, где жилище построено (от местных традиций).

В частности, богатые люди строили “конаки” (большие дома, почти дворцы), а простые люди жили в маленьких домиках, называемых “эв”. В прошлом, еще в нач. XX в., в городской местности предпочтение отдавалось двухэтажным деревянным домам с большим количеством окон. Над первым этажом выступали балконы, поддерживаемые большими деревянными консолями. Каждый этаж выступал вперед над нижним. Высокая крыша придавала этой постройке своеобразный характер, и ее форма чем-то напоминала китайскую пагоду. Выдающаяся часть крыши, образующая навес, называлась “сачак” и украшалась геометрическим орнаментом из дощечек. Окраска дома — чаще всего кирпичного цвета. В дом вели двое ворот — одни в харем (женскую часть), другие в селямлик. Через ворота селямлика можно было попасть на большой двор, вымощенный булыжником. Он размещался под большой залой второго этажа. Лестницы отходили в разные части от маленького крыльца (“бинек-тащи”). Кухня в таких домах находилась в саду. Основная примечательность этой кухни — печь, круглая, конусообразная с отделениями для разных котлов. Вокруг двора располагались комнаты для слуг (“ушаков”), носильщиков (“айвазов”), поваров (“ахчи”) и т.д.

К стенам харема обязательно примыкала баня. Хозяин дома обычно пребывал на втором этаже, куда вела широкая деревянная лестница.

В таких домах все комнаты были одинаково меблированы. Длинная софа располагалась возле стены, вдоль окон, а иногда и с противоположной стороны комнаты. Этажер-

ки для головных уборов (“кавука”), ковры, стенные часы. несколько больших шкафов, куда на день складывались

постель, матрасы и одеяла, которые вынимались ночью и стелились на пол и др. составляли интерьер комнаты. Для еды вносили маленькие табуретки со стоящими на них круглыми подносами. Харем мало отличался от селямлика, часто он был просторнее последнего. Окна харема тщательно заделывали “кафессами” (жалюзи). Их делали из маленьких деревянных дощечек, перпендикулярно или по диагонали вставленных в выемках рамы и доходящих до середины окна.

Турки любят обилие окон в домах и их столько, сколько позволяет длина фасада. Исследователи считают, что не только соображение благотворного влияния солнечного света, но и необходимость женщине заполнить чем-нибудь часы затворничества обуславливали такое пристрастие к окнам: стоя за кафессами, женщина могла видеть прохожих через щели, оставаясь невидимой для них¹⁷³.

В больших домах — дворцах в глубине сада обязательно был большой бассейн (“хавуз”); в маленьких домах обычных граждан вместо бань устраивали небольшие бассейны для омоения (“гуссулханэ”). И сейчас, как дань традиции, в некоторых домах имеются и ваннные комнаты, и гуссулханэ.

Приспосабливаясь к условиям проживания, дагестанс-

кая диаспора перенимала у местных жителей очень многое, особенно в области материальной культуры. В целом, наблюдая за жилищами, за их эволюцией, можно отметить, что есть в них характерные признаки, которые проявлялись независимо от того, в каком вилайете или в какой природно-географической зоне дом построен.

Дом имеет несколько входов и выходов, чего не встретишь в Дагестане (вход в дом, у нас как правило, один). Это, бесспорно, следствие функционального разделения дома на две части (салямлик и харем).

3. ОДЕЖДА.

Костюм народа, как историческая категория, являясь, с одной стороны, достаточно мобильной частью традиционно-бытовой культуры, а с другой — одним из устойчивых этнокультурных элементов этой культуры, отражает в себе ярче, чем другие ее явления, исторические судьбы этноса в целом¹⁷⁴. В Турции отмечается довольно большое разнообразие в одежде, которое объясняется такими причинами, как местные культурные традиции, климатические и географические условия, формы хозяйствования, а также административно-государственные ориентации.

В условиях Турции, население которой формировалось в процессе постоянных включений новых этнических компонентов, возможностей для взаимовлияний и прямых заимствований было особенно много. Если не учитывать незначительные локальные различия в мелких элементах и отдельных терминах, общая основа прослеживается достаточно четко. Комплекс женской одежды XIX — первой половины XX в. в Турции характеризуется наличием поясной одежды — шаровар (“шалвар”, “шалбар”), нижней плечевой одежды — рубахи (“гомлек”, “гонлек”), верхней плечевой одежды — жилетки (“йелек”) и жакета (“ичлик”); верхней одежды — куртки (“салта”); и верхней поясной одежды — фартука (“пентамаль”, “фута”); разноцветно-

го пояса (“кушак”); надеваемого поверх рубахи, распашного платья (“энтари”).

Комплекс женской одежды всегда дополнялся головными платками (“йашмак”) или головными уборами различных фасонов (тюбетейка — “таке” из тонкой материи, “хотоз” — нечто вроде чепца, “аракчин” — ермолка) и специальным покрывалом для выхода на улицу.

Что касается обуви, в повседневной жизни женщины и дети в сельской местности почти всегда ходили босиком. Когда же одевали обувь, то носили кожаные туфли “йемани”, сапожки “меет кундура”, полусапожки “чивили кундура”, туфли без задников и каблуков “папуч”, сапоги “чизлие”; самой популярной обувью бедняков были деревянные сандалии “налып”.

Неотъемлемой частью женского национального костюма повсеместно являлись всевозможные ушные, ручные, нашейные и нагрудные украшения.

Кратко представленный одежный комплекс был характерен для турчанок. Что же касается непосредственно дагестанок, то долгое время тот комплекс одежды, который они привезли с собой, оставался преобладающим. Еще долго в пределах образовавшегося компактного поселения он служил своеобразной этнической меткой, позволявшей определить село или округ, откуда прибыла та или иная женщина, девушка. В Дагестане этнографически наиболее интересным и многовариантным являлся именно женский костюм, зачастую позволявший по фасону, крою, способам пошения и др. признакам безошибочно определить этническую принадлежность¹⁷⁵. Женщины, как и в Дагестане, носили пательные туникообразные рубахи типа аварского “кунта”, что и для многих других народов мира является общим явлением¹⁷⁶.

Кунта, как и на родине, шили из простой дмотканной светлой ткани, позже — из так называемой “американ беги”. Если в выборе пательной рубахи турчанок проявлялось социальное и возрастное неравенство (богатые шили

из шелка, молодые из ситца, а старухи — из хлопка), то в дагестанских селениях разница в белье не соблюдалась, она проявлялась только в верхней одежде.

Поверх кунта молодые и среднего возраста женщины носили платье “хабалай хаба” или “горде” из шелка определенной выделки (хара, дарай), стамбульского ситца (чит). Это отразилось, в частности, в фольклорном материале: “Дида тIад бугеб дарайдул горде, дирго кьерилалде бихъ-бихъун бикье” (“Платье из дарая, которое на мне, моим ровесницам, разорвав, раздарите”. Завещание умирающей. Записано в с. Уч-тепе); “Истамбул гурони читги ретIичIо, чинляйдул гурони кIазги чIвачIо” (“Только стамбульский ситец носила, только шелковый платок носила”). Пожилые женщины носили платье из темных тканей, женщины среднего возраста и молодые девушки предпочитали зеленый цвет. Характерно обращение к девушке: “ГъотIода тIамах байги дур ратIлида релье-араб” (“Пусть дерево покроется нарядом цвета твоего платья”). В прохладное время поверх платья носили жилет без рукавку “ейлек” (тур), овчиную или вязанную. А для ношения в зимнее время шили себе женские варианты овчинных шуб (“тIимугъ”). И женскую, и мужскую одежду шили женщины. Почти в каждом селении были мастерицы, например в с.Финдыжак известностью пользовалась мастерица-портниха ГIабидат-терзи.

Так называемую поясную одежду — штаны переселенки долгое время носили такого же типа, как и у себя на родине, в основном узкие, с широким шагом за счет клина в верхней части, которые в XIX нач. XX в. были распрост-

ранены в Дагестане повсеместно¹⁷⁷. Шили их в зависимости от возраста темных и светлых тонов. Ту часть, которая выглядывала из под платья, старались шить из более дорогой ткани с вышивкой по низу штанин: дарая, бархата, а верхнюю из более плотной и крепкой ткани. В теплое время года такие штаны носили навывпуск, а в зимний период заправляли в обувь.

Исследователи отмечали, что наиболее интересными и разнообразными в женской одежде народов Дагестана были головные уборы¹⁷⁸, которые по фасону “чухта” позволяли определить конкретно, откуда женщина родом. Информаторы сообщают, что в дидойских селениях женщины продолжали долго носить чухту с височными кольцами. Остальные носили простейшего образца чепец-накосник темных тонов¹⁷⁹ чаще всего без украшений. Поверх чухту надевали квадратный платок (“кIаз”, “кверльин”), сложенный по диагонали. Платки в зависимости от времени года и возраста женщины могли быть шерстяными и шелковыми, темными и нарядными; в с. Уч-тепе вспоминают, что девушки любили носить светлые “гурменди”. А в с.Финдыжаке, где живут в основном выходцы из даргинских селений многие носили и белое покрывало, наподобие акушинского.

Обувью, первое время, пока налачился быт на новом месте, в основном служили дирихи (бапмаки) из сыромятной кожи со шнурками и дерсявинные башмаки без задников. Ту и другую обувь носили с вязанными носками и зимой, и летом: в отличие от турчанок, дагестанские женщины босиком не ходили. В дидойских селениях продолжали вязать шерстяную зимнюю, характерную для них обувь с толстой подошвой. Как говорят информаторы, даже мужчины вязали такую обувь с толстой подошвой, которую цезы зачастую обменивали в других селениях, на необходимые предметы. Эта обувь была очень практичной и достаточно ноской

Костюм любого народа несет на себе заряд художе-

ственно-эстетических представлений и ориентаций людей на той или иной стадии общественного развития в определенной конкретно-исторической обстановке. Так и одежда дагестанцев, живущих на территории Турции, в разные периоды истории подчинялась общим процессам, происходившим там, особенно в 20-х годах XX столетия, меняясь, воспринимая детали и целые комплекты костюма соседних народов. Из-за полиэтничности турецкого государства, в одежде переселенцев можно проследить удивительное смешение, которое чаще и заметнее проявляется в названиях того или иного предмета женского гардероба.

Женщины во многих селениях стали как и все турчанки, поверх нательной рубахи носить халатообразную “уч этекли энтари” с длинными рукавами. Отличительная особенность такого халата — глубокие разрезы по бокам, что создает три подола, отсюда и название “платье с тремя подолами”.

“Энтари” слово греческого происхождения, так же называлось распашное платье пожилых женщин у курдов, гагаузов, армян¹⁸⁰.

В летнее время женщины стали носить платье с кокеткой, в оборочку, широко распространенное в Дагестане у губденок. Такое платье и сейчас носят пожилые женщины в сельской местности, качество ткани и цвет его зависели от степени благосостояния и возраста женщины.

В самом начале XX в. почти все женщины, в том числе и дагестанки носили соответствовавшие принятым местным нормам черные платья, до щиколоток (“бедюз-пече”) и шелковую паранджу (“шашав”). Эта своеобразная “униформа” для женщин Турции просуществовала до 1925 г.¹⁸¹. Паранджа была совершенно новым дополнением в женской одежде дагестанок, призванным в частности, демонстрировать подчеркнутую приверженность к идеологии ислама.

Послевоенные годы явились переломным моментом в формировании современного костюма женщин Турции.

Социально-экономические процессы, происходившие в стране повлияли и на распространение некоторых европейских элементов в традиционном костюме турчанки, особенно горожанки. Переосмысленная в городских условиях мода приходила и в сельскую местность и, выдержав апробацию на удобство и практичность, постепенно приспосабливалась к местным вкусам. Именно в 40-е гг. появились в качестве верхней одежды коричневые, из различного по качеству материала, длинные манто, которые сейчас весьма популярны среди провинциальных и сельских жителей Турции. Приблизительно в это же время молодые девушки и женщины стали носить платье с поясом и юбки с кофтами (“этек-блюз”). Здесь также проявлялись возрастные и социальные отличия (качество ткани, ее расцветка, особенности кроя и др.).

В настоящее время женщины в сельской местности повсеместно носят косынки (“эшал”) или платки (“откы”), низко опустив на лоб и заколов (повязав) у подбородка. В повседневной жизни косынку носят сложив углы крест накрест и подогкнув один из углов на противоположной стороне.

В качестве поясной одежды шалвары перестали быть неизменным атрибутом женского комплекса одежды, их заменило покутное нижнее белье (панталоны, килот, корсе — гамаши, трусы, рейтузы) и чулки — тонкие (“чорап сиреч”) для молодых и толстые (“чорап ханум-эфенди”) для пожилых женщин.

Интересную картину восприятия нехарактерных элементов одежного комплекса наблюдали мы в с. Гюней-кой. Здесь женщины и девушки (в том числе и приезжие из города), независимо от возраста, поголовно носят широкие шаровары с казманами, которые шьются из двух метров широкой цветной хлопчатобумажной ткани (плотность — в зависимости от сезона: теплые для зимы, легкие варианты — для лета). Они напоминают широкую присборенную юбку, прошитую внизу, их носят без верхних халатов и

юбок. По рассказам шалвары здесь прочно вошли в быт лет 15-16 назад, когда в этих краях американцы снимали фильм об армянах, и некоторые жители были привлечены для съемок в массовых сценах. Недалеко, в местности Ченгле, жила армянская семья, которая позже специализировалась на пошиве этой одежды. Как объясняют местные жители, приглянулись им шалвары из-за удобства ношения — в них свободно можно сидеть на подушках, на софе, на полу; шалвары имеют два накладных кармана, что тоже очень удобно.

Подобные юбки-шалвары были характерной составной частью женской одежды не только армянок, но и персиянок, и курдских женщин южного Азербайджана¹⁸².

Самой распространенной обувью сельского населения долго оставались, как уже отмечалось, дирихи или чарыки, а также кожаные туфли йемени, на низком каблуке и со слегка заостренными кверху носками. Дагестанцы, как только жизнь их в Турции наладилась, стали производить привычную для них обувь — занглал, мачуял и др. Население постепенно привыкало и к местной обуви. Широкую популярность получили у девушек туфли из разног (зеленого, коричневого, белого) цвета кожи, без задников, иногда с каблуками (“пашмак”). Упоминание об этой обуви имеется и в фольклоре дагестанской диаспоры: “Дица регулел гурчин пашмакъал, тулалбул яцал, иргада хьурше” (“Зеленые башмаки, которые я ношу, родные сестры, носите по очереди”).

В послевоенные 40-е годы обувь стали делать из сырой резины, автомобильных покрышек. Состоятельные женщины могли приобретать резиновые боты (“шасон”) на каблуках. В это же время получили распространение резиновые калоши (“ластик”), которые стали носить в сельской местности не только поверх чарыков, но и вязанных носков (“шотаби”, чорак”).

Турчанки, так же, как и женщины многих народов Дагестана, сами вязали носки, причем не только из шерсти,

но и из хлопка и даже шелковые. Орнамент, как правило, стилизованный растительный или геометрический. Исследователи пишут, что в узорах носков легко различимы стародавние традиции: мотивы “древа жизни” хеттского солнца (“эти гюне ши”), символ двуглавого орла — герба византийцев и сельджуков и т.д. В отличие от носков дагестанских мастериц, различавшихся по высоте голени и орнаменту как женские и мужские, турецкие носки отражали семейное, профессиональное и социальное положение их хозяйки или хозяина: молодуха, вдова или обрученная, холостой или женатый, пастух или староста и т.д.¹⁸³.

Следует отметить, что новое в одежде в первую очередь прививалось в зажиточных семьях. Процессы ассимиляции наиболее активно проходили именно в этой среде.

Итак, если одежда дагестанок вплоть до 50-х годов XX в. носила на себе печать этнической принадлежности, особенно среди женщин горных селений, то в настоящее время костюм дагестанки, живущей в Турции, не отличается от костюма турчанки, живущей в той же провинции. Черты общности материальной культуры турецкого народа с дагестанской диаспорой более всего проявляются именно в одежде. В наши дни женская одежда в сельской местности вопреки различным нововведениям популярным в кругах молодежи и людей среднего возраста, в общей массе носит своеобразный характер, который можно назвать турецким женским костюмом.

Специфическим средством организации костюма народов Горного Дагестана, неотделимыми его компонентами являлись разнообразные серебряные украшения. Большой популярностью пользовались монеты различного достоинства. Ими обшивались ворот, подол и рукава одежды. Украшения и манера их ношения, как и одежда в целом, служили своеобразной печатью принадлежности к определенному этническому сообществу, они имели эстетическую, смысловую утилитарную нагрузку. Женщины в Турции носили украшения главным образом в качестве оберегов.

Еще в 60 гг. в коралловые бусы вдевали от глаза кусочек кокосового ореха (“хиндустан джевизи”), гвоздичку или голубые бусинки. Детям на левое плечо прикрепляли талисман от глаза в виде голубого глазка из шерсти или ляпис-лазури на золотой бляшке. Возможно, считают исследователи, оберегающее значение голубого цвета сохранилось у турецких крестьян с тех времен, когда древние тюрки почитали голубое небо как божество.¹⁸⁴

Как рассказывают информаторы, в прошлом крупных нагрудных украшений у дагестанок в Турции не было. В настоящее время большой популярностью среди замужних женщин пользуются кольца и тонкие золотые браслеты. Девушкам браслеты дарят их женихи (от 3 до 9 штук). Эти украшения имеют свои названия в зависимости от техники исполнения и фасона: “беше белик” (тонкие крученые) “панда дик” (с алмазной россыпью) и др. Невеста на свадьбу надевает диадему (“тагч”), но ее не все могут приобрести и часто берут напрокат. Молодые девушки любят носить на шею жемчуг, который в Турции достаточно дорог, а также различные бусы из полудрагоценных камней.

Мужская одежда XIX-нач. XX в., если не учитывать несущественные локальные различия по провинциям, состояла из нижней поясной одежды (“дон”); верхней поясной — шальвар с гашником (“учкур”); кушака; нижней наплечной одежды (рубаха, такого же покроя, что и женская, только короче (“ромлек”, “гейлек”), верхней наплечной одежды: минтан (из ситца — “басма”, из шелка — “алладжа”), куртка “чепкен”, короткая бурка или войлочный плащ (“келенек”), безрукавка; головного убора (“фес”, “каскает”).

Это в общих чертах мужской одежный комплекс, сохранившийся в различных вариациях и с незначительными изменениями до середины XX в. в Турции среди турок. Дагестанцы, поселившиеся в Турции, довольно долго продолжали носить привычную для них одежду. Информаторы утверждают, что костюм дагестанца как и на родине состоял из следующих предметов: рубахи (“кунта”), штанов,

бешмета “гужгат”, папахи “тагъур”, обуви и оружия. Непременным элементом верхней мужской одежды считалась овчинная шуба “Гимугъ”, бытовала она с пелериной и без нее.

Вместе с тем, соседство различных народов и длительное взаимодействие с ними, особенно на фоне изменяющегося в целом на государственном уровне быта, не могли и здесь не привести к взаимопроникновениям. Началась постепенная замена привычного для дагестанцев одежного комплекса. Первоначально воспринимались наиболее удобные и практичные ее разновидности. Например, дагестанцам приглянулась неременная часть традиционного костюма сельского турка — безрукавка типа европейского жилета. Удобство при работе определяло широкое распространение этого элемента костюма у многих народов¹⁸⁵. Возможно, что короткая куртка, которую турки надевали поверх жилета, так же показалась им удобной. Она имела низкий прямой воротник, сплошной разрез спереди без застежек, длинные рукава и шилась на пестрой подкладке. У дагестанцев эта куртка получила название “гужгат”, так же обычно называли и бешмет. Под этим названием куртка вошла в обрядовую песню вызывания дождя:

“Бае, Аллагъ, чвахунцад (“О Аллах! дай проливной дождь,
Чараб гужгат биччизе, чтобы цветастый гужгат промок.
Чвахаги Аллагъ, гонгал. О Аллах! пусть водостоки текут
так, чтобы
Кьурараб тагъур хвезе!”. кучерявая папаха испортилась!”)

Восприняты были и шальвары. По нашим наблюдениям, в сельской местности пожилые мужчины часто носят очень широкие в поясе шальвары, с широким же шагом (за счет внушительных вставок — клиньев), и значительно суживающимися книзу штанинами.

Их называют “хвах бугеб шалбар”. О том, что этот тип штанов широко вошел в быт дагестанца, проживаю-

щего в Турции, свидетельствует шуточная песня — обращение:

“Mağarda gılgemer,
Gılgıçleb tağyur!
Gınyal kuyduñ çlaħla,
Xvaħ gıçeb şalbır!”

“Ты, у кого в горах много овец,
но с папай безухой,
Ты, у кого в огаре большие бараны,
Но с шалбаром беззадым”

В Гюней — кое мужчины стали носить широкие в шаге, но короткие штаны — “пантол”, а в качестве исподнего — кальсоны (“ич доку”), сверху рубахи носили жакет “шаяк”. Очень быстро был воспринят кушак, который состоятельные люди повязывали поверх одежды; иногда роль кушака выполняла персидская шаль. На ногах мужчины носили самодельную обувь “чарык” и “йемени”, как у женщин. Как только представлялась возможность, мужчина приобретал сапоги из мягкой кожи “чизме”. Они напоминали горские “чакмаял”. И все же, повседневной обувью долгое время оставались чарыки с вязанными шерстяными носками. Папай также оставалась атрибутом мужской одежды дагестанца, но несколько мягкий климат в некоторых районах их расселения и общие тенденции развития моды привели к тому, что после 1925 г. популярность приобрела кепка (“каскает”) общеевропейского покроя и фабричного производства; также широко вошли в быт шляпы (“фэтер”), а у пожилых людей тубетейка с бубоном (“бере”). Постепенно, под влиянием соседних народов и влияния западноевропейской одежды, традиционный мужской костюм претерпел значительные изменения, а в последние десятилетия в основном был заменен одеждой фабричного производства общеевропейского покроя, исключение составляют пожилые люди, предпочитающие брюкам шалбары и с удовольствием носящие пиджаки.

Обрядовая одежда отличается обычно от повседневной более дорогой тканью и более нарядным цветом. В дагестанских селениях обрядовая одежда приобрела несколько

иной смысл. В повседневной жизни, через определенное время, дагестанки в Турции по разным причинам переняли многие элементы местной одежды, комплекс их одежды в значительной степени изменился в качественную сторону. Но в обрядовой жизни и на праздниках дагестанки возвращались к прошлому их предков, предпочитали в подобных случаях доставать из сундуков национальные хабалаи. Как вспоминают наши земляки, а особенно живущие рядом с черкесами, на свадьбы они ходили только в национальной дагестанской одежде. “Сейчас, — говорят они с ностальгией, — мы видим такую одежду только на сцене при выступлении фольклорных ансамблей”.

Невеста в настоящее время надевает европейское подвенечное платье, украшает голову диадемой с дуваком-тюлем, закрывающим лицо. При этом турчанке брат повязывает поверх платья вместо пояса красную ленту, которая называется “кардаш ушах” (перед выходом ее из дома). Следует отметить также, что предметы одежды могли нести на себе и обрядово-символическую нагрузку. Например, кто-либо со стороны жениха приносит свернутый головной платок из легкой вышитой ткани (“йемени”) и кладет его на колени мужчины со стороны девушки, а родственник девушки — вышитый по краям головной платок (“чевре”) и кладет его на колени представителя семьи жениха со словами: “Да благословит Аллах!”.

Специальная одежда — сюрнет чоджуклыгы — предназначалась для обряда обрезания ребенка. Она представляла собой длинную рубаху вроде халата из набивного ситца или другой ткани. В настоящее время для этих целей многие покупают в городе специальные брюки и пиджак (“панталон ве джакет”). Непременный атрибут этого обрядового комплекса — своеобразная корона (“тач”), которую надевали на ребенка, перед обрядом. Вместе с пышным, ставшим почти общественным, праздником, обрядовым оформлением важного в жизни каждого правоверного события, дагестанцами, живущими в Турции, была воспри-

нята и вся атрибутика этого обряда, в том числе и одежда.

В целом же следует отметить, что одежда оказалась наиболее мобильной из элементов материальной культуры, возможно на этом сказались всеобъемлющие процессы общегосударственного характера.

Здесь нельзя не учитывать контакты и взаимовлияния, а также на наш взгляд, и естественно-географические условия, и более чем достаточное производство предметов одежды, позволявшее постоянно вносить в нее новые элементы, воспринимаемые из-за их удобства и практичности.

Не следует забывать, что дагестанская диаспора, как и весь турецкий народ в целом, оказалась исторически втянута в процесс образования турецкой нации.¹⁸⁶

4. ПИЦА.

Среди материальных благ, которые составляют основу жизни, питание, как энергетический источник жизнедеятельности людей, занимает главное место.¹⁸⁷ В своей функциональной специфике система народного питания имеет прямую связь с природной средой, с хозяйственной деятельностью человека, направленной на потребление естественных средств жизни ради самой жизни. Выражается это в целом ряде знаний и навыков по добыче, производству, переработке и хранению продуктов, их рациональному применению в виде тех или иных блюд. В характере набора пищевых продуктов, способах их обработки, рецептах, типах блюд, трапезном этикете и ритуалах, несомненно отражается этническая и культурная история народа. Пища относится к тем стойким компонентам культуры, которые несут основную этническую нагрузку,¹⁸⁸ и в силу этого является одним из наиболее стойких компонентов материальной культуры.

Среди факторов, способствующих стабильности традиционной системы питания, определенную роль играет то

обстоятельство, что пища в меньшей степени связана с художественными вкусами, предпочтениями и другими динамичными факторами культуры, нежели, например, жилище или одежда. Устойчивость системы питания обусловлена и тем, что значительное место в ней занимают традиции, отражающие мировоззренческий характер (поверья и представления, связанные с приготовлением пищи, обрядовая пища, правила приема пищи и нормы семейного этикета и т. д.)

Система питания дагестанцев, проживающих в Турции, как и другие элементы материальной культуры, имеет немало особенностей, обусловленных хозяйственной деятельностью народа, экономическо-торговыми и этническими связями дагестанских семей, природно-географической средой. Однако, эти особенности иллюстрируют лишь локальные различия в пищевом режиме. В целом же прослеживается общая специфика с кулинарией соотечественников, довольно ярко характеризующая кулинарию дагестанской диаспоры в XIX-XX в. в Турции.

Многоотраслевое натуральное хозяйство дагестанской диаспоры поставляло набор продуктов, составляющих базу системы питания.

Самой большой была доля продуктов растительного происхождения. Среди них первое место принадлежало зерновым и зернобобовым.

Значительным стал с течением времени удельный вес ранее малораспространенных в Дагестане или вовсе неизвестных овощей, зелени, таких, как капуста ("ляхана"), картофель ("патата"), огурцы, помидоры, баклажаны ("патлыжан", "бадыржан"), перец, лук ("соган"), чеснок ("сармысак"), стручковый перец, петрушка, сельдерей и др.

Подспорьем в питании служили фрукты и бахчевые, особенно тыква ("кабак"), кабачки, дыня ("кавун").

Источником растительных масел стали подсолнух, рапс, конопля, ("кетен"), позже маслины ("зсйтин"), кун-

жут (“сусам”) и др.

Одно из основных мест принадлежало продуктам животного происхождения. Главнейшими среди них по традиции считались: мясо (“эт”) — баранье и говяжье, домашняя птица — куры, индюки, изредка мясо диких животных, а также животные жиры (особенно бараний нутряной), масло (сливочное и топленое).

Одну их характерных сторон системы питания составляли молоко и молочные продукты.

Постепенно подобающее место в рационе питания заняла и рыба, в прибрежных районах рыбные блюда стали важным компонентом меню.

Большинство из перечисленных продуктов питания предварительно подвергались обработке. Часть зерна перемальвали в муку или крупу (“булгур”). Традиционными средствами для помола были водяные мельницы вертикального боя (“су дегирмени”), на сезонных хуторах встречались иногда ветряные мельницы (“йел дегирмени”).

В 50-е годы в турецких селениях, в том числе и в заселенных дагестанцами, стали появляться мельницы, работающие на дизельном моторе. Долгое время продолжали бытовать ручные мельницы (“эльташи” — тюрк).¹⁸⁹ Изредка пользовались большими ступами. Качество муки различали по качеству помола; кукурузная мука чаще, чем пшеничная, бытовала грубого помола, в связи с тем, что в таком виде она лучше уваривается.

В сельской местности Центральной и Юго-Восточной Анатолии и в настоящее время большое значение имела заготовка продуктов питания впрок. Зерно хранили в предварительно заготовленной яме (“куйу”), обмазанной глиной и застланной соломой.¹⁹⁰ Муку хранили в ларях (“делап”), которые местные умельцы изготовляли по традиции, передавая соответствующие навыки из поколения в поколение, иногда в дощатых больших ящиках (“уннук”), изредка в корзинах, обмазанных с двух сторон глиной. Традиционно вяление мяса (“хохари” — с. Киреч-кой, “челда

гян” — с. Гюней-кой), чаще баранины, а также засолка и просушка курдюка и колбас (“иришки”).

Долгое время подобный способ заготовки мяса впрок оставался единственным. Позже, с усилением контактов между населением и ростом синхронной этнокультурной информации, способствовавшей интеграции культуры,¹⁹¹ методы разнообразились. Стали готовить “кавурму” — обжаренную на противне баранину, “пастырму” — вяленую солонину. Изменился и рецепт изготовления колбас — говяжьих кишки стали заполнять смешанным поровну бараньим и говяжьим фаршем, добавлять чеснок, тмин, соль, черный и красный перец, корицу. Сушили, как принято и в Дагестане, несколько дней в тени, а затем на солнце.

Длительное влияние турецкой кухни сказалось и на употреблении овощей: баклажаны, томаты, капусту и др. дагестанцы научились заготавливать впрок в виде солений (все соленья и маринады имеют общее название — “туршу”).¹⁹² Баклажаны, предварительно очистив изнутри и нанизав на веревку, сушили на зиму (“бакъвараб долма” — сушенная долма); морковь, свеклу сберегали в ящиках с песком; Лук, чеснок заплетали в косы и подвешивали к балкам. Типичным элементом интерьера кладовых стали и гирлянды сушеного красного перца, пучки петрушки, укропа, мяты. В полуфабрикат длительного хранения превращали и некоторые фрукты — сливы, яблоки, груши, предварительно удалив из них косточки. Яблоки и груши, нарезав на дольки, и нанизав на нитки сушили на солнце. Заготавливали дагестанцы-горцы также густой сироп из сока винограда (“пекмез”), ягод тутовника, арбуза, сок из свеклы. Пекмез под различными названиями широко известен народам Закавказья, Средней Азии и равнинным народам Дагестана, т. е. тем, кто издавна занимался виноградарством.¹⁹³

Особой обработки требовали молочные продукты, которые в наибольших количествах потреблялись весной и летом. В это же время производилась заготовка продуктов

из молока и на зиму. Процесс обработки молочных продуктов практически безотходный. На зиму заготавливается масло. Исследователи насчитали в турецких селениях пять способов изготовления масла, которые зависят от вида маслобойки.¹⁹⁴

Получение (пахтание) масла в глиняном кувшине (“ях”, “дад”, “шар” — среди дагестанцев, “дести йашык” — иранско-туркск.), исследователи считают одним из способов, известных туркам издревле. Пахтание, как и в Дагестане, было характерно и для хозяйства дагестанской диаспоры.

Оставшуюся после пахтания юрагу кладут в котел и выпаривают. Из полученной массы катают шарики и супат — получается сухой творог “кеш”; иногда юрагу процеживают через мешковину, кладут в бурдюк, предварительно посолив, и получают обезжиренный сыр — “чокелек”, который очень распространен у турок. Другой вид сыра — “пейнир”, делают из йогурта, кислого кипяченого молока. Сцеженную при изготовлении сыра сыворотку — “пейнир суйу” — выпаривают и полученную массу съедают, сыр же хранят или в бурдюках, или под гнетом в глиняных кувшинах. Долгое время по традиции дагестанцы продолжали заготавливать на зиму соленый творог из обраты (“нису”); на брынзу и пейнир целиком шло все овечьё и козье молоко.

Впоследствии широкое применение растительных масел увеличило заготовки традиционной брынзы и пейнира из йогурта.

Как и у всех народов с развитым земледелием, центральное место в традиционной системе питания турок принадлежит разнообразным видам пицци на мучной и крупяной основе.¹⁹⁵ Главным среди них является хлеб (“екмек”).

В традиционном быту населения Турции хлеб имел ряд разновидностей, характерных для многих земледельческих народов, и отражающих эволюцию системы питания в ходе исторического развития традиционно-бытовой культуры

народа. Наиболее древним видом в историко-этнографической литературе принято считать хлеб из пресного теста.¹⁹⁶ (“майасыз хамур”). Как правило, его пекут в виде больших тонких лепешек (“йуфка”) на противнях (“сач”). Лепешки, но из лучшей муки и смазанные после выпечки яйцом или маслом, называют “чореками”. В прошлом их пекли на раскаленных круглых камнях (“сач таши”). Исследователи считают, что в тех селениях, где предпочитают пресный хлеб, живут бывшие кочевники.¹⁹⁷

Лепешки из пресного теста находят аналогии у многих народов.¹⁹⁸ Более распространенным видом является хлеб из кислого (“майалы хамур”) теста. Наиболее популярным был хлеб из пшеничной муки, хотя в высокогорных и засушливых районах (особенно в Восточной Анатолии) в хлебопечении нередко использовалась ячменная мука.¹⁹⁹ Часто в сельской местности, особенно в Западной Анатолии и частично в высокогорной области Восточной Анатолии, использовалась мука из “махлюта” (смесь ржаной и пшенично муки, где примесь пшеничной колебалась от 20 до 75%) и “мелеза” (смесь из ржаной, пшеничной и ячменной муки, где 50% состава ячменная мука). В Восточно-Причерноморской части, где кукуруза была преобладающей зерновой культурой, наиболее популярным долгое время был хлеб из кислого кукурузного теста. Кукурузные лепешки, присыпанные конопляными семечками, называют “кьвац — кьвац”.

Каждая хозяйка умела готовить квашеное тесто. Закваской служил высушенный кусок теста (“хамур”), сохраненный с предыдущей выпечки. Часто закваску заготавливали впрок. Для этого делали опару из грубой кукурузной муки или отрубей, добавляли виноградные выжимки, тмин и хмель. Размешав, массу ставили, хорошо укутав, в теплое место и держали до брожения. Из получившегося теста раскатывали лепешки, которые затем высушивали. Лепешки долго хранились и в размоченном виде их куски использовались на закваску теста.²⁰⁰ В настоящее время для зак-

вашивания теста в домашних условиях используются сухие дрожжи (“пакмайя”).

Хлеб из кислого теста пекут в специальных печах (“тандыр-ах” или “фырни-ах”), которые имеются почти в каждом домохозяйстве. В прошлом несколько таких печей обслуживало все селение, а в крупных селениях каждый квартал имел свою печь. В квартальных печах хлеб выпекали на несколько дней, обычно на неделю. Исследователи отмечают, что в районах Юго-Восточной и Северо-Восточной Анатолии хлеб пекли каждый день, а в селениях Юго-Западной, Северо-Восточной и Восточной части — раз в несколько месяцев.²⁰¹ Выпеченный хлеб хранили таким образом, чтобы он высох, но не плесневел. Перед употреблением его смачивали водой.

Хлеб, испеченный из кислого теста в виде лепешек, называется “пидэ”, а в форме каравая — “сомун”.

Исследователи считают, что турки восприняли приготовление хлеба из кислого теста у местных малоазиатских народов, в первую очередь у греков.²⁰²

Для дагестанской диаспоры в Турции кислый и пресный хлеб, а также хлеб, испеченный в тандыре, не были в новинку. Подобные же традиции печения хлеба существовали и у них на Родине — в Дагестане.²⁰³

В с. Уч-тепе, Орта-тепе, Киреч-кой хлеб называют “панкз” (как и в некоторых аварских селениях). Многие виды печеных изделий из муки так же не являлись новшеством или объектом заимствования для народов Дагестана. Среди них стоит упомянуть лепешки из сдобного теста (“гозлеме”), пирожки и пироги (“борек”) с различной начинкой, напоминающие по особенностям изготовления чуду из дагестанской кулинарии. К излюбленным кушаньям относятся пироги с сыром и с тыквой. Большое распространение в турецкой среде имеет известная нам пицца (“пизза”), возможно заимствованная у итальянцев. Готовят ее в Турции очень просто: лепешки из дрожжевого теста буквально смазывают фаршем, перемешанным с тертыми по-

мидорами и луком, сверху кладут зеленый стручковый перец, зелень, иногда посыпают тертым сыром или заливают слегка взбитым яйцом (здесь ни сыр, ни яйцо не являются обязательным ингредиентом). Турецкая пицца напоминает дагестанское “открытое” чудо, запеченное в духовке.

В основе приготовления всех разновидностей пирогов лежит тонко раскатанное тесто. Форма его может быть самой различной: в виде сегмента, круга или рулета. Сохранились в кухне диаспоры и привычные для горской кухни (особенно аварской) тонкие чуду “цпураб чед” — авар., чугту — дарг., лакск. — названия сохранились; “несра чед” — с начинкой из соленого обезжиренного творога; чуду сегментом — “пурашаби”. Очень популярны среди дагестанской диаспоры тончайшие блины, они здесь так и называются, как в Аварии — хухан чадал. В последние годы стали готовить блинчики с различной (овощной, мясной и др.) начинкой. Об определенной эволюции кухни дагестанской диаспоры под влиянием турецкой и курдской, свидетельствует распространение хлеба из соленого теста, выпеченного в горячей золе (“камме”), высушенных лапши (“эриште”) и макарон (“макарна”) и др.

Жители Центральной Анатолии (Турецкий Курдистан) лапшу готовили и впрок. Для этого месили тесто, хорошо сбивали его, резали на кусочки и из них делали лепешки. Затем, тонко раскатав лепешки, резали их на длинные полосы, которые сушили на веревках на солнце. Под веревки подстелили холст, чтобы высушенная лапша падала не на голую землю. Высушенную лапшу ссыпали на противень или сковородку и поджаривали, благодаря чему она приобретала своеобразный привкус. Запасы такой лапши хранили в шерстяных мешках. При необходимости ее отваривали в подсоленной воде, откидывали на друшлаг иправляли маслом. Технология изготовления лапши и блюд из нее навсерьезка заимствована у курдов.²⁰⁴ В настоящее время лапшу впрок не готовят, т. к. в этом отпала необхо-

димось.

Отличительной чертой кухни дагестанской диаспоры является повсеместное распространение различных видов хинкала.

“ЧахIа хинкаIал” (“буок хинкаIал”) — крупный хинкал из теста на соде, такого же размера, как и у некоторых народов аварской группы в Западном Дагестане; кстати, здешние аварцы говорят, что они переняли такой хинкал у дидайцев.

Хула хинкаIал (“хильду хинкал”) — такой же, но меньших размеров, нарезанный ромбиками. Тесто замешивают на кислом молоке или на сыворотке.

“ГIисин хинкаIал (“кичик хинкал” — “мелкий хинкал”), или кумыкский хинкал-мелконарезанный тонкий хинкал из пресного теста.

“Гьаккура” или “хьильдун” хинкаIал — хинкал, известный в Дагестане как лакский. В прошлом хинкал старались подать обязательно с сушеным мясом, колбасой, или с куском вареного курдюка. Иногда гьаккура хинкал приправляли кусочками жареного курдюка. В настоящее время его повсеместно подают с отваренной свежей бараниной.

Кроме этих видов готовят и сдобный хинкал — “цахIту хинкал”: (тесто замешивают на яйцах, тонко раскатывают, нарезают треугольниками, поджаривают на масле, а затем засыпают сахаром или сахарной пудрой.

В турецкой национальной кухне такого блюда, как хинкал нет. Однако, по словам информаторов, в соседних с дагестанскими турецких и курдских селениях в некоторых семьях хинкал, особенно кукурузный, готовят. Как говорят в с. Уч-тепе: “Особенно хинкал туркам нравится, когда их им угощают”.

В сельской местности одним из основных видов пищи турецкого населения, в том числе и диаспоры, являются также “бульгур” — сваренная, высушенная и затем дробленая пшеница, и “довме” — пшеница крупного помола.

Из них делают каши (“булгур”, “булгур пилавы”) и различные похлебки (“булгур чорбасы”). Время заготовки булгура считается самым веселым. Женщины заготавливают его осенью, сразу после уборки урожая. В прошлом на период заготовки булгура несколько хозяек объединялись для взаимной помощи. В настоящее время взаимопомощь организовывается только при дроблении. Собравшиеся девушки поют специальные народные песни — “тюркю”. Каждого вошедшего в дом они осыпают булгуром и приветствуют, в ответ пришедший должен одарить их деньгами. По окончании работы хозяева дома преподносят девушкам подарки, после чего начинается веселье, не прекращающееся до утра. Исследователи склонны считать заготовку булгура в Турции своеобразным праздником земледелия и уборки урожая.²⁰⁵

Так же широко, как булгур, в турецких селениях распространена “тархана”. Это разваренная в кислом молоке и доведенная до густоты масса из пшеничной крупы, скатанная затем в шарики и высушенная. Тархану делают также из муки и простокваши. В готовом виде ее хранят в больших глиняных сосудах. Из тарханы варят суп (горхана чорбасы). Похлебки и каши из булгура и тарханы — основная зимняя пища малообеспеченных слоев в сельской местности.²⁰⁶ Блюда из дробленой пшеницы широко распространены также у народов Передней Азии, болгар, курдов.²⁰⁷

Из мучных полуфабрикатов, заготовленных впрок, у дагестанской диаспоры традиционно определенное место занимала (эпизодически занимает и сейчас) мука из жареного ячменя — гIех (которую у нас принято условно называть “толокном”, и известная в Дагестане еще с эпохи распространения каменных зернотерок²⁰⁸. Нечто подобное из жареной пшеницы (“арекаланди”) в качестве приправы к кашам, а также для изготовления сладостей, заготавливали впрок и турецкие курды²⁰⁹. Готовят дагестанцы и кашу из солода (самани) с маслом, но у курдов они переняли ре-

цепт этого блюда с добавлением козьего мяса.

Не последнее место в пищевом рационе дагестанской диаспоры занимает в последнее время плов из риса ("пиренч пилав"), особенно в провинции Кахраман Мараш, где рис является одной из основных сельскохозяйственных культур. Наиболее популярен "бухъара пилав" (узбекский) — острое блюдо с морковью и большим количеством красного перца.

Готовят плов и со сладкими приправами — урюком, изюмом, черносливом, зернами граната, поджаренными ломтиками айвы. Подается к столу с подливой из вареного бобового растения "бамия", плов с подливой из чечевицы или фасоли, с поджаренным арахисом. Разнообразит рацион и плов с овощными подливами: из протертых помидоров, стручкового жареного перца, баклажанов.

Существует несколько способов приготовления плова, среди них можно выделить два основных. Первый, когда рис кладут в слегка подсоленную кипящую воду, варят до готовности, сливают воду, а к процеженному рису добавляют разогретое на сковороде масло (обычно сливочное или оливковое). Второй способ — это когда рис кладут в холодную воду и варят с маслом и луком.

Так же, как и плов, варят и булгур, блюдо называют булгур-пилав. К плову, каким бы способом его не готовили, отдельно готовят подливу с мясом или курицей.

На видное место по потребляемости в настоящее время вышли разнообразные блюда из овощей. "Овощи, — пишет П. М. Жуковский, — сыграли основную роль в славе турецкой кухни".²¹⁰ Культуру возделывания овощей и приготовления из них различных блюд турки восприняли у местных малоазиатских народов, издавна занимавшихся овощеводством. Среди турецких названий овощей и фруктов, кулинарных изделий и блюд из них, как отмечают исследователи, встречается немало заимствований из иранских языков. Это позволяет предполагать, что на знакомство со многими овощами и фруктами предков нынешних

турок сказалось влияние не только населения Восточного Средиземноморья, но также и иранских народов, носителей древней земледельческой культуры.

Собственно, и дагестанцы, прибывшие в Турцию в середине прошлого века, начинали знакомиться с овощными культурами вместе с оседавшими кочевниками-скотоводами, особенно в Юго-Западной Анатолии. Только в начале XX в. турки начали употреблять картофель ("пататес"), который еще в 70-е годы не везде еще получил признание (употреблялся только в вареном виде). В Центральной и Восточной Анатолии еще в 40-е годы XX в. в некоторых селениях его еще не знали.²¹¹ Но в настоящее время овощные культуры и блюда из них заняли достойное место на столах жителей Турции, в том числе и дагестанцев, живущих там.

Овощные блюда, пожалуй, самые доступные для всех слоев населения, независимо от их материального положения. В последние десятилетия у жителей сельских районов есть возможность при желании приобретать овощи и фрукты круглый год. Как мы уже отмечали, практически ни одно мясное, часто и мучное, блюдо не обходится без овощных добавок. Нередки и чисто овощные блюда. Самые популярные из них готовят из баклажан. Некоторые из блюд имеют даже комические названия, например, "имам байды" (букв. "сда, заставившая задрать вверх живот"). На среднего размера молодых баклажанах делают надрезы, в них закладывают сельдерей ("майдоуз") и тушат на медленном огне в оливковом масле, предварительно добавив сахар и соль.

Блюдо "карнирык" ("лопнувший живот") готовят так: баклажаны надрезают, слегка поджаривают, слегка поджаривают также мясной фарш, лук, стручковый перец и помидоры, начиняют готовой смесью баклажаны и закладывают в духовку. Для поджарки используют любое растительное масло.

Распространены также различные соусы из баклажа-

нов — вкус блюда зависит от пропорции ингредиентов: (помидоры, лук, перец, масла) и способов нарезки баклажанов (дольками, кружочками, кубиками).

Несмотря на то, что картофель, как уже отмечалось, в турецкой кухне продукт относительно молодой, его активно используют для приготовления различных блюд: жарят (“пататос”, “казыртма”), фаршируют овощами (“пишимин пататес”), готовят пюре, заливаемое овощным соусом и др.

В дагестанских селениях часто готовят блюда из зеленой фасоли “багларгьоло” (авар.) Стручковую фасоль тушат в оливковом масле, из вареной фасоли с добавлением тушеных овощей, делают салаты. Готовят различные блюда и из тыквы — тыква жареная “анджи хьабахь”; вареная с добавлением масла — “татлык хьабахь” и др.

Следует отметить, что все овощные блюда готовятся на растительном масле (подсолнечном, соевом, рапсовом, кукурузном, лучшим считается оливковое). Жители дагестанских селений, считают, что растительное масло вошло в обиход с интенсивным использованием в рационе овощных блюд. Традиционно же дагестанцы заготавливали впрок главным образом топленое масло, притопленный нутряной бараний жир, курдюк. Этими жирами нередко смазывали чуду, блины, тонкие ритуальные лепешки и др.

В настоящее время топленое масло почти не используют, вообще вышел из употребления нутряной и курдючный жир. В сельской местности в лечебных целях иногда используют козий нутряной жир.

В ряде районов Турнии сельские жители употребляли в пищу дикорастущие травы, собирая их главным образом весной: лебеду (“каз айазы”), испанский артишок или кард (“кенгар”), майоран (“йарпуз”), щавель, крапиву и др. Дагестанцы также собирали крапиву. В отличие от турок, которые употребляли эти травы в сыром, жареном и вареном виде, наши соотечественники здесь как и на своей родине начиняли ими пироги, готовили “халта-курзе”. В сель-

ской местности и сейчас различные “халта-курзе”, “халта пурщина”, особенно в весеннее время, имеют большое распространение. Из дикорастущих съедобных трав готовят также и блюдо “семез-оту”. Любую съедобную траву жарят с луком, свежими помидорами или томатом в растительном масле. Иногда добавляют и яйцо.

Дагестанцы живущие в Турецком Курдистане, отдают предпочтение овечьему молоку. Сырое молоко в пищу не употреблялось, кипяченое овечье молоко пили вперемешку с коровьим. В Центральной Анатолии популярностью пользовалось козье молоко, но сейчас козьих стад почти не осталось, население потребляет коровье молоко. В весеннем рационе питания значительное место занимают молочные супы (“сютлу чорбасы”) и разного рода каши. Их готовят и готовили из булгура, риса; в Восточно-Причерноморской зоне часто готовят кукурузную кашу — мамалыгу, которую едят, заправив молоком. Среди дагестанской диаспоры в прошлом была популярна каша из пшеничной муки (“карп”), которую ели, заправив урбечом. В настоящее время ее готовят редко. Урбеч в последние годы делают лишь в нескольких местах, а частности, на рынках в Сивас, Токат. К.Маращ урбеч привозят только из с. Уч-тепе, с расчетом на покупателей из дагестанской диаспоры. Среди турецкого населения урбеч не популярен, они его не знали.

Молочные супы готовят с добавлением лапши, других макаронных изделий, риса. В с. Уч-тепе помнят рецепты приготовления молочного супа с добавлением молодой крапивы и жаренного нутряного жира, хотя это блюдо давно уже никто не готовит.

Из известных в Дагестане молочных супов, готовят суп с добавлением мелко нарезанной тыквы, а также суп с чечевицей. В последние годы повсеместно получили распространение овсяные хлопья, залитые горячим молоком, подают их обычно на завтрак. Более всего из молочных продуктов население предпочитает кислое молоко (“йогурт”)

и варенца (“маст”) — универсальная еда всех слоев населения.

Варенец — маст пользуется особой популярностью турок и дагестанцев Турецкого Курдистана.

Большое место в питании населения Турции и дагестанской диаспоры занимала мясная пища. Как и на родине, для здешних дагестанцев характерно предпочтительное потребление бараньего мяса, а в Сивасе (в с. Фындыжак) и козьего.

В прошлом на мясо резали преимущественно старый и выбракованный скот. Откормленное и предназначенное для убойное животное называют “этлит”. Самым распространенным мясным блюдом является кебаб.

В прошлом имел распространение “куйу кебабы”: баранью тушу заворачивали в шкуру, клали в предварительно разогретую яму, и прикрыв сверху, разводили огонь. Это один из древних способов приготовления мяса у кочевников.

В Центральной Анатолии готовили “тандыр кебабы”: освежеванного барашка жарили, подвесив в раскаленном тандыре. Целого барашка, нашпигованного овощами и специями к празднику на вертеле жаривают и сейчас; это “чевирме кебабы”. Чаще других готовят “шишкебаб”, жаренная на шампурах баранина подается на тонких лавашах вместе с уложенными в определенном порядке печеными ломтиками баклажана, помидора, сладкого болгарского и горького стручкового перца. В К. Мараше подают и запеченный чеснок. Все это сверху заливается острым соусом из томата и лука. В Токате блюдо называют шишкебаб “по-токатски”, в Сивасе — “шишкебаб по-сивасски” и т. д. Различия здесь только в том, как его подают и как едят: на общем блюде или порциями; при помощи вилки или кусочка лаваша, используя его как ложку.

Различные блюда готовят из разных частей туши. Блюдо “фирзула” готовят из ребер (преимущественно бараньих). Ребра разбивают на одинаковые кусочки, их отбива-

ют и жарят. Подают на блюде, предварительно залив овощным соусом (мелконарезанные овощи, поджаренные в бараньем жире). “Казыртму” готовят из мелконарубленных костей с мясом — это жаркое, которое подают с овощным рагу “йахни”. Из крупных кусков баранины готовят “кавурму” — мясо обжаривают на противне, добавив пряности. Из мелконарубленной мякоти с жиром готовят широко распространенную среди персов, арабов, армян, азербайджанцев и других народов Передней Азии и Закавказья, а в последние десятилетия и у нас в Дагестане, “долму”.

В дагестанских с.с. Киречкой и Орта-тепе в прошлом куски баранины варили в кислом молоке, разбавленном водой, получалось оно очень нежным. Блюдо называлось “бурбель”, по мнению населения оно заимствовано у курдов. В сел. Гюнейкой распространено блюдо “олгурпма”: баклажаны нарезанные крупными долями, куски мяса и специи укладываются слоями, заливаются жиром и тушатся на огне.

В осенний сезон, когда идет убой скота, в сельской местности часто готовят “мумбар”: это — кишки, начиненные печенью и рисом. В с.с. Киречкой и Орта-тепе в последнее время перестали готовить распространенное некогда “сариси” — блюдо из особым способом связанной бараньей тибухи и листов нутряного жира.

Несмотря на обилие мясных блюд, самым любимым и распространенным из них для дагестанцев в сельской местности остается отваренное мясо с хорошим аварским хипкалом.

Особо следует сказать о супах “шурпа”. Информаторы отмечают, что повсеместное включение в суточный рацион супов заимствовано.

В Гексуне черкесов называют не иначе, как “карш ква-палел” — едящие суп. У турок супы также получили большое распространение (“бургюл чорбасы” — фасолевый суп; “бурчак чорбасы” — чечевичный суп; “пататос белкыала” — картофельный суп; суп из булгура, суп с ри-

сом — и т. д.) Обычным является это блюдо (в нескольких его разновидностях) и для дагестанской диаспоры.

Из напитков среди сельского населения наиболее распространены “айран” (разбавленный водой йогурт) или кислое молоко.

Другой из любимых напитков — это кофе (“кахфе”).²¹² В день по 5-6 раз пьют и чай, и после еды и до еды. Куда бы человек не зашел — долгом вежливости считается предложить ему родниковой воды (“конак су”), чай или кофе.

Имеет распространение также и сладкий напиток шербет. В свое время этот напиток считался привилегией городских жителей, а в настоящее время получил повсеместное распространение.²¹³ Национальная турецкая кухня славится во всем мире своими сладостями (“татлы”). В “арсенале” любой хозяйки их великое множество; это разнообразие связано еще и с тем, что в стране имеется возможность использовать ингредиенты, с которыми многие и не знакомы. Восхищает аппетитный вид всех этих сладостей, которые, как правило, прекрасно оформлены. Представим несколько рецептов татлы. Хурма-татлы. Ингредиенты: 3 яйца, один стакан соевого или оливкового масла, 1 стакан йогурта, 0,5 ложки погашенной соды, стакан сахара, орехи.

Все это, кроме масла, перемешивают, и добавив муку, замешивают тесто до консистенции “мочки уха”. Полученное тесто делят на равные кусочки, которые раскатывают тонкими лепешками. Их смазывают топленным маслом, засыпают орехами, сворачивают рулетом, слегка разминают и, уложив на противень, нарезают на куски, а затем, залив соевым или оливковым маслом, запекают в духовке. Когда печенье остывает, его заливают горячим сиропом (стакан воды на 200 г. сахара). Так же готовят “бурма татлы”, только вместо орехов их засыпают фисташками и сладости получаются зеленого цвета.

Распространенными печеными изделиями являются различные кексы (“кек”) (с изюмом, орехами, арахисом или

жареным миндалем), маленькие ватрушки (“поча”) с различными сладкими начинками, бисквитный рулет (“паста”)²¹⁴ с целыми орехами и начинкой из шоколадного крема — и др. Большинство перечисленных блюд не являются повседневными. Особенно это касается блюд мясных.

В материально обеспеченных семьях едят, как правило, три, а порой и четыре раза в день. В бедных семьях чаще всего едят два раза, утром и вечером, после вечерней молитвы. В таких семьях обычно самое вкусное подается к столу к ужину. Обеденный стол в европейском смысле в сельской местности во многих семьях отсутствует. Его заменяет большой поднос (“йемек тепсиси”), который ставят на большую скатерть или на кусок хлопчатобумажной ткани разостланной на полу. Вокруг подноса садятся так, чтобы края ткани или скатерти прикрывали колени сидящего. В отдельных семьях, тесно связанных с городом, при гостях едят за столом. В некоторых домах гостям еду подают на маленьких низких столиках, их подносят индивидуально к сидящему на диване или в кресле. По словам информаторов, раньше еду подавали в общем блюде “сахан” или миске “чорба тасы”, из которых вся семья черпала деревянными ложками. Бывало, что и ложку одну по кругу пускали. Такие блюда как плов, каши и т. п. и сейчас иногда едят пользуясь как ложкой, куском чурска.

Обедать вся семья садилась вместе за один поднос, если нет в доме посторонних. Если же в доме гость, мужчины и женщины едят раздельно, т. е. соблюдается привычный для народов Дагестана порядок.²¹⁵

Как отмечают информаторы, турки большие гурманы — ценители и знатоки пицци. Про них дагестанцы говорят, что у них зубы острые для того, чтобы кушать, открытые для того, чтобы смеяться (“кваназе регерал — релъизе рагьарал”). Про дагестанцев же турки говорят, что у них зубы лишь для того, чтобы есть и не умереть (“хвелародаха кваназе”).

Пицца вошла как один из компонентов в обычаи и об-

ряды семейного и календарного циклов. Обрядовая пища постепенно стала частью обычая, некоторые блюда использовались (и сейчас по традиции используются) как объект религиозно-магических действий.

В дагестанских селениях на все праздники обязательно готовят пловы, сладости, тонкие чуду и халву “бахухь”.

На праздники, особенно на Курбан-байрам, здесь готовят “натлухI” сладкое блюдо из смеси коноплянных, тыквенных семян, абрикосовых косточек и грецких орехов, скрепленных медом или сахарным сиропом (“габани хьон натлухI”).

Спортивные игры, приуроченные к началу “свадебной недели” и обряд купания жениха перед первой брачной ночью заканчиваются совместным угощением мясом или кавурма.

Бездетная женщина отправляющаяся на поклонение могилам святых, берет с собой плов из булгура, сваренный на бульоне из мяса ягненка или козленка, блюдо “хедик”, представляющее собой хорошо сваренную и процеженную смесь из дробленой пшеницы и гороха а также лепешки, смазанные маслом. Еда поедается после определенной церемонии у мазара, а оставшаяся ее часть раздается по возвращении родственникам и соседям, как имеющая целебные свойства.

В день рождения мальчика его родители угощают сельских детей халвой и лепешками. В течении двух дней после рождения ребенка этим же угощают и гостей.

При появлении у ребенка первого зуба варят в котле пшеницу с орехами и раздают соседям. Существует представление, что зубы ребенка будут так же крепки, как зерна пшеницы. Магические свойства приписываются чуреку: при обряде “разрезания пут” на ногах ребенка, над его головой разламывается хлеб. Лечебные свойства приписываются сладкой жидкой каше из муки, которую приносит мальчику жена того, кто сделал ему обрезание.

Особый смысл приобретает любая пища, предлагаемая

при определенных мероприятиях. Например, сладкий кофе, который пьют довольно часто, служит угощением для сельского ходжи (муллы) при наречении имени ребенку.

Калачи разных размеров, украшенные запеченными в них яйцами, служат наградой для победителя в соревнованиях на празднике Первой борозды; самый большой калач получает победитель-многоборец. Победителя в борьбе награждают седлом баранка,

В прошлом здесь были известны и такие специальные блюда, как обрядовые деревья (“гъветI” — авар). На подносе с халвой закрепляли пышную сосновую ветку с подвешенными к ней фруктами. Это “дерево” целая процессия несла в дом друга жениха вместе с подарками для него, которые присылала будущая теща. Молодежь старалась сорвать эти фрукты, участники процессии охраняли дерево, т. к. за каждый похищенный фрукт выплачивался штраф. Этот обряд в последние 70-80 лет не исполняется.²¹⁶

Жертвенные раздачи (“садака”) по определенным дням весьма характерны для быта турецкого селения. Последняя среда месяца Рамазан в с. Уч-тепе, считается “Днем Ашурь” (Гланурал кьо), т. е. “днем несчастий”. К нему приурочивается раздача в селении вареного зерна. Особо следует отметить роль халвы в обрядовых и праздничных комплексах. В Турции готовят множество разновидностей халвы (и сосную, и ореховую, и фиштанговую, и миндальную и др.), но именно привычная нам халва — “бахухь” фигурирует в обрядах дагестанской диаспоры. Ни одно праздничное, обрядовое или общественное мероприятие не обходится без него. Ее готовят к свадьбе, к поминкам, в теплом виде подают прибывшему издалека гостю. Весной семьи совершают так называемый “гене-садакья” — раздают соседям, односельчанам кусочки халвы.

В целом, после краткого обзора системы питания дагестанцев, живущих в Турции, можно отметить, что местная кулинария претерпела значительные изменения.

В условиях современной эволюции образа жизни всех

народов, населяющих Турцию, в том числе и дагестанской диаспоры, изменения в пище характеризуются постепенной стабилизацией системы питания, повсеместным увеличением количества потребляемой пищи, изменением ее качества, повышением калорийности. Если у дагестанцев на родине новое в пище превалирует над традиционным, то в Турции несколько иная картина. Процесс взаимовлияния национальной кухни многочисленных народов страны, благоприятные природно-климатические условия, дающие видовое изобилие злаков, фруктов и овощей, способствовали серьезному изменению ассортимента и состава традиционных блюд и системы питания в целом. Традиционные блюда дагестанской диаспоры хинкал, чуду, некоторые каши, (в том числе и солодовая с урбечем, натлухл, халва и др.) продолжают, тем не менее бытовать и даже заимствуются соседями. Иначе говоря, несмотря на значительные изменения, основа питания в сельской местности остается для дагестанской диаспоры традиционной, хотя в значительной степени и обогащенной: нельзя забывать, что турецкая кухня считается одной из лучших в мире.

Сыграл свою роль и “дух сопротивления” новым влияниям, характерный для народов, вынужденных жить в совершенно новых условиях, в иноэтническом окружении.

Как мы уже отмечали, с процессом питания связан ряд других ее компонентов. Это, в частности, относится к используемой на кухне посуде, к утвари для приготовления и приема пищи.

В прошлом ни у турок, ни у дагестанцев не было специального помещения для приготовления пищи. Кухни (“мутфаки”) появились, по словам информаторов, лет 50 назад, и то только в богатых домах. В настоящее время, в каждой семье, даже самой бедной, есть отдельное помещение для приготовления пищи. Долгое время в таких помещениях использовались специальные очаги под навесом, в помещении строили также и тандыры. Переселенцы с тех мест, где были распространены “тавхары” (“тавханы”),

т. е. известные в горах Дагестана каминьы, стали использовать их для приготовления пищи и обогрева комнат. Основным топливом служил кизяк (“тезек”), в лесистых местах, в частности в сел. Гюней-кой — хворост. В богатых домах с несколькими комнатами, а также в теплых районах страны для обогрева использовали — мангалы.²¹⁷

Турки, как и дагестанцы относятся и относились к очагу с почитанием, избегают осквернить его. Как пишет В. А. Гордлевский, семанцы остерегаются брызгать воду на огонь; огонь, пылающий в очаге — символ счастья семьи, и когда он гаснет, это как бы указывает на развал семьи”.²¹⁸

В настоящее время в сельской местности, как и в городах, чаще всего пользуются электрическими и газовыми печами с духовками.

Среди всех элементов материальной культуры кухонная утварь является, на наш взгляд, самой изменчивой. Это отчасти объясняется относительной недолговечностью утвари в быту (особенно глиняной, плетеной, стеклянной и др.)

В прошлом, до 70-х гг. XX в., наиболее распространенной была деревянная, медная, глиняная, а также изготовленная из пикур мелкого рогатого скота утварь. В зависимости от хозяйственной деятельности и социальных условий жизни общества преобладала та или иная из них.

Из специально обработанных пикур изготавливали емкости для хранения кислого молока, воды, масла, сыра, известные у нас как бурдоки.

И раньше, и сейчас используется деревянная утварь: орнаментированные ложки “катык” с длинной ручкой, используемые для размешивания кислого молока с водой; половники для разлива жидкой пищи, ступы для дробления пшеницы; низенькие круглые и прямоугольные столики для разделки и замешивания теста; скалки нескольких разновидностей (короткая “герело” — для чуду), маленькие и большие емкости для специй, чая, кофе и т. д.

Общераспространенными для народов, населяющих Турцию, являются медные, круглые котлы (“юварлак бешрош”), которыми пользовались и в Дагестане,²¹⁹ род сковороды в виде выпуклого железного листа для печений (“садж”), медные кувшины для омовения.

Питьевую воду из родника девушки и молодые женщины носили в специальных медных и глиняных кувшинах. О том, что дагестанская диаспора пользовалась такой же утварью, свидетельствует и данный фольклор: “Румазул гулгунган габур халатай, гендорил хьабаган бетер кудияй” (Как у римского кувшина, длинная шея, как греческий хум, голова большая); “Бурун лъадал цураб чинидул геретI, чан кьуруда кIатIун бекун батила”. (Переполненный водой глиняный (фарфоровый) кувшин, о скалу ударившись, возможно, разбился”) — и др.

В каждом доме в Турции, в том числе и в дагестанском, и в прошлом, и в настоящее время можно увидеть металлические подносы (“тепси”) разных размеров. Подносы обычно красиво орнаментированы и используются в быту по-разному: на одних женщины подают к столу мясо, плов, хинкал, на других — чай, кофе, на третьих — фрукты и т. д.

В настоящее время в быту сельского населения сохранилось много традиционной кухонной утвари, хотя возможности приобретения современной фабричной, и, достаточно практичной посуды и утвари самые широкие.

Турецкие ремесленники большие мастера по производству металлической посуды: чайников, кофеварок “турку”, подносов и др. В связи с тем, что в Турции одним из самых распространенных напитков является кофе, почти в каждом доме можно встретить специальный кофейный набор, состоящий из медной ручной кофейной мельницы (“кахве дегирмени”), небольшого медного кофейника (“джезве”), медного же круглого подноса (“кахве тепсиси”), на котором гостям подают кофе в маленьких фарфоровых чашках с подчашечниками (“финджан”).

В целом, рассматривая утварь в качестве этнографической особенности, можно выделить как свойственное традиционной культуре турецкого народа вообще, так и некоторые локальные особенности, присущие только дагестанскому населению. Следует отметить, что повсеместного, всеобщего гораздо больше. В дагестанских селениях в настоящее время используют в хозяйстве главным образом фабричную покупную утварь, персидскую, арабскую и турецкую посуду, известную своим изяществом и декоративностью.²²⁰

Правда, в силу дороговизны, многие из них используются в домах зажиточных людей, преимущественно с декоративными целями.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

ПРИЛОЖЕНИЕ

Города и населенные пункты Турции, где совместно с коренными жителями проживают дагестанские мухаджиры (по данным на 31 августа 1996 г.)

Область (вилает)	Район (хаза)	Селения (койлер)	Кол-во хозяйств	Национальный состав
1	2	3	4	5
1. Адана	1) Искендерун (Османия)	1) Топрак-кале	5	Аварцы. Остальные — турки
2. Ардаган	2) Чилдыр	2) Дирсекая	15	Аварцы, лакцы, лезгины. (Переехали из Еникилиса)
3. Балыкесир. В этом городе создано землячество "Дагестан". Актив — лезгины.	3) Маньяс	3) Чамлык (Кюрафа) 4) Сейидлер 5) Яйла 6) Тепеджик (Дюнбе) 7) Ортажа (Кирне)	500	Лезгины, лакцы, кумыки. Из селения Сейидлер не призывали в армию, т.к. жителей этого селения считали выходцами из корейшитов.
4. Бурса. В самом городе проживает до 65 хозяйств дагестанцев. Основное занятие — госслужба. Открыто общество "Дагестан". Актив — аварцы.			65	Аварцы, даргинцы.

1	2	3	4	5
	4) Инегель. В этом городе-райцентре проживает до 60 хозяйств аварцев. Силами строительного кооператива мухаджиров-аварцев строятся многоэтажные здания для аварцев-беженцев из Муша (из-за террористических действий курдов).	8) Алап-юрт.	70	В 1966 г., после землетрясения из Мушского вилаета переехало 15 хозяйств. Ожидается приезд еще 55 хозяйств аварцев, для которых уже построены дома. Аварцы переедут из Мушской области, где курдские сепаратисты из организации "Пэ-Ка-Ка" развернули террористическую деятельность по "этнической чистке" этого региона.
	Недалеко от г.Бурса. входит административно в состав Бурсы.	9) Армут-кой.	5	Аварцы, даргинцы. остальные — турки. Это селение было выбрано для своего проживания эмигрировавшим в Турцию после почетного плена найбом Шамиля в Черкессии Мухамадамином ("Асиялав") из сел.Гонода. Из этого селения дагестанцы переехали в разные города, в связи с урбанизацией, охватившей Турцию в 60-90-х гг.

1	2	3	4	5
5. Карс. В самом городе — 20 хозяйств.	Административно входит в состав Бурсы.	10) Мисикой	25	Лезгины.
	5) Кемал-паша	11) Кошу-багазе	300	Кумыки. Полностью ассимилированы, не знают ни языка, ни названий сёл, откуда их предки.
	6) Гемлик	12) Умурбей	20	Аварцы, даргинцы.
	7) Орхан-Гази	13) Еникой	10	Аварцы, даргинцы, кумыки.
6. Кахраман-Мараш (Мараш). В самом городе — 50 хозяйств дагестанцев. В основном	8) Сарыкамыш.	14) Исламсор	5	Одно из первых селений аварцев-мухаджиров в Восточной Турции. В связи с урбанизацией, там осталось 5 семей. Остальные — курды, казылбаши, турки. Аварцами было основано в 1870-х гг.
	Административно входят в г. Карс.	15) Ени-килиса 16) Ени Газилер 17) Хамамлы	2 10 5	В этих трех селениях проживают лакцы, остальные — курды, турки, кызылбаши.
	9) Гёкеун. В самом райцентре также проживают около 50 хозяйств авар	18) Орта-тепе 19) Кирадж (Киречкой)	100	Оба селения чисто аварские. Даже дети говорят на аварском языке. Аварские мухаджеры были поселены в эти селения турецким пра

1	2	3	4	5
аварцы.	цев, даргинцев.			вительством после армянского погрома 1915 г.
7. Муш.	Административно эти 4 селения входят в г. Муш.	20) Тепе-кой (Зораба)	2	В этих четырех селениях совместно жили аварцы, чеченцы, черкесы. В связи с урбанизацией и курдским терроризмом ("Пе-Ка-Ка") большинство переехало в Инегель, Бурса-вилает.
		21) Каялкой (Зиринг)	5	
22) Багичи (Чалбухур)	4			
23) Айнан	2			
8. Измир. В самом городе проживает до 50 хозяйств лезгин, аварцев, кумыков, лакцев.	10) Варго.	24) Акпынар (Ахпар)	1	Осталась 1 семья чиркеевцев. Остальные — курды, турки. Аварцы. Остальные — турки, курды. Всего 350 хозяйств. Глава администрации и сельский мулла — аварцы.
		25) Ягджилар (Аврап). В селе действует вооруженный отряд самообороны от курдских сепаратистов. Глава отряда — аварец.	45	
	11) Бергама. В самом райцентре — до 20 хозяйств лезгин.	26) Дагестан (Меджидие).	100	Лезгины. Мононациональное селение. Большинство — выходцы из Ахтынского района.

1	2	3	4	5
9. Самсун. В самом городе — лакцы, аварцы. 10 хозяйств.				
10. Анкара. В самом городе — до 200 хозяйств аварцев, даргинцев, лакцев, лезгин, кумыков. В городе открыто общество "Дагестан". Актив общества — аварцы.	Административно входит в состав Анкары.	27) Лезги-кой.	25	Никакого дагестанского языка не знают.
11. Денизли.	Административно входят в состав г. Денизли.	28) Ак-кой 29) Ак-хан	100	В этих двух селениях совместно проживают дагестанцы, черкесы, чеченцы.
12. Сивас.	Административно подчиняются городскому управлению.	30) Уч-тепе 31) Каялы-пынар	30 30	Аварцы — выходцы из Хунзахского района. Остальные — турки. Аварцы, чеченцы, остальные — турки.
	12) Йиндыв-Эли.	32) Султанне	20	Андийцы-аварцы, лакцы, даргинцы. Остальные — турки.
		33) Финдыжак	30	Даргинцы, аварцы. Большинство — даргинцы, поэтому все, в том числе и аварцы, знают и говорят на даргинском языке.

1	2	3	4	5
		34) Акджамесжид	20	Аварцы, выходцы из Цумадинского района (Чамалал).
		35) Кадырли	15	Аварцы.
		36) Явукой (Белджик)	150	Кумыки.
		37) Яглыдере (Ягкой)	10	Кумыки. Остальные — турки.
	13) Хафик.	38) Сулейманне	5	Аварцы, кумыки, остальные — турки.
	14) Зара.	39) Османне	30	Аварцы — выходцы из Цунтинского района. Знают литературный аварский, а также свой родной.
		40) Селимие	25	Аварцы — цунтинцы. В 1995г. курдскими боевиками-сепаратистами во время "этнической чистки" было расстреляно 8 человек. В этой операции участвовали боевики из "Гэ-Ка-Ка" — курды и кизылбаши.
	15) Шаркишла	41) Балталар 42) Бурнукала	20 10	В этих двух селениях совместно проживают лакцы и даргинцы. Они себя называют казикумухцами и акушинцами.

1	2	3	4	5	
13. Токат.	16) Турхал. В самом Турхале райцентре — около 100 хозяйств кумыков. Ими открыт культурный центр "Дагестан".	43) Акбудай (Замаир)	50	В этих трех селениях совместно с турками проживают аварцы. Аварцы. Остальные — турки. Аварцы. Остальные — турки. Даргинцы. Остальные — турки. Кумыки, ногайцы. Кумыки, ногайцы. Кумыки, карачаевцы Аварцы. Аварцы — цунтинцы, которые говорят и на своем языке. Аварцы, даргинцы, кумыки. Аварцы, чеченцы и др. Аварцы, кумыки, даргинцы. Аварцы кумыки, даргинцы.	
		44) Орта-кой (Докметене)	20		
		45) Сарычичек	40		
		46) Мунамах	10		
		47) Багларбаши (Фарни)	30		
		48) Учгёзен	50		
		17) Алмус.	49) Джихан-кой		10
		18) Пазар.	50) Доган-чайлы		10
			51) Абайин		50
		19) Артова.	52) Оваджик		45
53) Чермик	20				
54) Судусарай	20				
20) Эрбаа.	55) Чирдах	20			
	56) Гюль-тепе	30			
21) Зиле.	57) Боз-тепе	15			
	58) Енидербент	-			
	59) Бахчи-баши	15			

1	2	3	4	5
14. Чанаккале.	22) Бига. В самом райцентре — около 100 хозяйств кумыков. Открыт культурный центр	60) Аккёпру 61) Доганджи 62) Азизие 63) Гейиккыры 64) Бахчишлы 65) Калафат (Бозна)	200	В этих шести селениях совместно с турками проживают до 200 семейств кумыков.
15. Ялова. В самом областном центре проживает около 250 хозяйств аварцев. В 1995 г. открыт культурный центр "Дагестан". Будет издаваться журнал "Дагестан". вместо "Кузей Кавказя". Ялова-город побратим г.Махачкалы. В Ялове открыт парк "Махачкала".	23) Чифт-лик. В самом Чифтликке проживает около 100 хозяйств аварцев. Открыт культурный центр "Дагестан".	66) Султание	25	Аварцы: чиркеевцы, хубарцы.
	Оба селения (Гюней-кой, Эсадие) административно входят в состав г. Ялова.	67) Гюней-кой	350	Самое крупное в Турции селение дагестанцев. Большинство — аварцы. Основан в 1890 г. под руководством шейхов Мухамад-Мадани и Шарапудина Кукунинских. В настоящее время в этом селении — 350 семей аварцев, даргинцев.

<p>16. Стамбул. В настоящее время в Стамбуле проживает около 1,000 хозяйств дагестанцев. 2/3 которых составляют аварцы. В Стамбуле с 1977 г. официально функционирует культурно-благотворительный фонд им. Шамиля, основанный внуком Шамиля Саидом Шамилем и другими активистами дагестанской общины в Стамбуле. Здесь же издавался журнал "Кузей Кавказья" ("Северный Кавказ").</p>	2	68) Эсадие.	4	20 Аварцы, даргинцы, Остальные — турки. Мэр села — Шихабудин Озден — аварец.	5
--	---	-------------	---	---	---

ГЛАВА IV. СЕМЬЯ И СЕМЕЙНЫЙ БЫТ

1. СТРУКТУРА СЕМЬИ И ВНУТРИСЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ.

Жизнедеятельность этнических меньшинств, поддержание их этнокультурной специфики, осуществляется средствами, которые, в силу выполняемых ими функций, могут быть обозначены как этнозащитные механизмы культуры. Одним из наиболее действенных и универсальных этнозащитных средств является семья.

Семья создает специфическую среду, в которой происходит социализация ребенка, формируются его установки и ценностные ориентации, во многом определяющие основные характеристики последующей жизнедеятельности индивидуума, а следовательно, и поколения. Эта роль семьи особенно возрастает в этнических меньшинствах, где она выступает как одно из немногих возможных средств этнической социализации, этнокультурного воспитания подрастающего поколения, и тем самым играет роль своеобразного индикатора, позволяющего судить как о протекающих в обществе процессах акультурации и ассимиляции, так и о степени противодействия этим процессам.

В условиях диаспоры дагестанская семья подверглась значительной трансформации в соответствии с социокультурными и экономическими характеристиками этнических процессов Турнии. В формах семейной организации здесь наблюдалось определенное сходство. И в Турции, и в Дагестане,²²¹ доминировали патриархальные малые семьи, социальные функции и структура которых, несмотря на этнокультурные различия, во многом были идентичными.

Отмеченные факторы способствовали сохранению традиционных форм дагестанской семьи и в новых условиях, а ее дальнейшая эволюция, включая и исторически обусловленные изменения, протекала в соответствии с основными закономерностями развития семейных форм принимающей страны. Более того, внешняя социокультурная

среда во многом стимулировала возрастание ее роли как этносоциального института.

Поддержание этнокультурной преемственности в семейной среде осуществляется различными путями. Важную роль играет, в частности, трех и более поколенная структура семьи. Постоянное общение старшего поколения с детьми обеспечивало приобщение последних к традициям и обычаям родной дагестанской культуры. Отметим и то обстоятельство, что в дагестанских семьях, как и в семьях турок, роль женщины сводилась к ведению домашнего хозяйства и воспитанию детей. Ограниченное общение женщин-дагестанок в Турции с внешним миром способствовало их более четко выраженной этнокультурной определенности, неизбежно передававшейся их детям в процессе воспитания.

В последние 20 лет в Турции, в русле общего процесса женской эмансипации, все большее число женщин-дагестанок продолжают свое обучение в колледжах и университетах, вследствие чего увеличилось, естественно, и число работающих женщин. При этом, однако, некоторые из них после вступления в брак оставляют работу, отдают предпочтение роли хозяйки дома и матери.

Вследствии роста числа работающих женщин со временем в их семьях было сведено к минимуму общение детей со своими родителями с раннего возраста, особенно в городах, и соответственно, участились их контакты с иноэтничными сверстниками. В первый период эмиграции, в условиях сохранения трехпоколенной семьи, своеобразной компенсацией общения с родителями детям служило общение с дедушками и бабушками, что обеспечивало известную этнокультурную направленность воспитания. Однако, в дальнейшем, когда среди дагестанцев стала доминировать нуклеарная семья, подобный механизм приобщения ребенка к материнской культуре заметно ослаб.

В этнографических работах, к сожалению, испытывается дефицит конкретных материалов, характеризующих

структуру семьи не только у дагестанцев, но и у турок. Чаще всего описывается некий "усредненный" стереотип семьи.²²² Лишь работы турецкого и английского социологов Н. Беркеса и П. Стирлинга посвящены изучению структуры ряда турецких деревень в Центральной Анатолии в 40-60 гг. XX в.

"Из 13 обследованных деревень Анкарского вилайета, как отмечает М. Н. Серебрякова, — Н. Беркес наиболее тщательно изучил деревню М.²²³ В результате анкетного обследования 117 домохозяйств этой деревни, он установил, что 78% семей состоят из одной брачной пары с детьми или без них, иногда с единичными родственниками. По данным П. Стирлинга, в деревнях Сакултутан и Эльбаиш подавляющее большинство семей (свыше 70%) так же состояли из одной брачной пары.²²⁴

Для выявления наиболее распространенного типа современной дагестанской семьи в Турции, в качестве источника мы привлекли два селения — Финдыжак и Уч-тепе (район Иылдыз-эли в провинции Сивас). В рассматриваемых нами селениях преобладающим типом была малая, в основном нуклеарная семья, состоящая из супружеской пары и детей (около 60% или 19 хозяйств из 32) или супружеской пары без детей. По сведениям наших информаторов, полная малая семья преобладает прежде всего в городах. Основную массу сельских жителей составляют люди пожилого возраста, дети которых переселились в города или живут в том же селении, но отдельно.

Распространение различных типов семей обусловлено в значительной мере этническим и возрастным составом населения и длительностью его проживания в данной местности.

На момент исследования наибольший процент одиноких людей был во Внутренней Анатолии, где отмечается наиболее интенсивная миграция населения (с Киречкой, Финдыжак, Уч-тепе и др). Одинокие люди составляют около 10% от общего числа хозяйств. По мере старения селения

доля одиноких людей увеличивается, как увеличивается и доля вдовых.

Говоря о различных факторах, влияющих на стабильность или изменчивость структуры традиционной семьи дагестанцев в Турции, нельзя забывать и о неравномерности социально-экономического и культурного уровня развития отдельных вилайетов, о социальной принадлежности членов семьи, о ее месте жительства. Так, в с. Гюнейкой и Султание, расположенных вблизи г. Ялова и г. Стамбула, число малых (молодых) семей значительно выше, чем в Киречкой, Финдыжаке, Уч-тепе во Внутренней Анатолии.

Сложные семьи можно подразделить на три основных типа: семьи, где вместе с родителями и их несовершеннолетними детьми проживают и женатые сыновья; семьи из совместно проживающих женатых братьев; семьи, где вместе с родителями живет замужняя дочь с мужем. Второй и третий тип семей мы не встречали, и в дальнейшем мы на них останавливаться не будем.

Сложные семьи однолинейного подтипа образуются в тех случаях, когда дети, достигшие совершеннолетия, отселяются из родительского дома, а один из них, сын, остается с родителями, приводит жену, и обе брачные пары ведут совместное хозяйство. Этот тип семьи довольно распространен в современном дагестанском и турецком селении, потому что он в наибольшей мере отвечает жизненным потребностям.²²⁵ Подобные семьи часто распадаются естественным путем (смерть представителей старшего поколения) к тому времени, когда приходит пора создавать свои семьи внукам.

По сообщениям наших информаторов, сложные семьи однолинейного подтипа встречаются в единичных случаях, и то не везде, так как все дагестанские селения во внутренней Анатолии очень маленькие.

Самая многочисленная семья такого типа в с. Финдыжак состояла из 10 человек: глава семьи Абдулазиз, его

жена Хадижат, сыновья Мехмет и Ибрагим, три дочери, невестка и два внука. Эта семья включала представитель двух поколений женатых членов и возглавлялась отцом Абдулазизом. Идеальная схема подобной семьи — муж, жена (или жены),²²⁶ женатые сыновья со своими семьями, а также неженатые сыновья и незамужние дочери.

С типом семьи тесно связан ее состав, прежде всего численный и поколенный.

В настоящее время наиболее распространенными после нуклеарных семей являются хозяйства на одного человека. В селениях вблизи г. Ялова этот показатель ниже, что объясняется миграцией населения. Для сравнения численного состава семей весьма показательны данные по среднему их размеру. В порядке сравнения приведем данные по среднему размеру семей турок²²⁷ и дагестанцев в РД. Так, по итогам анкетного обследования, проведенного английским социологом П. Стирлингом в с. Эльбаш и Сакалгутах, средняя численность семьи составила 5-6 человек. В то же время средняя численность городской семьи в г. Анкаре (по данным на 1960-е гг.) 4-5 человек.²²⁸ Так как в 1959 г. средний размер сельской семьи в Дагестане был сравнительно низким — 4,0 человека,²²⁹ что являлось следствием Великой Отечественной войны, мы взяли данные Всесоюзной переписи за 1970 г. К этому году средний размер семьи составил у даргинцев — 4,9, аварцев — 4,5, кумыков — 5, лезгин — 5,7 по всему Дагестану — 5,5 человек.²³⁰

В настоящее время средний размер семьи снизился, что объясняется не столько падением рождаемости, сколько дроблением ранее сложных по родственному составу семей.

Размер семьи во многом зависит от числа детей в ней. Несмотря на некоторое снижение рождаемости, дагестанские семьи в Турции, особенно сельские, по-прежнему стремятся иметь нескольких детей. Анализ ответов на заданные вопросы показал, что большинство семей имеют от 2

до 4 детей. Сравнительно многодетные семьи выявлены в с. Фындыжак, Уч-тепе и Киреч-кой во Внутренней Анатолии.

Структурный состав семьи оказывает определенное влияние на один из важнейших вопросов ее внутренней организации — о главенстве.

Изучая вопрос о главенстве в современной дагестанской семье в Турции, следует обратить внимание на тот факт, что у дагестанцев, как и у турок, по сравнению с прошлым, изменился смысл, который вкладывается теперь в понятие “глава семьи”. Раньше авторитет главы семьи был абсолютный. По устным свидетельствам крестьян-старожил (с. Фындыжак, Гюней-кой, Уч-тепе и др.) глава семьи раньше был единоличным владельцем земли и семейного имущества. Сыновья беспрекословно подчинялись ему. В настоящее время учащаются случаи раздела земли еще при жизни отца, что прежде считалось невозможным.

Глава семьи представлял семью перед властями, участвовал в сельских сходах и нес ответственность за поступки каждого ее члена, принимал гостей. Если он советовался с женщиной, то таких мужчин в селении Фындыжак называли “угул” или “хьунча” (буквально “женоугодник”). В то же время авторитет и престиж главы в семье и в селении в значительной мере зависели от его справедливости, умения поддерживать порядок, мир и согласие.

Иерархичность отношений в дагестанской семье и действие патриархальных отношений, выражающихся в верховенстве и превосходстве мужчины, проявляется во всей системе внутрисемейных связей. Это хорошо прослеживается на примере следования обычая избегания родителей мужа (“качмалык”), хотя у дагестанцев они менее жестко соблюдаются.

У дагестанцев, как и у турок, а также и у других народов Кавказа и Средней Азии, обычай избегания вступал в действие после помолвки (“питья шербета”). До этого юноша и девушка не выделялись в своих отношениях из среды

другой молодежи.

Избегания и запреты между невесткой и родными мужа, по свидетельству информаторов, реально начинали проявляться лишь после переезда жены в дом мужа. Основное содержание этого явления составляет, как указывает М.О.-Косвен, “персживающаяся принадлежность замужней женщины к своему роду”.²³¹

Объяснялся обычай еще и патриархальностью семейных отношений и положением женщины в семье.

В одних дагестанских семьях невестка после свадьбы не разговаривает со свекром в течение месяца, нескольких месяцев (с. Шеньюрт (Учгёзен) кумыки),²³² в других же общение начинается, сразу же (с. Фындыжак, Гюней-кой, Уч-тепе и др.), если свекр попросит о том, сделав невестке положенный по обычаю подарок. Сохраняется в некоторых семьях и обычай, согласно которому мужчина не берет своего ребенка на руки при отце, но характерно это в настоящее время не для всех семей.

Следующее за главой положение в семье занимает старший из сыновей, так как он является продолжателем рода (принцип позиционного старшинства). В неразделенных семьях статус невестки (“гелин”) считается ниже статуса остальных членов семьи, в т. ч. и младших. У турок эти аспекты внутрисемейных отношений прослеживаются более отчетливо, чем у дагестанцев. В обязанности невестки у турок входит обслуживание не только мужа, детей, но и свекра со свекровью. Превосходство свекрови по отношению к невестке зафиксировано в ряде народных афоризмов, например: “Если даже свекровь превратится в мягкий клубок хлопчатобумажных ниток и свалится с полки, то и тогда она разобьет невестке голову”²³³. По нашим материалам, у невестки-дагестанки со свекровью традиционно складывались более сердечные взаимоотношения.

В обычаях избегания представляет интерес форма обращения невестки к старшим членам семьи по мужу. Дагестанка родителей мужа называет “баба” и “ана”, его бра-

тьев — “кардаш”, теток по отцу — “хала”, теток по матери — “тейзе”, дядей по отцу — “амджа”, жену брата мужа — “элти”, золовку — “герюмдже”.

Зять также называет родных своей жены терминами родства, которые применяет к ним она сама. Отец жены для него — баба, мать — ана и т. д. Старшие члены семьи называли невестку “гелин”. Она не могла показаться свекру и братьям мужа с голыми ногами, непокрытой головой, при их появлении она вставала, не имела права есть с ними, из одной посуды.

Наиболее длительным и постоянным между мужем и женой был запрет называть друг друга по имени, что характерно для большинства кавказских и среднеазиатских народов. Например, Б. Далгат писал о даргинцах: “Ни муж, ни жена не произносят имен друг друга ни в своем присутствии, ни за глаза, а также дети не произносят имен старших, они дают им прозвища или называют их именами родства.”²³⁴ Собранный полевой материал свидетельствует о наличии у дагестанцев различных терминов в обращении между супругами. В с. Гюней — кой мужчина, обращаясь к жене, говорит “гыз” (“девушка”) а жена мужу “гишим” (“мой человек”), в с. Финдыжак и Уч-тепе соответственно “ешим” (“моя супруга”) и “сизим шериф” (“наш парень”) и т. д. Считалось и считается неэтичным проявлять при домашних, посторонних внимание к жене, нежность к ней, заботу о ней. Распрашивая гостя о благополучии его семьи, нельзя было спрашивать отдельно о его жене.

Дети, как и родители, в большинстве не знающие родного языка, старших родственников и родителей все же называют не по именам, а традиционными терминами: мать — “ана”, “анне”, отца — “баба”, бабушку — “эбе”, дедушку — “деде”, брата отца — “амджа” и т. д.

В дагестанских селениях, особенно во Внутренней Анатолии, стойко сохранились обычаи, связанные с патриархальным бытом. По традиции, по улице муж идет всегда на несколько шагов впереди своей жены; какого бы возра-

ста женщина ни была, она должна уступить дорогу любому мужчине и др. Эти обычаи все еще можно встретить сегодня и в Дагестане.

Одним из элементов структуры внутрисемейных отношений, во многом определяющим ее характер, является распределение домашних обязанностей между членами семьи.

Круг деятельности женщины-дагестанки в Турции, как и на родине предков, был обширным: приготовление пищи, отопливание помещения, поддержание его в чистоте, присмотр за детьми, уход за домашними животными, дойка коров, разведение птицы (главным образом кур), заготовка впрок и обработка сельскохозяйственных продуктов, в том числе и молочных. Шитье, стирка, вязание носков для членов семьи — постоянные занятия женщин.

С приходом молодой жены в дом мужа в распределении домашних обязанностей происходят изменения. Такие виды работ, как выпечка хлеба, стирка белья, поддержание чистоты в доме и другие переходят от свекрови к невестке.

Мужчины занимаются строительством и ремонтом, заготовкой дров и другими сельскохозяйственными и скотоводческими работами (пахота, выпас, стрижка и др.) и т. д.

В современных семьях по-прежнему основная тяжесть работ по дому приходится на женщин, хотя мужа, как и другие члены семьи, постепенно все больше включают в эти работы.

Разделение полов в условиях турецкой действительности имеет и некоторые другие особенности. По сведениям наших информаторов, мусульманская мораль требует, чтобы мужская и женская части общества были отделены одна от другой. Свой досуг мужчина проводит в мужском обществе, а женщина — в женском, даже в случаях семейных торжеств (свадьба, суннет и др.). Проводить свой досуг дома, в кругу женщин и детей, для мужчины считается, по установившимся здесь нормам, не только неприемлемым,

но даже постыдным, недостойным. С января до начала марта дагестанцы, как и турки, меньше всего загружены сельскохозяйственной работой. Мужчины направляются в чайную, в "Момент хастанеси" (народный дом с. Гюней-кой), или в "Кей одасы" (сельская комната в с. Фишдыжак, Учтепе, Киреч-кой) и др. Взрослые мужчины, в отличие от турок, приводят с собой и малолетних сыновей, внуков, которые на коленях у отца или деда проводят здесь немало часов. Здесь мужчины играют в карты, пьют чай и обсуждают свои проблемы.

Женщины, особенно молодые, не имеют права входить в комнату для гостей, когда там присутствуют посторонние.

Заслуживает внимания вопрос о взаимоотношениях между старшим и младшим поколениями. Как и в прошлом, в основе взаимоотношений возрастных групп лежит подчеркнутое уважение к старшим с соблюдением целого комплекса знаков внимания к ним.

Так, если в дом входит пожилой человек, то молодые встают и садятся только после приглашения старшего; при старших не принято курить, громко разговаривать, вступать с ними в спор и т. д. Дети, встречая гостя, целуют ему руку и прикладываются к ней лбом.

Таким образом, собранные полевые материалы показывают, что преобладающее большинство семей составляет брачные пары с детьми. Среди дагестанской диаспоры преобладают семьи двухпоколенные и однопоколенные, наблюдается снижение размера семьи, что связано с дроблением сложных семей, миграцией населения и т. п. В настоящее время глава семьи (отец, дедушка), как правило, советуется с другими ее взрослыми членами по тем или иным вопросам, прислушивается к их мнению.

Однако, процессы трансформации в различных вилайетах проживания дагестанцев в Турции протекают неравномерно. Особенно явственно следы перемен характерны для Мраморноморского и Черноморского районов, во Внут-

ренней Анатолии в наибольшей степени сохраняется старый уклад жизни и форма быта. В сельской местности повсеместно, в т. ч. в Мраморноморском и Черноморском районах в свободное время практически не бывает. Для встреч, развлечений и досуга наиболее благоприятен подсезон Буджух.²³⁵

У жены-матери малолетних детей и в этот период меньше свободного времени, чем у мужа-отца. Самым распространенным времяпровождением стал просмотр телевизионных передач и вязание носок и платков.

2. БРАК, СВАДЕБНЫЕ ОБЫЧАИ И ОБРЯДЫ

До победы республиканского режима в Турции статус семьи регулировался религиозным мусульманским правом, государственное законодательство в эти вопросы не вмешивалось. Препятствием для заключения брака могли служить родственные связи, разница в вероисповедании и др. Хотя декрет 1917 г. смягчил развод ("талак"), установил минимальный брачный возраст²³⁶ для юношей — 18 лет, для девушек — 17 лет, фактически семейно-брачные отношения продолжались регламентироваться предписаниями ислама.

В 1928 г. в стране вводится процедура регистрации гражданского брака: жених и невеста удостоверяли свои личности, предъявляя свидетельства о рождении, проходили медицинский осмотр, после чего брак официально регистрировался.

Несмотря на это, практика браков с несовершеннолетними не исчезла. Однако, как свидетельствует наш полевой материал, дагестанцы в Турции вступали в брак в более позднем возрасте: в 20-22 года мужчины и в 16-18 лет — женщины.

У дагестанцев за последние годы, как и во всей Турции, наблюдается тенденция к повышению брачного возраста. Так, по сведениям наших информаторов, брачный

возраст мужчин составляет сейчас преимущественно 25-28, а женщин 20-25 лет. Более поздний брачный возраст юноши в настоящее время объясняется тем, что он должен предварительно пройти воинскую службу и определиться в роде занятий.

Известные туркам браки молодых мужчин с пожилыми женщинами считались неприличными и практически у дагестанцев не встречались.

В быту дагестанцев был известен колыбельный стговор. Однако, по сведениям наших информаторов, этот обычай носил эпизодический характер и в наше время совершенно исчез. Порождением старины была такая форма, как обменный брак: когда жених за именование средств на калым, взамен него, при желании стороны невесты, отдавал неженатому ее брату свою сестру. Данная форма брака практиковалась больше у турок, чем у дагестанцев.

Что касается полигамии, то у дагестанцев Турции, как и у других народов Дагестана, она не имела широкого распространения. В Турции и после официальной отмены многоженства (1928 г) эта форма брака из жизни турок не исчезла.

Свободу брачного выбора у дагестанцев в Турции ограничивает традиционная предпочтительность эндогамных браков. Он был распространен у многих других народов, в частности, Средней Азии и Азербайджана,²³⁷ причем преимущественно в форме ортокузенных браков между детьми родных братьев.

В народе говорят (с. Гюнейкой), что брак между сыном и дочерью двух родных братьев "заключается ангелом на небесах".

Исследователи отмечают,²³⁸ что большую роль в соблюдении эндогамии играли экономические факторы. "Стремление к заключению близких родственных браков в какой-то мере связано и со стремлением уплатить меньший калым",²³⁹ конкретизирует, например, Н.А.Кисляков.

Относительно предпочтительности браков внутри да-

гестанской диаспоры сомневаться не приходится, хотя практиковались браки и между дагестанцами и турками.

Ограничение свободы брачного выбора традиционными обычаями и экономическими причинами в значительной степени определяло формы заключения брака. Наряду с наиболее распространенной формой — браком по стговору, у дагестанской диаспоры осуществлялся и эпизодически бытует брак похищением в различных его вариантах.

Умыкание и его формы не раз привлекали к себе внимание этнографов. Проанализировав значительную литературу по этому вопросу, Я. С. Смирнова выделила три разных вида умыкания невесты: действительное насильственное похищение, похищение с согласия девушки и фиктивное похищение.²⁴⁰

Самой распространенной из них в рассматриваемой среде была изредко встречаемая сейчас третья форма (уход). В этих случаях родители невесты, заранее осведомленные о ее предстоящем уходе, делали вид, что ничего не знают. После ее ухода, максимально затянув время, члены семьи ставили в известность своих родственников о бегстве девушки. По нашим полевым данным, случался уход в основном среди бедной части населения.

О причине умыкания невесты в этнографической литературе существуют различные суждения. По мнению Н. Дубровина, жених прибегал к похищению невесты, если был не в состоянии уплатить сумму калыма, установленную обычаем²⁴¹. Этой точки зрения придерживались Е. Н. Студенецкая и Н. А. Кисляков.²⁴² По данным С. Ш. Гаджисвой, напротив, семья девушки требовала с похитителя плату в двойном размере.²⁴³ Согласно М. М. Ихилкову, у народностей лезгинской группы к этому прибегали чтобы избавиться от расходов, связанных со сватовством и свадьбой.²⁴⁴

Видимо, формы и мотивы похищения невесты, соответствовавшие сугубо местным традициям, в каждом из случаев зависели все же от конкретно сложившейся ситуации.

По сведениям наших информаторов, тяжелым бременем на семью жениха ложился именно высокий размер калыма, а не свадебные расходы, так как большая часть последних и у дагестанцев, и у турок падала на долю родственников.

Говоря о брачных отношениях дагестанцев, нельзя оставить без внимания и такое явление, как развод.

Право развода по шариату принадлежало мужу. Женица же по существу не могла развестись с мужем против его воли, хотя за ней и оставалась возможность обращения в шариатский суд, функционировавший до 1926 г.

Самым распространенным был развод "талак", поскольку он не требовал ни обращения в суд, ни тяжбы. Развод считался состоявшимся, если муж при свидетелях трижды произносил слово "развод" ("талак").

После 1917 г. развод по талаку усложнился: теперь он стал считаться действительным при трехкратном, но одновременном произнесении традиционной формулы, т. е., иначе говоря, мужчине давалась возможность успокоиться и подумать.²⁴⁵

Информаторы считают, что даже после трижды произнесенной формулы талака никто не допустит нетактичных вопросов или оскорбительных высказываний по поводу продолжающейся совместной жизни супругов.

В настоящее время расторжение брака осуществляется преимущественно официальными государственными органами, хотя и развод по талаку традиционно продолжает бытовать.

Наиболее торжественно отмечающимся в семье обрядом является свадьба. Основы этого традиционного института складывались в течение длительного периода развития этноса. Свадьба дагестанской диаспоры в Турции представляет собой чрезвычайно сложный ритуал, соединивший в едином комплексе черты самых разных обычаев и заметно трансформирующийся в результате различных историко-культурных воздействий. Современная свадьба дагес-

танцев в Турции органически вписывается в местную обрядовую сферу, хотя в ней, естественно, сохранились некоторые элементы обычаев дагестанских народов.

По своей композиции свадьба дагестанцев в Турции распадается на ряд этапов, каждый из которых несет определенную функциональную нагрузку. Это сватовство ("сез алма"), помолвка ("нишан"), обряд хны ("кина дуги" — дарг., "кина къаси" — авар., "хна геже" — турк.), бракосочетание ("нигях" — турк., "магъар" — дагест.), торжественно-увеселительное застолье и, наконец, посещение молодыми родственников молодоженов с обеих сторон.

Выбор брачного партнера и согласие на брак зависят обычно от воли родителей, прежде всего отца, как главы семьи. Однако, в сельской местности явственно проступают черты патриархально-родственных отношений, и согласию на брак, по словам наших информаторов из с. Гюнейкой, зависит и от воли старших родственников. Мать жениха идет в дом девушки на выданье ("гелинник кыз"), но при этом старается скрыть цель своего посещения, иначе девушка может не выйти к ней.²⁴⁶

При выборе невесты в расчет принимаются ее физическое здоровье, гарантирующее способность произвести потомство, и скромность.

Когда кандидатура подобрана, в дом будущей невесты идут две-три родственницы парня: мать, старшая сестра, тетка по отцу или жена старшего брата. Как сообщает наш информатор,²⁴⁷ при первом посещении дома будущей невесты женщины приносят с собой хинкал с мясом — это в обычае только у дагестанцев. Если родителей девушки парень не устраивает, они к угощению не притрагиваются и вместо кофе на стол подают чай.

Подобная знаковая символика характерна для обрядности многих народов Дагестана, Кавказа, Средней Азии и др.²⁴⁸

Затем в доме девушки собираются близкие родственники, которые подробно обсудив кандидатуру парня, при-

нимают решение. Дальнейшие переговоры между двумя сторонами, вплоть до обручения, ведутся через посредничество почитаемого односельчанина, знакомого.

Следующим важным этапом свадебного ритуалашедших к согласию сторон является помолвка “чиппан”, происходящая в доме невесты. Смысл ее заключается в скреплении перед лицом общества соглашения о заключении брака. На невесту надевают украшения, подаренные женихом, и платок, отпыне скрывающий ее волосы. Теперь ее называют “укутанная в платок” и она обязана избегать родных жениха. В городах на этот церемониал приглашаются преимущественно близкие родственники, соседи и друзья, а в селениях в нем участвуют все местные дагестанцы, где накрывается стол со сладостями, шербетом и кофе.

В этот период в дом невесты со стороны жениха и его родни регулярно шлют свадебные дары. Обязательным считается дарить невесте золотые украшения (браслеты, кольца, серьги, нагрудное украшение), материю на платье и шаровары, головное покрывало, обувь и т. д. Все это выставляется на всеобщее обозрение. Из дома девушки будущей свекрови и другим родственникам присылают вышитые платки, головные покрывала, ткань на рубаху и т. п. Подарок для жениха состоит из рубахи, штанов и белья. По словам наших информаторов, турки требуют от жениха дополнительно “башлык” (буквально — “плата за голову”), который на свадьбу не расходуется. У дагестанцев все, что семья невесты получает от жениха (деньги, продукты), расходуется на свадьбу.

С каждым годом усиливается тенденция к увеличению приданого, которое должен обеспечить отец невесты. Это особенно характерно для дагестанцев, у которых раньше приданое состояло из постельных принадлежностей, посуды, ковров, паласов и сундука.²⁴⁹ Теперь же за ней дают мебельные гарнитуры, отдельные предметы убранства дома — буфет, кресла, а также золотые изделия и даже зем-

лю. Выделение з приданое земельного участка, что традиционно характерно и для Дагестана, было присуще народам, у которых рано распалась большая семья, и новобрачные должны были иметь хотя бы минимум необходимого для самостоятельной жизни.

В свадебный ритуал входил ряд обрядов, символика которых связана с подготовкой невесты к переходу ее в новую семью.

Одним из них является свадебная “церемония хны”, на которую собираются все девушки селения. Это, собственно, девичник, праздник женщин, на котором из лиц мужского пола могут присутствовать только мальчики. Обряд заключается в том, что невесте распускают волосы, расчесывают их, затем красят ей хной волосы и ладони. Той же процедуре подвергается любимая подруга невесты, а вслед за ней и остальные девушки. В завершение хной окрашивают руки присутствующих девочек и мальчиков. Весь обряд проходит в сопровождении традиционных ритуальных песен. Игры и песни девушек продолжаются до поздней ночи. После этого девушка обретает статус невесты: понятия “кынали” или “хна геже” синонимичны с понятием “невеста”.

Со дня помолвки до свадьбы, в зависимости от обстоятельств, проходит от нескольких месяцев до двух-трех лет. В настоящее время продолжительность свадьбы — два дня, четверг и пятница. В организации и проведении свадьбы ведущая роль принадлежит близким родственникам жениха и невесты, без материальной и трудовой помощи которых невозможно было бы осуществить это мероприятие. Обращает на себя внимание и следующее обстоятельство. Приглашение на свадьбу посылается только близким родственникам жениха и невесты, которым вменяется в обязанность и дается право приглашения остальных гостей по своему усмотрению. Главам семей из других городов и селений приглашения посылаются персонально. Таким образом, о свадебном торжестве уведомляются почти все зна-

комые дагестанцы во всех концах Турции. Устроители свадьбы запоминают или записывают величину взноса каждого из гостей, чтобы в будущем ответить ему в подобной ситуации эквивалентной суммой. Величина взноса составляет от 100.000 до 500.000 лир. (в 1993 г.)

У дагестанской диаспоры непосредственно свадебное торжество начинается в доме невесты. Утром собираются родственники, друзья, соседи и друзья, которые, угощаясь и веселясь, готовятся в то же время к приему гостей. Примерно к полудню свадьба бывает в полном разгаре. На столе обычно жаркое, долма, салаты, рис отварной с мясом, кофе и чай, сладости; спиртное не подается.

Музыкальное сопровождение свадьбы у дагестанцев осуществляется барабаном и аккордеоном; два барабана на свадьбе означают, что хозяин богат. На турецкой свадьбе музыканты играют обычно на зурне, иногда и кемендж, в сопровождении барабана.

Музыка звучит на свадьбе с первого дня и сопровождает все основные этапы ее церемонии. Музыкантам на время свадьбы предоставляют кров и пищу, оплачивают их услуги; кроме того, они получают еще и вознаграждение деньгами от гостей.

В первый же день, в ночь под пятницу, совершался обряд бракосочетания “магьар”. В отличие от турок, которые эту процедуру оформляют в доме жениха, у дагестанцев ее проводят в доме невесты. Для официального оформления брака приглашали муллу, а также двух свидетелей-мужчин; по одному со стороны жениха и невесты. Представитель невесты садился по правую сторону от муллы, представитель жениха — по левую. Мулла вносил в свою книгу имена новобрачных, их родителей, свидетелей. Представители жениха строго следили, чтобы в это время никто не вязал узелки, не манипулировал с кинжалом (быстрое, попеременное выгаскивание и вкладывание клинка в ножны, “наведение порчи” на жениха). Именно поэтому религиозное оформление брака производится тайно. Обряд

заканчивался чтением 112-й суры Корана “Къулгъу”. После этого все возвращались в комнату для гостей, угощались цербетом, кофе и сигаретами.

Наиболее торжественным актом свадьбы является перевод невесты из отцовского дома в дом жениха. Следует отметить, что у дагестанцев практикуется традиционный вечерний или даже ночной перевод невесты, тогда как у турок это делается утром.

За невестой направляется группа в количестве от 7-10 человек во главе со старшим из рода жениха. Со стороны невесты ее сопровождают только подруги. В некоторых селениях (например, в Султание) спутники жениха эскортируют машину невесты с факелами в руках. Можно предположить, что данный обряд уходит в домусульманские представления и связан с верой в очистительную силу огня. Вот что пишет по этому поводу Д. Фрезер: “Предполагается, что костры (огонь — прим. автора) способствуют браку и обеспечивают потомство бездетным супругам. Это благоприятное воздействие является не прямым следствием того, что сам огонь обладает ускоряющей и оплодотворяющей силой, а проистекает из его способности уничтожить препятствия, которые ведьмы и колдуны, как известно, чинят супружескому союзу”.²⁵⁰

Сохраняется также обычай преграждения пути свадебному поезду и получения выкупа за право дальнейшего продвижения.

Прибытие невесты в дом жениха обставляется ритуальными действиями, призванными обеспечить счастье молодых: с крыши на землю из медных кувшинов льют воду, осыпают новобрачную кусками сахара, изюмом, сушеными фруктами, мелкими монетами, пшеницей.

Невесту в свадебном наряде, с лицом, закрытым покрывалом (платком), приводят в отведенную для нее комнату. У порога ее угощают сладостями, медом. У входа в комнату невесты стелят шкуру овцы. Мед и шкура по традиционным представлениям дагестанской диаспоры спо-

собствуют созданию дружной семьи, обилию и благополучию в доме.²⁵¹ Аналогичные обычаи и обряды мы встречаем и у других народов.²⁵² Радужно приняв невесту и ее провожатых, друзья жениха²⁵³ продолжают веселье. После ухода гостей жених входит в комнату для новобрачных. За право снять с нее платок (покрывало) и увидеть лицо он должен был сделать невесте подарок. В отдельных селениях (Киреч-кой, Финдыжак) перед отходом ко сну, жених съедает половинку финика, а другой половиной угощает невесту.

Наши информаторы не упомянули об обряде удостоверения в целомудрии невесты, хотя этот обычай в прошлом у турок широко бытовал.

На следующий день, в пятницу, невеста снимает первое покрывало ("дувах") и встречает всех, кто приходит посмотреть на новобрачную. Получая подарки от них, она каждому целует руку. В свою очередь молодая одаривает подарками и фруктами малышей, пришедших со взрослыми. В этот день на невесте красуются все драгоценности, принесенные из дома и подаренные свекром.

Завершается свадебный цикл посещением молодыми дома отца новобрачной. Этот обычай, известный под названием "онбешине чагыртма" ("приглашение на пятнадцатидневье"), в этнографической литературе — обычай "возвращения домой", генетически связывается с эпохой перехода от матрилокального поселения к патрилокальному и символизирует сохранение связей невесты со своим родом.²⁵⁴ Непосредственно к нему примыкает обычай очередного приглашения молодых близкими родственниками мужа и жены и одаривания их подарками.

При сравнении свадебного ритуала у дагестанской диаспоры и турок обнаруживается ряд важных общих моментов и параллелей, которые свидетельствуют о процессе взаимопроникновения и культурного взаимодействия различных этнических компонентов. Причем, по всей видимости, свадьба дагестанской диаспоры вобрала в себя

значительное количество специфических элементов местной культуры превосходящего по численности турецкого населения. Процесс заимствования элементов культуры развивался таким образом, что наиболее активно воспринимались именно сходные представления, а совершенно чуждые не приживались, отбрасывались.

3. ОБРЯДЫ, СВЯЗАННЫЕ С РОЖДЕНИЕМ ДЕТЕЙ.

Положение замужней дагестанки в Турции, как и в Дагестане, во многом зависело и зависит от того, как скоро у нее появится первенец. На своевременное рождение ребенка были направлены, как уже говорилось, и некоторые обрядовые элементы еще во время свадьбы.

Если молодая женщина не рожала в течение полутора-двух лет, ее свекровь и мать начинали серьезно беспокоиться. В этом случае прибегали к помощи различных магических средств, обращались к знахаркам, повивальным бабкам, совершали пономничество к святым местам, на маза-ры.

Обычно женщина старалась скрыть свою беременность от окружающих. Объяснялось это боязнью сглаза и отчасти этическими соображениями.

Позднее будущей матери запрещают поднимать тяжести, заниматься тяжелым трудом.

Первые три месяца вынашивания плода, когда будущая мать проявляет разборчивость в еде, стараются удовлетворить все ее желания.

В целях защиты от бесплодия женщина приобретала у людей, совершавших хадж, амулеты.

С периодом беременности женщины был связан ряд запретов; им запрещалось смотреть на обезображенных и калек, на месяц любоваться невестами и др. Чтобы родился красивый ребенок, мать должна была есть гранаты, не раздавив при этом ни одного зернышка (с. Финдыжак). В противном случае на теле новорожденного якобы будут ро-

динки. Считается, что беременная женщина, убившая змею, может родить ребенка, который будет часто высовывать язык и т.д.

Большое значение придается магии, призванной обеспечить рождение мальчика. Чтобы у впервые рожавшей молодухи родился сын, ей дают подержать на руках маленького мальчика. Считая, что на пол будущего ребенка могут оказать магическое воздействие предметы, связанные с сугубо женскими занятиями, девушки избегают садиться на моток ниток или на веник.

Пол будущего ребенка стараются определить по внешнему виду живота беременной женщины. Если у беременной живот опущен книзу, она якобы родит девочку, а если подымается кверху — мальчика. В народе укоренилось мнение, что мальчик стоит во чреве матери на ногах. По словам наших информаторов из с. Гюней-кой, признаком рождения мальчика может служить наличие пигментных пятен на лице женщины. Если мать в период беременности хорошеет, ожидалось, что родится девочка.

По традиции роды у дагестанок Турции проходят в доме мужа так же, как и у большинства других народов Дагестана. Исключение составляли лакцы и некоторые группы аварцев, у которых для рождения первого ребенка женщина обычно уходила в дом родителей.²⁵⁵

В комнату, где происходят роды, никто не входит (особенно этот запрет касается бесплодных женщин). Муж на время родов должен покинуть дом. Видимо, это является одним из проявлений обычаев избеганий. Повитуха выносит ребенка показать свекру и мужу родильницы и получает от них вознаграждение.

Роженице после родов давали покушать молочные блюда, чай и “куракул каш”²⁵⁶.

Определенное значение в родильной обрядности дагестанцы и турки придают последу. Повитуха, вымыв его и присыпав солью, заворачивает в чистую тряпку и закапывает в хлев: так как это часть человеческого организма,

выбрасывать его не полагалось.

Примерно в течение десяти дней после родов роженицу навещают родственницы и соседи. Каждый посетитель приносит роженице и ребенку в подарок что-нибудь из вещей (еду, как это принято в Дагестане, здесь не приносят).

Послеродовый период также связан с определенной системой запретов. Например, сорок дней со дня рождения ребенка — период наибольшей сокращальной уязвимости роженицы и новорожденного. Дагестанцы здесь сорокодневье называют турецким словом “кырк”, в продолжение которого опасаются нападения Алкары. Злой дух Ал был общим для персов и турок. Для многих тюрко- и ираноязычных народов Средней Азии и Кавказа, татар, чувашей и других Ал известен под названием Алмасты, Альбарси, Албасты и проч.²⁵⁷ У лезгин его называют Аллаб.²⁵⁸

Чтобы защитить роженицу от Алкары во время родов ее одевают во что-либо красное, подкалывают под подушку иглу, или заносят в помещение одежду мужа, чтобы обмануть духа. Стремясь уберечь от него новорожденного, подвешивают лошадинную кость в комнате или подметают в ней пол метлой, которую предварительно держат над огнем.

По традиции дагестанцы в Турции дают детям имена наиболее чтимых предков, преимущественно по отцовской линии. Обычно имя дают через сутки или через три дня, либо в первую пятницу после рождения (вслед за пятничным намазом). В некоторых селениях (Султанис, Гюней-кой) новорожденный получает имя в день “праздника колыбели”, через неделю после рождения.

По словам наших информаторов, раньше имя ребенку давали устар или мулла селения. Тот или другой отправлялся в дом новорожденного после утреннего намаза, до восхода солнца, совершив омовение, он брал в руки младенца, и, обратив лицом к кибле, трижды над правым ухом произносил выбранное имя. В настоящее время имя дают сами родители. Если ребенок серьезно болел, ему ме-

няли имя. Родители, у которых дети до этого умирали, называли мальчика "Турсун" ("Пусть уцелеет"), а девочку — "Етер" ("Довольно умирать"). У дагестанцев, особенно во Внутренней Анатолии, ребенка нередко называли по священному месяцу или дню, например Мевлюд (родившийся в мевлид — день рождения пророка Мухаммеда), Раджаб, Рамазан. Часто для наречения выбираются имена Пророка, его ближайших сподвижников или родных: Мухаммед, Ахмед, Мустафа, Омар, Осман, Али, Хасан, Хусейн и др. У девочек часты такие имена, как Айша и Фатима (жена и дочь Пророка).

Определенное место в обрядности детского цикла занимают обычаи и обряды, связанные с появлением первого зуба у младенца. Увидевший у ребенка первый зуб одаривает младенца платком или бусами.

В двух-трехлетнем возрасте мальчики подвергаются обряду обрезания "суннат". Иногда обрезание проводится еще в периоде сорокодневья или же когда ребенку исполняется два-три месяца. Обычно раннему обрезанию подвергают мальчиков тех родителей у которых рождаются поздние дети. Считается, что в этом случае обряд предохранит ребенка от смерти и враждебного действия злых духов. Однако, бывают случаи, когда праздник обрезания откладывается до 12-14 летнего возраста, и эта отсрочка осуждается обществом. Чаще всего задержка происходит из-за значительных материальных затрат на суннат.

Проведение обряда обрезания, являющегося большим семейным праздником, требует большой предварительной подготовки: закупают материал для шитья новой детской одежды, заготавливают постельные принадлежности, продукты для угощения гостей и т.д. По сложившейся традиции в канун наступления праздника всех приглашают на церемонию угощения кофе. Непосредственно на праздник приглашаются музыканты с барабаном. Суннатчи (человек, производящий операцию) совершает операцию, кото-

рая часто сопровождается барабанным боем и коллективными молитвами. В некоторых селениях, например, в Султание, отрезанную плоть кладут на серебряное блюдо и обходят с ним всех присутствующих, собирая деньги. Имам молится Богу, чтобы ребенок был умным, богатым, счастливым и т.д., а присутствующие сопровождают его молитву возгласами "аминь".

Таким образом, со дня вступления женщины в брак и до самых родов, а также в послеродовой период вся ее жизнь и жизнь ребенка сопровождается рядом различных магических действий, обрядов и предохранительных мер.

Следует подчеркнуть, что обряды и обычаи дагестанской диаспоры, связанные с рождением ребенка, имеют много общего с аналогичными обычаями других народов Дагестана и Кавказа.²⁵⁹

4. ПОХОРОННО-ПОМИНАЛЬНЫЕ ОБРЯДЫ.

Наиболее консервативной стороной семейного быта дагестанцев в Турции, как и у многих других народов, является похоронная обрядность. В изучаемый период многие, издавна сложившиеся обряды и обычаи уже потеряли свое первоначальное содержание и претерпели значительную трансформацию. Хотя в целом современные обычаи и ритуалы, связанные с трауром, с потерей сородича, носят общесламский характер, в них сохраняются также элементы доисламских, в частности анимистических представлений.

Сохранность или исчезновение элементов традиционного цикла похоронных обычаев обусловлено в основном теми же факторами, о которых мы писали, характеризующими современные обычаи, связанные со вступлением в брак и рождением ребенка.

Если в семье больной находится в безнадежном состоянии, вокруг него собираются все его родные и стараются узнать последнюю волю умирающего "васет". Среди них

обязательно должен был присутствовать человек, умеющий читать суру Корана "Ясин".

В доме соблюдают тишину, чтобы не беспокоить умирающего. Считается, что умирающий не должен слышать плача, иначе смерть его будет тяжелой.

Как только человек умирает, мужчины покидают комнату, а женщины остаются. Они приводят в порядок его постель, руки складывают вдоль тела, а лицо направляют в сторону Кибла (местонахождение Мекки). Близкие следят за тем, чтобы покойнику закрыли глаза и рот, пока тело еще не остыло.

Умершего обмывают, как правило, в день смерти: мужчину — мужчины, женщину — женщины, знающие соответствующие молитвы. Каждый из обмывальщиков надевает на руки перчатки из бязи, чтобы голая рука не касалась трупа, считалось, что иначе болезнь может перейти к обмывающему.

После обмывания покойник облачается в саван (для мужчин — три слоя, для женщин — три-четыре слоя), на глаза, в уши и рот кладется вата.

Дагестанцы в Турции стараются завершить похороны, как и все народы, исповедующие ислам, в день смерти, до захода солнца; на следующий день похороны откладывают, если человек скончался вечером. Как и у других мусульман, у дагестанцев в Турции считается, что тело покойного жаждет погребения, этим объясняется поспешность захоронения. Могилу копают молодые мужчины под присмотром старших. Их труд оплачивается в размере от 100.000 до 200.000 лир каждому. Женщины хоронят глубже: даже после смерти она не должна находиться на одном уровне с мужчиной.

Покойника несут на кладбище в специальных носилках, застланных небольшим ковром. Под голову ему кладут подушку, сверху накрывают одеялом; умершую женщину покрывают белыми шальями.

Вносят покойника из дома головой вперед, чтобы он

не мог, по поверью, найти дорогу обратно: в противном случае в доме будет еще один покойник. Перед выносом тела мулла читает определенные на этот случай суры из Корана. Умершего несут на кладбище только мужчины. Процессия с носилками ненадолго останавливается у мечети, где мулла или кто-либо из уважаемых людей, отдавая дань памяти покойного, говорят о его заслугах и человеческих качествах. Затем джаназ²⁶⁰ вносят на кладбище и ставят у нижней части могилы, у которой несколько мулл по очереди читают молитвы. Затем покойника осторожно опускают в могилу, кладут на правый бок, лицом к Кибле, и засыпают землей. После окончания чтения молитв могилу накрывают мраморными плитами и поливают водой "для охлаждения души покойного". Этот и некоторые другие подобного рода обряды носят магический характер и связаны корнями, как уже отмечалось, с домусульманскими представлениями.

Вернувшись с кладбища все выстраиваются в ряд, и со словами соболезнования по очередижимают руки близким родственникам покойного.

Отдать последний долг покойнику и поддержать в горе его семью приходят соседи, родственники, друзья и все дагестанцы, живущие не только поблизости, но и из других селений и городов. Отсутствие на похоронах без достаточно уважительных причин вызывает резкое осуждение общества.

Повсеместно распространен обычай оказывать материальную помощь при похоронах бедным семьям; в таких случаях родственники, соседи и односельчане полностью или частично берут на себя необходимые расходы. В состоятельных семьях (например, в с. Гюней-кой) родные покойного одаривают деньгами и вещами тех, кто помогал при похоронах (особенно сирот и малообеспеченных).

Составной частью описываемого цикла являются поминальные обряды, требующие значительных затрат. Помишки устраивают на седьмой, сороковой день после смер-

ГЛАВА V. ОБЩЕСТВЕННЫЙ БЫТ

1. ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СТРОЙ.

За 70 с лишним лет существования Турецкая Республика прошла в своем развитии значительный путь. Отстояв в национально-освободительной борьбе 1918-1923 гг. политическую независимость, Турция под руководством генерала Мустафы Кемаля (Ататюрка) приступила к ускоренной модернизации — капиталистическому развитию, что, безусловно, отразилось на ее экономике, социальной структуре, политической надстройке. Национально-освободительная борьба и революционное выступление против феодально-теократического режима и власти компрадоров получила по имени вождя этой революции название кемалистской.

Облегчить решение поставленных грандиозных задач, по мнению кемалистов, должно было создание политической партии, что и было осуществлено в 1923 г.²⁶¹ Народно-республиканская партия (НРП), выражая интересы буржуазии, бюрократии, крупных землевладельцев, составила стою социальную базу из представителей практически всех классов. Идеологическая система кемализма состоит из четырех основ и шести принципов. Основами кемализма являются: родина, нация, республика, общественные права, а шестью принципами “шесть стрел” НРП — республиканизм, национализм, народничество, этатизм²⁶²⁻¹, лаицизм²⁶²⁻², революционность.²⁶³

Это была не только идеологическая система, но и отчетливо намеченный путь развития Турции в период ее серьезных преобразований. основополагающие принципы идеологии кемализма были сформулированы Ататюрком и реализованы не сразу, а по этапам.

На первом этапе, охватывающем период вооруженной борьбы, были выдвинуты и обоснованы такие принципы, как национализм, народничество, республиканизм. К тому

ти и через год. Дополнительные поминки по умершему родственнику устраивают в мусульманские религиозные праздники.

Односельчанами и друзьями траур соблюдается в течение трех дней, а родственниками до недели. Мужчины не надевают нарядных костюмов, не слушают музыку и не принимают участия в увеселительных мероприятиях. Женщины соблюдают траур строже и дольше, чем мужчины, носят белую одежду и обязательный платок “ургу”.

Этнографические наблюдения и полевые материалы по-

казывают, что почти во всех селениях, где проживают дагестанцы, в течение недели только мулла посещает кладбище и читает молитвы.

По истечении определенного времени умершему ставят памятник, вид которого зависит от материальных возможностей семьи. Почти на всех надгробных

плитах имеются надписи, содержащие не только имя умершего и его отца, дату смерти, но также и указывающие из какого селения он родом: “ругъжасса”, “магълисса”, “кьадаралдасса”, “кишаса”, “хаджалмахиса” и т.д.

По сведениям наших информаторов, обычай ставить на могиле памятник в наше время получил особенно большое распространение. При этом среди части населения отмечается стремление поставить памятник родственнику дороже и лучше, чем у других.

же периоду относится определение внешне-политического курса кемалистов, заключающегося в словах “мир — стране, мир во всем мире”.²⁶⁴

Второй этап охватывает годы ликвидации султаната, провозглашения Турции республикой (29 октября 1923 г.) и избрания Мустафы Кемаля президентом Турецкой Республики.

Были упразднены султанат и халифат (3 марта 1924 г.), т.е. ликвидирована феодально-теократическая монархия. Турцию объявили республикой, высшим органом власти страны стало Великое национальное собрание Турции. Религию отделили от государства, а школу от религии. Вакуфы — собственность мусульманских духовных учреждений, национализировали. Приняли европейские кодексы — гражданский, уголовный, коммерческий, шариат был отменен. Закрыли все религиозные школы-медресе. Запретили все виды религиозного обучения, в том числе изучение Корана в начальных школах. Ликвидировали дервишские ордена и монастыри. Провели реформу турецкого алфавита (1 ноября 1928 г.). Ввели григорианский календарь и европейское летоисчисление, днем отдыха вместо пятницы было объявлено воскресенье. Запретили ношение чалмы и фески. Из Конституции изъяли положение о том, что “государственной религией Турции является ислам”; Турция — светская республика.

Отменили все феодальные и духовные титулы, ввели фамилии. Была раскрепощена женщина: юридически ее признали равноправной с мужчиной, запретили многоженство. Женщина получила право избирать и быть избранной в парламент и местные органы власти, смогла снять чадру. Быть может, некоторые из этих реформ, с позиций сегодняшнего дня, могут показаться незначительными или непродуманными, но следует учитывать время и страну, где удалось провести эти реформы в жизнь. Новое турецкое правительство разработало планы экономического развития страны, но оно не затронуло базиса общества —

социально-экономических отношений. Кемалисты не решились, в частности, аграрного вопроса, оставив в неприкосновенности полуфеодальные отношения в сельской местности. Почти все революционные преобразования кемалисты сосредоточили в области надстройки, ограничившись изменениями административных, юридических, школьных и тому подобных норм и порядков. Единственная важная реформа, которую провели кемалисты в сельской экономике, это отмена аппарата,²⁶⁵ феодального натурального налога. Само слово “ашар” значит десятина, и по мусульманскому законодательству государство должно было взимать с крестьян десятую часть урожая. Но в Османской империи ашар был повышен до одной восьмой урожая. К тому же, султанское правительство, не сводившее концы с концами и вечно нуждавшееся в деньгах, отдало сбор этой “десятины” на откуп. Лица, обладавшие крупными денежными суммами, вносили в казну ашар за весь уезд, или даже за целую провинцию, наличными вперед и получали, таким образом, право собирать налог со всех местных селений. Эти откупщики, естественно, “не забывали себя” и, опираясь на подкупленных чиновников и жандармерию, выколачивали из крестьян ашар в размерах, достигавших половины урожая. Налоги буквально душили турецкое крестьянство. Каждый по мере возможности старался выкрутиться из создавшейся ситуации. Например, как нам рассказывали в Орта-тепе, под кизяком, под навозом прятали зерно. Был налог и на скотину; 65-летняя Айпат Сослан и 64-летняя Хадижат Гьундураджи рассказывали, что однажды слышали, что в комнате под одеялами спрятали ослицу выдав ее за больную старуху. Недовольство крестьян проводимой аграрной политикой могло достигнуть опасного уровня, поэтому отмена аппарата была вынужденной мерой республиканского правительства. Была упразднена откупная система. Вместо натуральной “десятины” ввели денежный поземельный налог. Все это существенно облегчило положение крестьян. Хронологически

этот этап охватывает 1923-1932 гг.²⁶⁶

Третий этап развития кемализма приходится на 30-40-е гг. и совпадает с периодом монопольного нахождения у власти НРП.

Четвертый этап относится к периоду после смерти Ататюрка. Этот период характеризуется активизацией реакционных сил в стране. Идет острая идеологическая борьба вокруг идейного наследия Ататюрка в условиях установления многопартийной системы и нахождения у власти Демократической партии (50-е гг.).

Пятый этап характеризуется новым осмыслением и трактовкой основных принципов, как и вообще всего идейного наследия Ататюрка, после государственного переворота 27 мая 1960 г. На этом этапе выдвигается понятие "подлинного ататюркизма" ("чрчек ататюркчюлюк"), подразумевающее борьбу против ущемления суверенитета Турции, экспансии в страну иностранного капитала.²⁶⁷

Почти каждому этапу развития кемализма соответствовали Конституции или важные законодательные акты, сыгравшие значительную роль в развитии турецкого общества. В апреле 1924 г. была принята первая Конституция Турции. Она с некоторыми поправками, внесенными в 1928, 1934, 1937 гг., действовала до мая 1961 г., когда была после государственного переворота принята следующая, вторая по счету Конституция Турецкого государства.

Военный переворот 12 сентября 1980 г. после почти двадцатилетнего перерыва²⁶⁸ завершил период Второй республики и положил начало новому этапу в общественно-политическом развитии Турции. Вставшая у власти военная верхушка, начав свою деятельность с широких мероприятий репрессивного характера, в дальнейшем первоочередное внимание уделяла проблемам турецкого государственного устройства.²⁶⁹

Одним из важнейших аспектов деятельности военного руководства на данном направлении стал пересмотр партийного законодательства. Исходным, и "системообра-

зующим" элементом государственного механизма остался парламент — Великое национальное собрание Турции (ВНСТ). Парламент избирает президента, тот в свою очередь, назначает подконтрольное парламенту же правительство и определяет состав высших судебных и некоторых других инстанций. Таким образом, от ВНСТ во многом зависит гармоничное функционирование, а также политическая и идеологическая ориентация всей государственной машины. Однако, сама позиция парламента определяется прежде всего характером представленных в нем политических партий и соотношением сил между ними.

Данный подход нашел систематическое детализированное выражение в положениях новой, уже третьей конституции Турецкой Республики, в Законе о политических партиях²⁷⁰ и Законе о выборах в депутаты парламента.²⁷¹ Задуманная военными партийная реформа предусматривала прежде всего существенную деполитизацию общественной жизни страны, которая позволила бы "локализовать" очаги политической борьбы; этому способствовали, в частности, установление довольно высокого возрастного ценза для вступления в партию — на уровне 21 года, распространение запрета на членство в партиях студентов ВУЗов и др. Все эти изменения, внесенные в Конституцию, можно рассматривать как прямой путь к предотвращению чрезмерной концентрации власти в руках политических лидеров. Именно на это была направлена, в частности, предусмотренная администрацией процедура предварительных выборов. В целом депутаты Меджлиса — это или сами капиталисты и помещики, или их представители, бюрократическо-технократическая элита, лица свободных профессий (адвокаты, врачи, журналисты, представители профсоюза "Тюок-иш" и др.). В Турции президент республики традиционно имеет чин армейского генерала (исключение составлял Дж. Баяр). Он имеет широкие полномочия,²⁷² которые складываются из многих компонентов сведенных в три группы — полномочия, связанные с законо-

дательной, исполнительной и судебной властями, и осуществляет связь между армейским командованием и государственным аппаратом.

Местное управление всегда носило весьма централизованный характер. До 50-х годов XX в. вся страна была разбита на 63 вилайета (губернии, области). Во главе вилайета стоял вали (губернатор), назначаемый центральным правительством. Вилайеты разделялись на казы (уезды), во главе казы стоял каймакам, назначаемый министерством внутренних дел. Казы делились на нахис (волости). Во главе нахис стояли мудирь.²⁷³ Как уже отмечалось, в нахия входили селения, во главе их стояли выборные "мухтары".

В настоящее время вся страна разделена на 67 вилайетов. Уже нет волостного деления и губернатор назначается министром внутренних дел. Например, такой крупный город, как Стамбул, представляет собой мини-модель местного управления. Здесь власть сосредоточена в руках губернатора, назначаемого министром внутренних дел. Вопросами городского хозяйства ведаёт муниципалитет (меджлис), избираемый жителями города сроком на два года. В административном отношении город разделен на 16 районов, управляемых каймакамами.²⁷⁴

Весь политический курс Турции подчинен одной цели — капиталистическое развитие путем решения экономических проблем. За это время капитализм, как общественная формация, занял господствующие позиции во всех отраслях и сферах экономики, стал приобретать или уже приобрел системообразующие функции. Это выразилось, в частности, в значительном росте общего объема национального производства, в опережающем росте продукции промышленности по сравнению с сельским хозяйством, в концентрации и централизации производства, в значительном росте влияния крупного капитала, в интенсификации сельского хозяйства и др.

Такого рода развитие экономического базиса, безуслов-

но, спроецировалось на эволюцию социальной структуры турецкого общества. Выросла и консолидировалась промышленная и сельскохозяйственная буржуазия, составив правящий класс турецкого общества. Наличие наряду с современным (капиталистическим) сектором и традиционного, сохранение полуфеодальных отношений обусловило сохранение и соответствующих традиционных (докапиталистических) социальных слоев и групп.

Для Турции сегодняшнего дня характерны, в частности, многочисленные группы городских и сельских мелких предпринимателей и других промежуточных слоев.

2. СИСТЕМА УПРАВЛЕНИЯ

Система традиционно сложившихся обычно-правовых, общественно-организационных и морально-этических взаимоотношений народа составляет его общественный быт.

В формировании системы управления у дагестанской диаспоры в Турции решающее значение имели особенности социально-экономического развития общества.

Структура современного турецкого общества, частью которой является и дагестанская диаспора, сложна: промышленный и сельский пролетариат, весьма неоднородное по своему социальному положению крестьянство, крупная и мелкая буржуазия города и села, "средние слои", интеллигенция, помещики и другие социальные группы, т.е. довольно разнообразный спектр турецкого общества, для которого характерны как контрасты и противоречия между его полюсами, так и наличие многих социальных групп со своими собственными экономическими и политическими интересами.

Турция — страна мусульманская; Турецкая Республика — государство светское — уже отсюда логически вытекает вывод о сложных взаимоотношениях в Турции между исламом и государством. За восемь с лишним веков своего господства на земле Турции ислам пустил глубочай-

шие корни. В османской державе мусульманство было больше, чем религия. Ислам пронизал всю жизнь своих приверженцев. Он охватывал не только быт, но и государственную-политическую, идеологическую, административную, феодалную, военную и судебную сферы деятельности.

Законодательство, юриспруденция, аппарат суда, армия, школа — все это действовало на основе принципов ислама. Шариат регулировал все поступки мусульманина не только с правовой, но и с морально-этической стороны. Кадий — мусульманский судья, судил и разбираал все преступления и проступки правоверного. Здесь, как и в других мусульманских странах, сложилась социальная группа священнослужителей. Шейх — уль-ислам, высший мусульманский богослов, имевший право толковать и религиозные каноны, и юридические положения шариата, был, по сути, верховным прокурором. Помимо этого, он ведал и делами просвещения, был как бы главным инспектором всех учебных заведений — от начальной до высшей школы. Ему подчинялись муфтии-богословы, прокуроры и инспекторы просвещения на местах, кадии — мусульманские (а следовательно, и государственные) судьи. Шейх-уль-ислам и другие улемы (богословы и законотолкователи) пользовались в стране важнейшей привилегией — личной неприкосновенностью.

Тем не менее, в исламе вообще и в турецком исламе, конкретно, не образовалось четко отграниченного от других социальных групп духовного сословия, особенно из низших слоев.

Имам и ходжа²⁷⁵ (должности совмещались, основное духовное лицо на местах), не являются платными служащими мечети. Он — лицо выборное, его выбирает община, на 3-5 лет в крупных селениях, но случилось и так, что некто Магомед-ходжа был ходжой (в мечети) всю жизнь в небольшом с.Кадырли (с.Кадырли), в Киреч-кое ходжой в разные годы были Аббас-ходжа, Тагир-ходжа, Таиб-ходжа, а в настоящее время ходжой выбрали турка Нажаати

Маммата.

Община же определяет ему и содержание, если избранный — человек малоимущий (что, впрочем, бывает редко), или назначает жалованье за труды, если выберут богатого. Принимает имам и приношения от членов общины при оформлении рождения ребенка, бракосочетания, при обряде похорон.

Теоретически имамом может быть любой человек из любой социальной среды — промышленник, торговец, простой крестьянин, ремесленник, рабочий. Главное, чтобы он хорошо знал догматы веры, Коран, обряды, умел вести общую молитву. Но все эти знания и навыки требуют обучения, а оно, конечно, более доступно людям состоятельным.

Не возникло в исламе и строгой иерархии духовенства, как например, в христианстве, хотя не будь кемалистской революции, этот процесс мог завершиться: ведь Шейх-уль-ислам стоял на вершине начавшей вырисовываться иерархической пирамиды (шейх-уль-ислам-кадий-муфтий-молла²⁷⁶-имам и ходжа).

Несмотря на многочисленные попытки реформировать существовавшие порядки, тесное сплетение религии и государственности затрудняло отделение религии от государства и школы от религии (секуляризацию). По существу необходимо было создать новые, свободные от исламских принципов, административный и судебный аппараты, юриспруденцию, светскую систему народного образования. Если в свое время младотурки ограничились реформированием шариата и созданием наряду с духовными школами школ светских, в которых, однако, очень много места отводилось преподаванию ислама, кемалисты, несмотря на целый ряд восстаний, пошли дальше — их реформы отделили ислам от государственных дел, закрыли “текке” и “завне” (обители дервишей), “тарикаты” (центры мусульманских сектантов), запретили посещать “тюрбе” (усыпальницы мусульманских святых). Запрещено

было и употребление духовных званий: халиф, шейх, дервиш, мюрид (последователь шейха), сейид (потомок Мухаммеда), челеби (глава дервишского ордена), вели, элия (титулы святых) и т.п. В этом же году комиссия во главе с историком Мехмедом Фуадом Кепрюлюзаде подготовила доклад о проекте реформ исламской обрядности. В нем было множество предложений (совершать молитвы на турецком, а не арабском языке, ввести музыкальное сопровождение при богослужениях в мечети, давать имамам и проповедникам — хатибам философское образование, совершать намаз стоя, отменить зекят и хадж), и естественно, что из всех этих предложений осуществлены были только два: в 1928 г. “хутпе” (пятничная молитва), а с 1932 г. “эзан” (призыв на молитву) звучали по-турецки. Реформы не уничтожили влияния ислама в стране, они лишь ослабили его. Само турецкое государство, являющееся по конституции светским, финансирует из своего бюджета мусульманские учебные заведения, издание учебников по исламу, другой религиозной литературы. Возродив религиозное обучение, оно выдает государственные дипломы о высшем и среднем образовании преподавателям ислама, имамам и хатибам, составляет учебные планы по преподаванию ислама в светских школах. В последние два десятилетия в Турции оживилось и сектантство. Активизировали свою деятельность старые секты (дервишские ордена-накшибенди, мевлеви, бекташи, тиджани и др.), появились и новые — сулейманджи, нурджу, вахабиты.

Обычаи ислама и европейские нововведения, остатки исламских поверий и привычки прежней кочевнической жизни, древние земледельческие традиции, плюс ко всему пестрота этническая, естественно-географическая и зональная — образуют своеобразный kaleidoscope турецкого быта, составной частью которого является и быт дагестанской диаспоры, пропустившей через себя все эти реформы и административно-государственные перестройки.

Светскую власть на селе представляет мухтар (старо-

ста), которого выбирают из двух-трех кандидатов. Это целая предвыборная борьба. Рассказывают, что в прошлом обязанности старосты по очереди выполнялись на общественных началах. Вместе с четырьмя старейшинами он решал все проблемы жителей селения (путем голосования).

У мухтара довольно много забот: он обязан подавать в город различные статистические сведения, следить за призывом односельчан в армию, проводить подготовку к выборам в местные и центральные органы власти, собирать деньги в сельскую общественную кассу, встречать официальных лиц, прибывающих из города по каким-либо делам, и т.д. До 50-х гг. мухтар следил также за порядком выполнения отработок государству: каждый совершеннолетний (18 лет) должен был 12 дней в году отработать на различных дорожных или других работах. Мухтар должен удовлетворять и еще двум условиям: быть хотя бы минимально грамотным (ему приходится иметь дело с документами) и зажиточным (чтобы принять и угостить как подобает важных лиц, которые могут приехать по делам из города). Его труд оплачивается государством.

При старосте функционирует совещательный орган — Совет старейшин (“ихтияр хейети”), или, как его еще называют “азалал”, из двух человек, обсуждающий сообща наиболее важные вопросы жизни селения. Если мухтар в настоящее время может быть иногда и не местным, то в Совет старейшин, конечно, входили только жители данного селения.

И в прошлом, и в настоящее время азалы выступают как посредники (“маслигъат чи”) при решении спорных вопросов, не имеющих уголовную подоплеку.

Наблюдая и слушая информацию об этой стороне быта дагестанской диаспоры, удалось установить, что селение, как и у нас в Дагестане, представляет здесь собой общину, в которой действуют приблизительно те же порядки, что существовали у нас до начала XX века.²⁷⁷

Все пахотные и другие обрабатываемые земли в Тур-

ции являются, как правило, частной собственностью отдельных крестьянских семей (исключение составляет помещичье землевладение — чифтлик), тогда как пастбища и луга, номинально являясь государственными, фактически остаются в пользовании всего селения (и считаются общинными). Исследователи, однако, отмечают, что еще до 1930-1940-х гг. в некоторых селениях Восточной Анатолии существовала общинная собственность на пахотные земли, которые периодически, через определенные промежутки времени, подвергались переделу.²⁷⁸

Однако более характерным и более привычным для дагестанской диаспоры являлись именно те правила, которые определяли общинное пользование пастбищами при частной собственности на свой, пусть небольшой, мюльк. Повсеместно существовали порядки, регулировавшие общинное землепользование, обуславливающиеся, как объясняют для Дагестана исследователи,²⁷⁹ своеобразными соотношениями между общинной и частной собственностью в условиях земельной тесноты и особенностями хозяйственной жизни. Среди них особое место занимает сервитутное право, известное повсеместно в Дагестане²⁸⁰ и характерное для Турции.

Хочется отметить, что при явном имущественном расхождении, имевшем место в дагестанских селениях на территории Турции, здесь, как и на большей территории Дагестана, в социальном отношении они были равны (свободные общинники). Возможно с этим связано то чувство собственного достоинства, которое позволяло им быть в глазах окружения уважаемыми людьми. Как рассказывают, черкесы, живущие по соседству с с. Киречкой и Орта-тепе, когда нужно было украсть девушку, обращались к дагестанцу; без дагестанцев черкесы свадьбы не играли.

3. ОБЫЧАЙ ВЗАИМОПОМОЩИ.

Одними из интереснейших вопросов общественного быта являются обычаи и обряды, сохранившиеся и в настоящее время вопреки процессам вселенской нивелировки всего традиционного. К таким относится и обычай взаимопомощи (“имедже”), дагестанцы в Турции сохранили для него известное в Дагестане название “гвай”.²⁸¹ Ничего удивительного, что “гвай” в среде диаспоры сохранился нет, т.к. в Турции этот обычай имел очень большое значение, о чем в частности, говорит бытующая здесь поговорка: “Одна рука — ничего, две руки — трудно, три руки — имедже”. Термин “имедже” известен еще со времен Византийской империи и означает “половинить”, т.е. “принимать участие”, “помогать”.²⁸²

Образ жизни, хозяйственная направленность, стародавность традиций коллективизма создали условия для распространения в среде дагестанской диаспоры всех известных в Турции видов взаимопомощи. Взаимопомощь распространялась на многие сферы жизни общества и была большим подспорьем для семьи, т.к. она всегда могла рассчитывать при необходимости на поддержку родственников и односельчан при хозяйственных работах, в случаях свадебных приготовлений, похорон т.д.

Наиболее распространенным видом взаимопомощи является “ортаклик”, известный в литературе как супруга,²⁸³ когда во время пахотно-посевной компании объединяются два-три хозяйства. Объединение возникало в результате недостатка рабочего скота в каждом из них, а также изредка и инвентаря. Эти две семьи, основываясь на обычном праве, заключают соглашение, которое предусматривает определение долей участия. Такое соглашение обычно заключают на год.

Так же называется договор двух-трех семей о совместной уборке урожая.²⁸⁴ Кроме этой формы, существует коллективная уборка урожая с поля старосты или богатого

землевладельца. При уборке урожая с их полей на работу выходит все население (до 100-150 человек). Перед началом работы из наиболее искусных жнецов выбирают распорядителя “эглерджибани”, который и задает тон. По традиции эта работа обставляется как мероприятие веселья и эмоциональной приподнятости. Хозяин поля обязан был приготовить хороший обед и праздничный ужин. На ужин часто приглашались и музыканты.²⁸⁵ В с.Финдыжак Сабир-а Ожар, Умукюсюм Эзер, Эмина Ожар вспоминали, что при коллективном сборе урожая работающие подзадоривали друг друга импровизированными частушками, при этом отмечали, что начинали петь на даргинском, а затем переходили на аварский язык. В начале уборочной страды (“айна вазият”) каждый хозяин совершал жертвенные раздачи — садакья. Здесь мы наблюдаем остатки древней земледельческой традиции — праздника уборки урожая, который был широко распространен почти у всех земледельческих народов,²⁸⁶ и, по всей видимости, в обрядовом отношении обставлялся более красочно.

В районах возделывания винограда все односельчане весной по очереди окапывают виноградники друг друга. В хлопководческих областях, где на окучивание выходили трижды в течение лега, работу производят сообща, переходя по очереди с поля одного хозяина на поле другого. Во время работы хлопкоробы поют особые песни, совпадающие с ритмом работы.²⁸⁷ И в этих случаях хозяин поля угощал помогавших ему людей. Необходима была помощь односельчан и родственников и при заготовке дров на зиму; это чисто мужская работа. Женщины помогали друг другу при заготовке бульбура, лушении кукурузы, очистке нухута (“нухут-гвай”). Любая коллективная работа сопровождалась шутками, весельем, розыгрышами и проч.

В Орта-тепе, где был развит войлочный промысел, по договоренности собирались женщины, которые часами мыли, сушили, затем вяляли шерсть.

В Орта-тепе, Киреч-кое, женщины собирались на “квас

ч’валеб гвай” — взаимопомощь по чесанию шерсти. Друг у друга по очереди собирались и ткали хурджины (“чувал”) и мешки (“сехлеме”). Рассказывают, что в старину женщины собирались к мастерице, которая шила овчинные шубы “т’имугъ”. На некоторые виды женских работ допускались и мужчины. “Бывало, что именно в таких местах и любовь возникала” — говорят наши информаторы и очень сожалеют, что сейчас многое безвозвратно ушло в прошлое. Очень распространенным видом трудовой взаимопомощи, еще не потерявшим свою актуальность, является участие родственников и односельчан в строительстве дома, особенно при закладке фундамента.

Почти на все виды трудовой взаимопомощи, люди, особенно молодежь, шли как на праздник.

Коллективный характер носят и общественные работы: ремонт и строительство мечетей, гостиных домов, мостов, дорог, очистка или строительство источника воды (“чешме”), рытье артезианских колодцев, поддержание в порядке оросительных систем и т.д. Общественные трудовые мероприятия также проводятся весело, вскладчину устраивается угощение; мухтар в конце работы обязательно отмечает особенно отличившихся.

Помимо названной выше, крестьяне оказывают друг другу помощь во время различных торжеств: по случаю свадьбы, рождения сына, обряда обрезания, приезда отсутствовавшего значительное время члена семьи и т.п. Мужчины помогали в организационных хлопотах, женщины в приготовлении свадебной пищи, каждый из участников торжества оказывал и посильную материальную помощь, в основном продуктами питания (зерном, мукой, маслом и т.д.). Каждый к тому же старался в меру своих способностей поддержать на торжестве веселье, хорошее настроение, чувство довольства присутствующих друг другом. Обычай совместных проводов в армию (“силахI хизме”) зафиксирован нами в Финдыжаке и Орта-тепе. Новобранца провожают всем селением за пределы округа, тут же раздают

хлеб с халвой, и каждый, в меру своих возможностей, прощаясь, дарит ему деньги. По воз-

вращению (через 1,5 года) его так же всем селением встречают за околицей, устраивается праздник, и почти в течение месяца молодой человек обходит всех односельчан, нанося визиты вежливости.

Обычай взаимопомощи, известный почти во всех странах мира в той или иной форме, очень распространен и в Дагестане. Появившийся в недрах господства родовой общины и отражавший общинный характер взаимоотношений, он играл положительную роль. Его роль не ограничивалась функциями решения материальных и трудовых проблем, он сближал и сплачивал людей. Возможно поэтому в сельской местности, где практикуется и сохраняется этот обычай, люди живут общими заботами и крепко держатся друг за друга.

Однако следует отметить, что чрезмерно идеализировать этот обычай было бы не совсем верно. В социально и имущественно неоднородной среде он нередко выступал как форма завуалированной эксплуатации беднейших и средних слоев населения зажиточными.

4. ГОСТЕПРИИМСТВО И КУНАЧЕСТВО.

Говоря об общественном быте, нельзя не отметить один из важнейших вопросов социальных взаимоотношений — традиции гостеприимства. Являясь по своей природе универсальным явлением, оно характерно для общественной жизни всех народов. Обычай гостеприимства один из самых стойких обычаев и у народов Дагестана,²⁸⁸ как впрочем и Кавказа в целом.

Свято соблюдается он и в Турции. Уже в организации пространства в жилище ощущается влияние обычая гостеприимства. Оно разделено на женскую и мужскую часть, где мужская называется “салямлик”, т.е. место, где хозяин принимает гостей, здоровается с ними. Еще больше подчеркивает гостеприимство турок наличие в доме гостевой комнаты “мусапир ода”, а в самом селении бесплатной гостиницы “мусапир хана”. Ни одни уважающий себя турок не опустит гостя без угощения, хотя бы и самого скромного — чашки чаю, кофе или стакана айрана. У турок так же соблюдаются обычаи куначества, который для народов Дагестана является неотъемлемой частью общественного быта.²⁸⁹ Эти традиции, переданные устно или на жизненных примерах и подкрепленные существовавшими в Турции порядками, прижились, сохранились и свято соблюдаются в среде дагестанской диаспоры. Как и в Дагестане, кунаки поддерживали дружеские отношения, возникшие в результате постоянных контактов первоначально на деловой или какой-нибудь другой основе, а затем вошедшие в привычку и необходимость общаться. Кунаки оказывали друг другу помощь и услуги, взаимно участвовали во всех семейных событиях (свадьба, смерть члена семьи, строительство дома и т.д.). Приезд гостя в дом был достаточно примечательным событием, а в честь приезда купака хозяин устраивал торжественный прием, с музыкой, танцами и богатым угощением.

Обычай гостеприимства — это один из способов гар-

моничного сосуществования людей различной национальности, один из механизмов взаимовлияния и взаимообогащения культур.

Дагестанцы в Турции в общественной жизни придерживались тех правил и норм жизни, которые были усвоены у десятков поколений предков. В этом отношении обычаи гостеприимства и куначества не составляли исключения. По отношению к гостю хозяин, принимавший его, выполнял все обязательства, которые можно объединить в одну фразу: "Все лучшее — гостю": лучшие условия, лучший стол, лучшая постель и т.д.

Зная возможности хозяина, его родственники, друзья и односельчане несли к нему в дом все, что так или иначе могло понадобиться для оказания гостю надлежащих почестей. За честь, жизнь и имущество гостя ответственность несли не только хозяин и его ближайшие родственники, но и вся община в целом. Всеобщему презрению подвергся бы тот, кто посмел оскорбить гостя; позор ложился и на семью хозяина, который не сумел уберечь гостя от оскорбления, и на все селение.

Защита гостя и ответственность за него рассматривались как законы чести, соблюдение которого было более обязательным, чем по отношению к родственнику.

Как и гостеприимный хозяин, выполнявший неписанные обязательства, гость так же должен был соблюдать определенные правила, выражавшие его уважение к местным жителям и к хозяину, к местным традициям и обычаям.

Приглашал в дом гостя мужчина, глава семьи. Однако в Дагестане в отсутствие мужа хозяйка могла принять кунака (между просто "гостем" и "кунаком" существовала принципиальная разница, на которую указывают многие авторы²⁹⁰), пригласив на роль отсутствующего хозяина кого-либо из его родственников. Такая компромиссная форма гостеприимства, в условиях строгих поведенческих правил, найдшая и получившая распространение в Даге-

стане, была неприемлема в условиях Турции, где существовала более жесткая половая сегрегация, санкционированная религиозной моралью. Соответственно, этот порядок был принят и в среде дагестанской диаспоры.

Следует учитывать, что дагестанцы живут среди ту-рок, в обществе, полном социальных контрастов. Образ жизни, образ мыслей, манера поведения, привычки, все, что составляет основу поведенческих и оценочных ориентаций, — весьма различно у представителей различных социальных слоев и групп (рабочих, предпринимателей, буржуа и т.д.), независимо от их национальной принадлежности. При всем радушии и уважительном отношении людей к гостю, впервые попавшему в дом, следует помнить, что отправляясь в путешествие, не излишне запастись рекомендациями. На психологическом облике народа отражаются все повороты истории. Они сглаживают одни черты, обостряют другие, порождают третьи.

К такому порождению витков истории относится местная неприязнь к иностранцам-иноверцам, которая в последние десятилетия стала затухать и почти не прослеживается, но сквозит в подтекстах разговоров. В этом нет ничего удивительного: неприязнь к иностранцам прививалась туркам веками. "Иностранец" ("ябанджи") и "неверный" ("гяур") стали в сознании ту-рок синонимами еще при султанах, а вековая привычка исчезает не скоро. Следствием этой привычки здесь является некая настороженность по отношению к чужеземцам. И это не только отголосок старой религиозной неприязни, скорее это привычка смотреть на чужеземца с Запада, как на агрессора-колонизатора. Это все отголоски, а реалии таковы, что в настоящее время в сельской местности любой человек, пришедший с добрыми намерениями, будет принят самым лучшим образом. Люди дошли до понимания, что гостеприимство — это очень удобная форма человеческих взаимоотношений, средство межнационального общения и фактор взаимовлияния культур.

5. ОБЫЧАЙ КРОВНОЙ МЕСТИ.

Одним из древнейших обычаев, которые и по сей день соблюдаются в турецком обществе, является обычай кровной мести. Он был наследием родового строя и в значительной степени выступал одним из регуляторов общественных отношений на определенной стадии исторического развития общества у многих народов мира, в т.ч. и у народов Дагестана.²⁹¹

В Турции кровная месть неписанный, но “железный” закон живущих здесь турок, курдов, лазов и др. Турецкий уголовный кодекс предусматривает суровое наказание за убийство из побуждений кровной мести: 15 лет тюрьмы или даже смертную казнь при особо отягчающих обстоятельствах. Тем не менее, это одна из норм мусульманского и обычного права, которая вопреки государственному законодательству соблюдается наиболее усердно. Как отмечает М.Н. Серебрякова, “ни одно турецкое правительство не предприняло серьезной попытки пресечь ее, в районах, прилегающих к Черному морю, около 700 человек в год погибает вследствие кровной мести.”²⁹²

В отличие от дагестанского²⁹³ и северокавказского²⁹⁴, по турецкому обычному праву за пролитую кровь нельзя откупиться денежным или материальным возмещением, т.е. “дият” (“цена крови”) у них не практикуется; кровь смывается только кровью. Кровная месть — “кан гютме” — эти слова порождают ужас и атмосферу страха во всем обществе, где произошло кровопролитие. Семейные, родственные узы имеют для турок очень большое значение. В семьях (даже городских) царит строгая и четкая иерархия снизу вверх, от младшего к старшему, от женщины к мужчине.²⁹⁵ Соответственно, круг лиц, на которых ложится долг мщения, также подчиняется определенному порядку — сын или брат убитого — первые, кто должен отомстить убитому и его роду. Семья, патриархальный клан, как бы жертвуют одним из своих родственников, делая его орудием

мести. “Кровники — мужчины из враждующих кланов или семей, ходят вооруженными с головы до ног. Месть может таиться и вынашиваться годами, чтобы однажды вдруг обернуться для своей очередной жертвы неожиданной смертью от пули или удара кинжалом в поле, во дворе собственного дома или даже в мечети.”²⁹⁶ Дагестанцам, которые считают себя не столь ревностными мусульманами, как принято считать турок, последнее кажется особенной дикостью, хотя турки могут себя оправдывать тем, что кровная месть одобряется Кораном.²⁹⁷ Если в Дагестане круг людей, на которых распространяется месть, жестко ограничен, в Турции она напоминает корсиканскую вендетту, которая не щадит ни стариков, ни детей. Однажды в турецкой деревушке на северо-западе Анатолии произошло настоящее побоище. Трое мужчин — отец и два его сына — ворвались в дом и перебили всех его обитателей, не пощадив ни стариков, ни малолетних детей. Так была поставлена последняя кровавая точка в длинной серии убийств из-за кровной мести, продолжавшейся двадцать лет.²⁹⁸ В Восточной Анатолии была прекращена кровная месть, продолжавшаяся 60 лет. С обеих сторон погибло около 50 человек.²⁹⁹

Отомстившая семья не скрывает ликования. Осуществившего месть чувствуют, с благоговением целуют пальцы, державшие оружие мести. И не очень задумываются над тем, что акт безжалостной бойни, сделав еще один виток, продолжает раскручиваться: родственники убитого надевают траур и готовятся к ответной мести.

Многие кровники, гонимые страхом мести, пытаются найти убежище в городах, надеясь затеряться в многоликой толпе. Иногда целые кланы в поисках спасения переселяются с одного конца Турции на другой, но жесткость правил продолжает цепь убийств. Бывало и так, что убийца, совершивший акт мести, прибегал в прошлом к покровительству местного влиятельного лица — помещика, шейха. Но чаще всего, особенно сейчас, убийца добровольно

сдается властям, надеясь за стенами тюрьмы схорониться от пуль и ножей родственников убитого; смертная казнь при добровольной сдаче преступника не применяется. Однако, память у кровников долгая и он рискует снова стать жертвой мести.

Рассказывают, что лет двадцать назад один турок убил своего односельчанина на почве мести и сразу же отдал себя в руки правосудия. Отсидев 15 лет в тюрьме, он решил вернуться домой, но еще по пути был выслежен братьями убитого. Убив своего кровника, братья тоже сдались властям.

Учитывая, что по закону ребенок несет более легкое наказание, чем совершеннолетний, отец часто завещает своим малолетним сыновьям выполнить долг кровной мести; родственники тоже нередко принуждают несовершеннолетних детей стать исполнителями мести. Турецкий писатель Яшар Кемаль в очерке "Сыны Анатолии" пишет: "Часто дети убивают взрослых. Это даже становится традицией. Крестьянин смекнул, что закон к ребенку снисходителен. Я знавал людей, которые давали пистолет пятилетнему карапузу и несколько лет обучали его стрельбе. Двенадцатилетний подросток стрелял так, что бил летящую птицу в глаз, бегущего зайца в пятку. Его последней мишенью становился "кровник".³⁰⁰ Под Анкарой есть специальный детский исправительный дом, где около сотни ребят в возрасте 11-15 лет отбывают наказание за убийство на почве кровной мести."³⁰¹

Однако, все же существует способ положить конец кровавой тяжбе между двумя семьями: для этого семья, которая последней совершила убийство, должна выдать девушку замуж в семью убитого. При этом говорят: "Смешать кровь — значит смыть кровь". Только такая плата за пролитую кровь считается турецким обычным правом достаточным возмещением.³⁰² Однако абсолютный мир и согласие воцаряются между враждующими сторонами только в случае, когда невестка родит сына. А если нет — враж-

да может вспыхнуть снова.

Собранный в среде дагестанской диаспоры материал свидетельствует, что обычай кровной мести, в том ужесточенном виде, в каком он существует в Турции, дагестанцы не приняли. Они сохранили традиционные для Дагестана порядки: дият, уход в канлы, примирение. Последнее не обставлялось особыми обрядовыми действиями и происходило вснародно. В случае состоявшегося примирения убийца мог даже оставаться в селении, не рискуя быть убитым, т.к. общественное мнение осудило бы возвращение к вражде. Смена места жительства была при этом делом добровольным; уйти мог сам убийца, оставив семью и ближайших родственников на месте. Практиковалось и братание кровников ("бидул вадал"). Под давлением общестственности взаимная месть прекращалась в кратчайшие сроки. Община трилагала усилия к решению проблем, связанных с убийством и кровомщением, собственными силами, не обращаясь к официальным властям. Из турецких порядков был воспринят только обычай "смешивать кровь" путем брака, он был им знаком по Дагестану.³⁰³

Как считают исследователи, жестокие пережитки кровной мести находят благоприятную почву среди большей части населения Турции не только с благословения Корана, но и потому что этот обычай не был чужд и доисламскому тюркскому обществу. В китайских документах, касающихся установлений семейного права у тюрков туто, например, говорится: "... они наказывают смертью тех, кто совершает убийство или насилие над замужней женщиной"³⁰⁴. Иначе говоря, нормы существующего обычая как бы пересекаются с установлениями старинного обычного права тюрков.

Что же касается дагестанской диаспоры, которая не восприняла этот обычай в той форме, какой он существует в Турции, то это скорее связано с инстинктом самосохранения, стремлением максимально придерживаться "кодекса предков", столь характерным всем народам, живущим на

чужбине, в иноэтническом окружении. Легко и просто воспринимается только то, что помогает выжить, и частично или абсолютно отвергается все, что может помешать выжить в непривычных условиях.

6. ОБЩЕСТВЕННЫЕ ПРАЗДНИКИ И ОБРЯДЫ.

На формирование общественного быта, на характер взаимоотношений людей оказывает влияние сложная система обычаев и обрядов, возникновение и содержание которых определяются характером трудовой деятельности, образом жизни, уровнем культурного развития, природной средой. Эта система является проявлением социального творчества людей, этических и эстетических взглядов, мировоззренческих убеждений на определенном этапе развития общества.

Как уже отмечалось, Турция — государство светское, но образ жизни в ощутимой степени продолжает формироваться под влиянием ислама. Подавляющее большинство граждан сунниты. Отдельные группы турок на востоке страны, незначительная часть курдов, некоторые племена юрюков и туркмен, еще не слившиеся с основной массой турецкого населения (приблизительно 5-6 млн. человек)³⁰⁵ исповедуют шиизм, их в Турции называют “алеви”, т.е. последователи Али. Образ жизни, быт, т.е. все мирские дела, почти повсеместно привязаны к религии: брак, рождение, похороны и др.; главные праздники так же связаны с ней.

Один из них — “Шекер-байрам” (“сладкий праздник”, известный у нас как “Ураза Байрам”), — день окончания поста, продолжавшийся весь Рамазан — девятый месяц по мусульманскому календарю. Сам пост по-турецки называется “оруч”, но иногда его называют и по названию месяца — “Рамазан”. В сельской местности постятся все поголовно, в городах — большинство.

Днем в крупных селениях, в провинциальных городках большинство столовых, закусочных, кафе, ресторанов зак-

рыто. Не торгуют даже палатки на базаре, в которых обычно можно купить пирожок, бутерброд или другую нехитрую снедь.

По предписанию ислама, пост не обязателен лишь для больных, престарелых, для беременных и кормящих грудью женщин, для тех, кто находится в пути или вдали от родного дома. Отменяется пост и для участников военных действий. Крайне предосудительным считается потребление во время рамазана спиртных напитков. Владельцы магазинов и лавок на целый месяц убирают с полок водку и вина. Все бары закрываются, бармены уходят в отпуск. Те же, кто не соблюдает пост, стараются есть, пить, курить так, чтобы не было на виду у постящихся, не вызвало бы у них раздражения и осуждения.

Считают, что происхождение поста уходит в доисламские времена. Древние арабы в числе прочих божеств почитали и луну. Один из месяцев года — рамазан — был посвящен ночному светилу: по ночам, когда на небе светила луна, в честь ее устраивали коллективные трапезы, а днем постились. Существование поста до ислама подтверждается и Кораном: “Предписан вам пост, как предписан он и тем, кто был до вас.”³⁰⁶

Вечером об окончании дневного воздержания оповещают по радио и телевидению, вечерний призыв к трапезе (“эзан”) транслируется по всем каналам. В прошлом об этом возвещал выстрел из пушки. Начинается вечернее разговение — “ифтар”. Улицы пустеют. На трапезу часто собираются компаниями: общий стол устраивают группы родственников, соседей, знакомых. В провинциальных городах официальные учреждения изменяют даже часы работы, чтобы дать постящимся возможность успеть к вечерней трапезе.

В городах вечера рамазана чем-то похожи на новогоднюю ночь. С наступлением темноты вспыхивает иллюминация. Электрические лампочки, висящие на проводах, натянутых между минаретами над куполами мечетей, обра-

зуют световые надписи, призывающие правоверных быть богобоязненными, добродетельными, не поддаваться греховным искушениям и т.д. После окончания домашней трапезы народ снова высыпает на улицы. Кому по карману, тот продолжает застолье в шашлычных, кофейнях, закусокных, менее состоятельные довольствуются прогулкой по улицам. Вечером при свете фонарей (а в прошлом, как рассказывают, керосиновых ламп, свечей и даже лучины) возобновляется торговля вразнос с тележек и лоточков. Торгуют фруктами, орехами, миндалем, фисташками и др. Особой популярностью пользуются очищенные дольки дынь, арбузов, свежих огурцов. До поздней ночи не стихает ночное оживление. За два часа до восхода солнца на улицах раздастся бой барабана, оповещающий о том, что настало время “сахур” (еда на заре) — последней трапезы перед началом дневного поста. Раз в неделю, уже днем, эти барабанщики в сопровождении музыканта, играющего на зурне, совершают обход домов и собирают с обывателей денежную мзду — “бахшиш” за свой предрассветный труд в месяце рамазан.

Последние дни поста посвящены генеральной уборке в жилых домах, учреждениях, общественных зданиях. Вся страна напоминает огромный рабочий улей — всюду идет стирка белья, мытье окон, дверей, очистка улиц и т.д. Муниципалитет следит, чтобы был собран мусор, обновлены и покрашены стены домов.

В сельской местности женщины красят хной волосы, ладони, ступни. Так начинается подготовка к трехдневному празднику разговения, которым завершается пост.

Характерная черта праздника — обмен подарками, покупка обновок, взаимные угощения всевозможными сладостями: конфетами, засахаренными фруктами, рахат-лукумом, сладкими пирожками т.д.

В селениях, где живут дагестанцы, помимо всего обязательно готовится халва, натлух из конопли, тыквенных и абрикосовых косточек, другие национальные блюда.

В дни Шекер-байрама идет обмен поздравлениями и визитами, на улице при встрече соседи и знакомые поздравляют друг друга с праздником. Молодые люди приветствуют старших, целуя при этом руку. Друзья и знакомые ходят друг к другу в гости целыми семьями и обязательно с детьми.

В городах домашняя прислуга, портье, лифтеры, официанты и т.д. поздравляют своих хозяев, выражают им свое почтение и преподносят символический подарок — коробку рахат-лукума или конфет. Подчиненные наносят визиты своим начальникам, младшие старшим — и обязательно с подарками.

В последний день праздника семьями посещают кладбище, возлагают венки на могилы родственников (новый обычай, возникший в начале века) и раздают подаяния. На средства, полученные от имущих людей, общество благотворительности в сельской местности, муниципалитеты в городах организуют раздачу муки, сахара, небольших сумм денег бедным семьям; чем больше состоятельных людей живет в селении, тем больше объем раздач.

Кроме добровольных подаяний, сделанных во время Шекер-байрама и Курбан-байрама (о котором будет сказано ниже), согласно исламским канонам каждый богатый мусульманин должен отчислять на благотворительные цели 1/10 часть своих доходов — “зекят”. В последние годы отчисление зекята многие приурочивают именно к Шекер-байраму.

Один из наших информаторов из Гюней-коя жаловался, что надеясь на зекят, многие бедняки разленились, не хотят обрабатывать землю, чураются всякой работы. Все из-за того, утверждал он, что бедных в селении меньше, чем богатых, соответственно, на суммы и средства, полученные ими в праздник, можно безбедно просуществовать целый год. Возможно он и прав относительно Гюней-коя, но таких селений немного. Для большинства же бедных семей и сирот подобная материальная помощь является хоть

и хорошим, но подспорьем.

Хочется отметить, что лет 10-15 назад Шекер-байрам отмечали торжественней, веселей и зрелищней. Не удивительно, что этот праздник очень нравился детям: для них на площадях и пустырях устанавливали карусели, сооружали качели, заезжие труппы бродячих актеров устраивали представления и др. Вместе с детьми веселились и взрослые. В провинциальных городках или селениях бродячие актеры устраивали спектакли теневого театра. Основными персонажами таких представлений были Карагез (персонаж, типа Молла Насретдина) и Хадживат (хващливый болтун).

Сейчас многое упростилось. Ритм жизни мешает людям расслабиться как следует и отдохнуть.

Через десять недель после Шекер-байрама наступает главный мусульманский праздник — “Курбан-байрам” (“праздник жертвоприношения”), который длится четыре дня.

Каждый мусульманин, обладающий достатком, обязан совершить обряд жертвоприношения, зарезать козу, барана, корову или верблюда — в зависимости от достатка. Происхождение праздника связано с легендой, которая почти полностью совпадает с известным из Ветхого завета сюжетом о жертвоприношении Авраама. Мусульманский вариант гласит, что прародитель Ибрагим так был предан Аллаху, что вознамерился принести ему в жертву своего сына, но Всевышний велел ему заколоть вместо любимого ребенка ягненка. Этот миф, возможно, символизировал отказ от человеческих жертвоприношений, практиковавшихся ранее у далеких предков арабов.

Накануне Курбан-байрама города заполняют стада овец. Рога их часто покрыты позолотой и обвиты лентами, иногда и шкура разрисована краской. Их продают на специально отведенных площадях или рынках. В сельской местности, в ее определенной части, открывают распродажу скота, чтобы приехавшие на праздник горожане могли

купить жертвенное животное. Сами же сельские жители заранее определяют жертвенное животное и специально его откармливают. Считается, что во время Курбан-байрама по всей стране забивается до полумиллиона животных. Часть мяса полагается раздать беднякам и нищим, устраивается обильное угощение для соседей и знакомых. В эти дни города почти пустеют: все, у кого в селении есть дом, близкие родственники или их могилы, отправляются туда и совершают сбряд жертвоприношения.

Отмечают в Турции и другие праздники. Это ночные праздники: ночь зачатия Пророка (“регаиб”); ночь его рождения (“мевлод”); ночь откровения, когда ему была ниспослана весть о его пророческой миссии (“берат”); ночь предопределения, когда Коран спустился с неба к Пророку (“кадир”); ночь путешествия Пророка на небо, где он беседовал с Аллахом (“мирадж”). Их отмечают небольшой вечерней милостыней, но, как правило, далеко не все.

Все вышеназванные праздники определяются мусульманским календарем.

Для регулирования последовательности проведения полевых работ используется сельскохозяйственный календарь — это удивительное сочетание греческих и иранских заимствований.³⁰⁷ Календарь различает восемь годовых подсезонов. Весна начинается с подсезона Невруз (с 9 марта по 22 апреля), знаменующего конец зимы и начало весны. Праздник весны с таким же названием, характерный для ираноязычных народов, встречают в некоторых селениях Турции,³⁰⁸ преимущественно населенных курдами, 21-22 марта. Конец подсезона Хыдреллез (с 23 апреля по 6 июня) считается окончанием весны.

Лето начинается с третьего подсезона Гюнденюмю (с 7 июня по 21 июля). Четвертый подсезон — Агустос (с 22 июля по 6 сентября), завершает лето. Осень состоит из двух подсезонов — Михриджан (с 7 сентября по 21 октября) и Касым Михриджан (22 октября по 16 декабря). Зима состоит из подсезонов Земхери (с 16 декабря по 19 января) и Буд-

жук (с 20 января по 9 марта).³⁰⁹

Каждому сезону и подсезону соответствует определенная полевая работа (посев, вспашка, жатва и т.д.), почти с каждым подсезоном связаны какие-нибудь обрядовые действия, а некоторые превращаются в общественный праздник.

Например, в середине подсезона Хыдреллез — отмечается “праздник весны” с аналогичным названием. Это веселый весенний праздник, знаменующий воцарение весны повсеместно.

Считают, что название и подсезона и праздника произошло от “хыдр Ильяс” — “пророк” Ильяс (Илья). Сам хыдр Ильяс, как персонаж, напоминает Деда Мороза или Санта Клауса. Он тоже приносит детям подарки, но не зимой, а весной. Одежда у него весенняя: зеленый халат с вышитыми яркими цветами, на голове остроконечный красный колпак, обвитый ярко-зеленым шарфом, на ногах красные башмаки. Существует поверье, что всюду, где бы не ступила нога хыдра Ильяса, распускаются цветы, зеленеет трава, а посох пророка оживляет ветви деревьев, кустарников, и на них распускаются почки.

Время наступления праздника Хыдреллеза — это время девичьих хороводов вокруг зеленых деревьев и гаданий.

В сельской местности женщины плетут венки из луговых цветов, нашептывая при этом самим себе пожелания счастья, здоровья, благоденствия, изобилия. Эти же заклинания, написанные на бумаге, вешают вечером на ветки кустов роз вместе с красными кошельками, в которые положены одна-две монеты. В канун праздника девушки собираются группами и гадают. Бросив в глиняный кувшин перстень, наперсток или пуговицу и завязав его горло платком, ставят сосуд вечером под розовый куст и ожидают, что ночью должен присниться суженый. Гадают и по-другому, как когда-то гадали в странах Европы в Святки.³¹⁰ Бросают фанты (“нишаны”) — перстень, брошь, серьгу —

в кувшин, таз или иной сосуд с водой. Затем под пение куплетов (“мани”) эти нишаны вынимают. По содержанию мани, под пение которого достают фант, его владелице предсказывают судьбу в предстоящем браке.

Как мы видим, это один из доисламских языческих праздников, где каждый атрибут и действие говорят о солнце, о культе деревьев, и о домотеистических верованиях, а более всего — о взаимовлиянии культур народов, входивших в состав Османской империи. Турки заимствовали обрядовую сторону многих греческих обычаев. В ряде районов Западной Турции среди турецких сельских жителей распространены магический обряд, связанный с географическими грецизмами “лодос” (юго-западный ветер) и “пойраз” (северный ветер): весной крестьяне устраивают праздничное представление — выдачу дочери лодоса за сына пойраза. Это делается для того, чтобы “умилостивить суровый северный ветер и вызвать потепление”.³¹¹

Праздник “Хыдреллез”, проводимый 6 мая, падает на день святого Георгия; отмечаемый в середине подсезона Касым Михриджан (8 ноября) праздник “Касым”, соответствует дню святого Димитрия.³¹² Обе эти даты восходят к христианскому земледельческому календарю Анатолии, но сами названия Хидриллез, Касым — арабского происхождения. Больше того, названия месяцев современного официального турецкого календаря взяты у различных народов и разных эпох: январь — “оджак” (т.е. очаг, печка — турецкий перевод названия аналогичного месяца византийского календаря); февраль — “шубат” (древнесирийское название); март — “март” (латинское); апрель — “нисан” (древнесирийское); май — “майыс” (армянское); июнь — “хазираг”, июль — “теммуз” (оба древнесирийского происхождения). Причем в древней Месопотамии теммуз посвящен богу Таммузу, олицетворению растительности и напарнику богини плодородия Иштар; смерть и воскресение его — символика земледельческого процесса (как и египетский миф об Осирисе и Исиде); август — “агустос” (ла-

тинско-греческое наименование); сентябрь — “эйлюль” (древнесирийское); октябрь — “эким” (турецкий неологизм, дословно означает “сев”); ноябрь — “касым” (арабское название); декабрь — “аралык” (турецкий неологизм, означает “промежуток” между годами).³¹³ Местные и пришедшие элементы сплетены во всех областях быта анатолийцев, однако наибольшее влияние на культуру турок оказал ислам. Обрядовая сторона внешне максимально облачена в религиозную оболочку.

Из известных у нас в Дагестане праздников в Турции распространен Праздник первой борозды (здесь его по-аварски называют “Оц бай”). В Уч-тепе и сейчас его отмечают, по нашим сведениям праздником и его проведением заинтересовалась пресса. Организационно устраивать этот праздник и нести необходимые для этого материальные издержки представители местного населения вызывались по очереди. В послепраздничных соревнованиях по борьбе и скачкам участие принимали только дети. Победителям давали круглые хлеба с запеченными в них яйцами. В с. Финдыжак праздник проводили общими усилиями сельчан. Здесь тоже во всех действиях активное участие принимали дети: они забрасывали комками земли ритуального пахаря и быков, впряженных в плуг, собирали по домам коржи с яйцами, сами же разыгрывали их в различных импровизированных соревнованиях и др.

Осенью же довольно торжественно обставлялся праздник “айна вазият” — сбор урожая. Каждый готовил угощение для приглашенных на помощь соседей, родственников и необременительные для хозяев подарки им.

В первый день сева, вернувшись домой, крестьянин втайне от всех обрызгивает водой сошник плуга. Это магическое действие призвано обеспечить дождливую погоду. Все верят, что на судьбу урожая можно повлиять магическими обрядами, в том числе, вызывая осадки в период засухи. Обряд вызывания дождя, или как его здесь называют “молитва о дожде” — “ягмур дуасы”, проводится в Тур-

ции почти повсеместно, в том числе в дагестанских селениях. Например, в Финдыжаке “просить дождя” отправлялись на могилу — зиярят шейха Исмаила Зебиюлла. В обряде принимали участие только мужчины во главе с ходжой. Три дня до назначенного дня мужчины обязаны были соблюдать пост. Процессия с молитвами направлялась к зиярату, коллективные моления совершались и непосредственно у могилы. После этого резали вскладчину купленного быка, и в заранее заготовленных котлах варили плов из дробленой пшеницы и мяса жертвенного животного. В это время дети и молодые парни во главе с выбранным ими “дождевым ослом” (“цадул хама”), парнем лет 19-20-ти, бегали по селению с выкриками “арши кулай, лай-ла”. Жители одаривали их маслом, яйцами, сыром и обливали водой. Затем все они собирались у речки или источника, коллективно угощались пожертвованиями односельчан, а также собирали камни и бросали их в воду.

В Уч-тепе в обряде вызывания дождя также участвовали только мужчины и дети. Начинался он молениями мужчин вначале в мечети, а затем на кладбище. Частью обряда было и веселое шествие детей, которые с шутками и смехом обходили все дома и собирали жертвуемые им продукты. Они также выбирали “дождевого осла”, который, водрузив на голову сапетку, возглавлял шествие по селению, где каждый старался облить его водой. Эти обряды почти идентичны обрядам вызывания дождя в Дагестане.³¹⁴ Практиковались и другие обрядовые действия, некоторые из которых возможно были заимствованными. Так, в начале сева в землю зарывали тухлое яйцо, якобы от дурного глаза и, чтобы дождь шел. Иногда с целью прекращения засухи опускали в воду доску, на которой обмывают покойников (“тенешир”). Следует отметить, что в Турции вызывание дождя весьма распространенное действие, здесь известны даже специальные заклинания дождя; некоторые с этой целью подвешивали к ветке дерева живого скорпиона, сжигали заживо змею, писали на оголен-

ном черепае живой собаки молитву-заклинание и бросали ее в воду³¹⁵ и др.

Кроме религиозных и календарных праздников, носивших ярко выраженный общественный характер, отмечались в Турции и официальные праздники и памятные дни. 29 октября торжественно празднуется День республики. Это день провозглашения Турецкой Республики и избрания ее первым президентом Мустафы Кемаль-паши (Кемалю Атаюрка).

23 апреля 1920 г. состоялось первое заседание Великого национального собрания Турции, созванного по инициативе Мустафы Кемалю. Ныне 23 апреля отмечается как День детей.

19 мая 1919 г. Мустафа Кемаль высадился в Самсуне и возглавил национально-освободительное движение. Этот день отмечается как Праздник Молодежи. Ежегодно в этот день устраиваются большие спортивные игры, выступления физкультурных коллективов, в т.ч. футбольные матчи лучших спортивных клубов.

27 мая 1960 г. военные свергли правительство Мендереса и взяли власть в свои руки. С тех пор ежегодно по настоянию военного командования этот день отмечается как праздник Свободы и Конституции.

Широко и торжественно отмечается 30 августа — День Победы. В этот день в 1922 г. были разгромлены войска греческих интервентов. 10 ноября — день траура по случаю кончины умершего в 1938 г. Кемалю Ататюрка. В час его смерти Стамбул, как и вся страна, чтит память Ататюрка минутой молчания. Движение на улицах останавливается, повсеместно прекращается работа предприятий, учреждений, учебных заведений и т.д. Вообще, имя Ататюрка глубоко почитается в Турции. Трудно найти учреждение, служебное помещение или квартиру, где не было бы его портрета. Уважением окружены и очень немногие, оставшиеся в живых участники национально-освободительной борьбы. Этих ветеранов, сражавшихся под знаменем

Кемалю, еще 10 лет назад можно было увидеть в праздничные дни на улицах городов в военной форме тех времен, со знаками воинской доблести.

Самыми широко отмечаемыми праздниками все же являются Шекер байрам и Курбан байрам.

7. ОРГАНИЗАЦИЯ ДОСУГА.

В системе общественного быта немаловажную роль играет организация досуга.

Говоря о досуге в Турции, прежде всего следует еще раз вспомнить о половой сегрегации, которая многое определяет.

Буквально до начала XX в. (до кемалистских реформ) состоятельные люди строго соблюдали обычай затворничества для женщин. Выходя на улицу, она была обязана надеть вуаль "пече", закутаться в чадру "чаршаф" (длинное черное покрывало, закрывающее голову, часть лица и скрывающее очертание фигуры). На улицах женщин могли сопровождать только свнухи, даже собственные мужья не имели на это права; полиция строго следила, чтобы ни один мужчина не приближался к женщине. Рассказывают, что когда городские жительницы гуляли где-нибудь в парке, вокруг них образовывалась пустота: мужчины, даже родственники, к ним не приближались. В театрах, в кино, на концертах для женщины существовали особые места, ложи бенуара за решетками. В поездах и на пароходах были специальные купе и каюты для женщин, а на катерах, перевозивших пассажиров через Босфор, специальные перегородки разделяли мужчин и женщин. Однако, следует отметить, что столь строгая сегрегация, санкционированная мусульманским правом-шариатом, соблюдалась в большей степени состоятельными людьми и главным образом в городах. Неимущая прослойка в городе и в сельской местности меньше соблюдала эти предписания ислама. На это были свои житейские причины: отсутствие места в доме

для женской половины, необходимость работать в поле, загруженность обязанностями по дому и хозяйству, требующими контактов с односельчанами и др. В сельской местности женщины, увидев постороннего мужчину, прикрывали только нижнюю часть лица краем платка.

Как мы уже отмечали, после кемалистской революции в судьбе турецкой женщины произошли огромные перемены. Среди турчанок есть и экспремьер-министр, и депутаты парламента, и профессора университетов, писательницы, адвокаты, врачи, скульпторы и т.д. В крупных городах массы турецких женщин работают на фабриках, учительствуют, служат в конторах и учреждениях и др.

Однако в быту женщина связана бесчисленными традиционными правилами поведения, которым в настоящее время в большей мере следуют в сельской местности или в провинциальных городах. Эти правила во многом похожи на дагестанские-традиционные, хотя и строже. В Турции не принято уступать женщине место в общественном транспорте. При встрече двух семейных пар приветствиями обмениваются только мужчины. Дважды, по турецкому обычаю, обнявшись и облобызавшись и перекинувшись несколькими словами, они продолжают каждый свой путь, а женщины следуют за ними, так и не поговорив.³¹⁶ При всех, законодательно оформленных, революционных реформах, представление о том, что это два обособленных мира, все еще крепко сидит в умах турок. Эти представления диктуют и современный образ жизни.

И в настоящее время в кафе существуют специальные семейные залы “айле салону” или столики; в провинциальных кинотеатрах “семейные места” отгорожены от остальной части зрительного зала. В летних открытых кинотеатрах, где места не нумерованы, и в крупных городах женщины всегда садятся обособленно от мужчин. Когда в турецкий провинциальный город или селение приезжает популярный певец или певица, кроме обычных концертов устраивают днем и специальный семейный — “айле кон-

серти”, на который вход разрешен только женщинам.

Естественно, что дагестанцы, живущие в Турции, восприняли все эти правила и следуют им, не считая их обременительными.

В с.Киреч-кой и Орта-тепе сохранились годеканы, которые население в память о Дагестане называют “ахIул гохI” (“Ахульго”). Если обычные дни мужчины проводят в кофейнях, то в праздники собираются именно на Ахульго. Кроме кафе в некоторых селениях мужчины собираются, как мы уже говорили, в так называемых народных домах. В дневное время роль общественного клуба может выполнять и помещение сельской лавки. В вышеперечисленных домах взрослые мужчины часто приводят с собой и малолетних сыновей, здесь уже до восхода солнца комната заполняется людьми. Нередко мужчины и завтрак приносят с собой. В таких местах время проводят больше не в беседах, а в играх, тем более, что в Турции их известно великое множество,³¹⁷ хотя самые излюбленные — это игра в кости (“ашык”) или карты. При этом взрослые мужчины располагаются в одном конце комнаты, молодежь — в другом.

Люди вспоминают, что в прошлом у них были более организованные мужские собрания, где больше внимания уделялось физическим упражнениям и подготовке к предстоящим весенним праздникам, особенно к дню Первой борозды. Это были подобию известных в Дагестане пережиточных “мужских союзов”, функциональные особенности которых достаточно хорошо описаны в дагестанской этнографической литературе.³¹⁸

Кроме пятничных коллективных молитв в мечети, одним из важных, посещаемых в свободное время мероприятий, является проповедь “Вағиз”, которая раз в неделю проводится отдельно для женщин и мужчин. С этой целью по селениям разъезжают ученики и ученицы различных религиозных колледжей. На проповеди доходчиво, простым языком разъясняются предписания ислама, постулаты и дог-

мы веры, пересказываются ж и т и я пророков и т.д.

В отличие от мужского, женский досуг представля-

ет собой преимущественно сочетание отдыха с работой, во время помочей и посиделок.

Досуг в городе существенно отличается от времяпровождения в сельской местности. Сельские мужские собрания дублируют здесь так называемые кофейни “алатурка”, где мужчины целый день проводят, играя в карты или кости. Этот излюбленный вид отдыха у турок называется “кейф”. Кейф немислим без чашки кофе и крепкой сигареты, говорят, что покуривают здесь и гашиш. Удовольствия, доставляемые ими, турецкая поговорка называет “двумя подушками софы наслаждений”.

В Османской империи обе эти “подушки” выдержали длительную борьбу за право на существование. ³¹⁹

В настоящее время чай постепенно оттеснил любимый напиток турок — кофе на второй план. Чайхана в Турции попадает буквально под каждым тенистым деревом, особенно в крупных городах. Чая пьют много, в любое время, по любому поводу и без него. Кроме того, повсюду снуют разносчики чая — “чайджи”. В любом офисе, куда вы придете по делам, в магазине, в лавочке вам обязательно предложат стаканчик (армут) чая. Приятели, встретившись на улице, если им хочется перебраться несколькими словами, тоже непременно воспользуются услугами чайджи. Словом, чай и чайхана, как кофе и кофейни, неперемные

атрибуты культуры общения и отдыха турок.

Большой популярностью среди простых людей в городах пользуются скромные, но чистенькие и уютные харчевни “ашхане”, где друзья могут встретиться, а семья отдохнуть.

В кафе европейского типа, ночных клубах, в дансингах, мюзик холлах, газино (так в Турции называют рестораны-варьете), работниц для которых в последние годы все чаще набирают из бывших республик СССР, в других увеселительных заведениях “алафранга” (так называют старые люди эти достижения западной цивилизации) проводят время состоятельные буржуа, торгаша, чиновники, офицеры, интеллигенция, молодежь. Приобщение Турции к вольностям европейского быта допустило в эти места и женщин, которые в своих экстравагантных нарядах чувствуют себя комфортно, совершенно свободно, танцуют, непринужденно беседуют. Но существует одна особенность: они приходят сюда только в сопровождении своих близких родственников и весь вечер общаются преимущественно с ними. Ни одному мужчине, сидящему в зале, не придет мысль пригласить на танец турчанку, сидящую за соседним столом. Такой поступок чреват для него большими неприятностями. Впрочем, этот “дискомфорт” компенсируется заезжими шоп-туристками.

Говоря о досуге турок, следует, на наш взгляд, сказать несколько слов и о знаменитых турецких банях (“хаммам”).

Бани играли в городах особую роль. Люди сюда ходили не столько мыться, сколько общаться, т.е. наряду со своим прямым назначением бани были для населения местом отдыха и встреч, чем-то вроде клуба, где после купания можно было многие часы проводить в беседах за чашкой кофе или чая, покуривая трубку или кальян.

Восторженными описаниями стамбульских бань, их длительного воздействия, удивительного для европейца состояния блаженства (“кейфа”), в которое погружались на

многие часы посетители, заполнены многие страницы книг и заметок путешественников и гостей о средневековом городе. Об искусстве массажистов турецких бань, способном исцелять от многих недугов, ходили легенды.³²⁰ Только в Стамбуле в начале века насчитывалось более трехсот общественных бань.³²¹ Особо выделялись бани Хаски султанши, сооруженные по проекту знаменитого архитектора ходжи Синана недалеко от Айя-София.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, рассмотрев некоторые вопросы формирования диаспоры в Турции, их быт и культуру, можно сделать определенные выводы.

Хозяйство, современная материальная культура семейный и общественный быт дагестанской диаспоры в Турции — это сложный синтез, сложившийся в результате более чем векового культурного взаимодействия и взаимовлияния местных народов, издавна имевших тесные связи с народами сопредельных стран, входивших некогда в великую Османскую империю, с культурой, носителями которой являлись дагестанские переселенцы (мухаджеры).

Учитывая, что окончательная консолидация турок в нацию произошла лишь в первые два десятилетия XX в. и завершилась после падения Османской империи, естественно, что дагестанская диаспора оказалась исторически втянута в процесс формирования турецкой нации, и соответственно, и становления новой культуры, в том числе и бытовой.

Если хозяйство, поселения, жилища, одежда, которые как исторические категории отражают в себе исторические судьбы этноса, местные культурные традиции, климатические и географические условия, административные формы правления, то пища часто зависит еще и от физиологических восприятий и личностных предпочтений. Кроме того, наблюдения за элементами материальной культуры и степенью их сохранности в иноэтнической среде показывают, что инстинкт национально-культурного самосохранения маленьких популяций, в данном случае — не самой многочисленной диаспоры, каковой является дагестанская, приводит к потере тех элементов культуры, внешняя атрибутика которых выдает в них инородцев. Это прежде всего одежда и жилище. Одновременно как бы консервируются другие, не менее важные элементы бытовой культуры, это прослеживается на материале обществен-

ного быта.

Возможно, этими причинами объясняется, что в отличие от других элементов материальной культуры, которые в процессе длительных иноэтнических влияний стали чуть ли не идентичными с турецкими, традиционная кухня дагестанской диаспоры оказалась наиболее консервативной. Сохранились и многие институированные обычаи, обряды, праздники, зачастую, правда, в несколько "усеченном виде".

Говоря о современном состоянии северокавказской, и в частности, дагестанской диаспоры, и о проблемах, связанных с сохранением национальных, этнокультурных, языковых, и других традиций дагестанской общины в Турции, Сирии, Иордании, Ираке и т.д., необходимо отметить, что идет интенсивный процесс ассимиляции дагестанцев.

В Турции проживает немало дагестанцев, у которых сохранилась лишь фамилия "Дагестанлы" ("Дагестани"), но ни своего рода, ни племени, ни национальности они уже не знают. Не знают они также, из какого именно селения в Дагестане эмигрировали их предки.

Встречаются и такие дагестанцы, которые, будучи на больших государственных должностях или став зажиточными, не хотят знаться со своими земляками-сородичами, боясь, что турецкие власти усмотрят в этом национализм или сепаратизм.

Как правило, такие люди "вспоминают" о своей национальной принадлежности только с уходом на пенсию или отходом от дел. И все же, немалая часть дагестанцев в целом сохранила свой язык, колорит, обычаи.

Многие однако, и их большинство, даже не зная родного языка, сохранили любовь к исторической Родине. Например, молодой турецкий поэт Семих Дагестанлы, не знающий родного языка, воспеваает Дагестан на турецком языке.³²²

Даргинцы и лакцы, проживающие в Турции, знают в основном только аварский язык. Это обусловлено и срав-

нительно большим числом аварцев, и межнациональными браками между аварцами, даргинцами, лакцами. К знанию своего родного языка даргинцы и лакцы относятся без комплексов вины, резонно отмечая, что знание хотя бы аварского языка позволило им полностью раствориться среди турок, а сохранить свой язык было невозможно из-за их относительной малочисленности.

Немаловажно и то обстоятельство, что дагестанские обычаи, этническая психология, форма поведения, образ жизни имеют существенные отличия от турецких. Хотя у них с турками есть серьезная объединяющая основа — религия, ислам не сыграл особой роли в слиянии дагестанских эмигрантов с местными мусульманскими общинами. В этнической сохранности эмигрантов имеет значение и то обстоятельство, что большинство их считает своей истинной родиной не страну их проживания, а Дагестан. Не чужда определенным слоям дагестанской диаспоры и мысль о необходимости возвращения на историческую родину.

В связи с увеличением числа турецких дагестанцев, посещающих свою историческую родину с различными целями, и граждан Дагестана, направляющихся в Турцию, был открыт автобусный туристический рейс по маршруту Махачкала-Стамбул-Махачкала. Так же был открыт и авиарейс Махачкала-Стамбул-Махачкала.

Налажен обмен представителями деятелей культуры и науки, туристическими группами. Переведен и издан на турецком языке "Мой Дагестан" Расула Гамзатова, с турецкого языка переведены и некоторые произведения дагестанцев, проживающих в Турции. Желающие в Турции могут получить по линии общества "Ватан" книги на национальных языках, что оказало и продолжает оказывать существенную помощь дагестанцам в сохранении родного языка и культуры. Значителен вклад дагестанских туристов, которые находят и устанавливают связи со своими родственниками, сородичами и односельчанами.

В начале 90-х годов из Турции прибыла группа дагес-

танцев, которая обучается в вузах Дагестана.

Другими словами, во второй половине 80-х гг. начался новый этап в отношениях Дагестана со своей диаспорой, который был определен перестроечными процессами в бывшем СССР. С апреля 1992 г. выходит газета "Дагестанское Зарубежье" — ежемесячное издание Ассоциации "Ватан" по связям с соотечественниками за рубежом. Ассоциацией открыто представительство Дагестана в городах Стамбул, Ялова, Анкара и Балы-Кесир.

Завершается работа над букварями аварского, кумыкского языков для соотечественников.

Кроме Турции, установлены контакты с соотечественниками в США (г. Патэрсон), Канаде, Германии, Финляндии, Иране, Саудовской Аравии, Сирии, Иордании, Швейцарии. Соотечественниками из этих стран оказывается помощь в установлении контактов с деловыми людьми республики.

При посредничестве "Ватана" в Дагестане (в городах Махачкала, Хасавюрт, Буйнакс и в селении Гергебиль) был принят ансамбль художественной самодеятельности дагестанцев из Турции, создано несколько совместных предприятий. В Турцию выезжало несколько творческих коллективов из Дагестана, которые выступали в дагестанских селениях в Турции, а также в городах Стамбул и Ялова³²³. 28-30 августа 1992 года в г. Махачкала состоялся 1-й Международный Конгресс Соотечественников Дагестана. В нем кроме Республики Дагестан и Турции приняли участие представители соотечественников из Ближнего Зарубежья, республик Северного Кавказа, Москвы, Киева, Баку, Тюмени, Екатеринбурга, Тбилиси, культурных центров и благотворительных обществ Венгрии, Великобритании, Германии, Иордании, Ирана, Саудовской Аравии, США. Руководство Республики Дагестан тоже приняло участие в работе Конгресса. Конгресс, впервые состоявшийся на древней земле дагестанцев, озабоченный судьбой дагестанских народов, руководствуясь нормами меж-

дународного права, Всеобщей декларацией прав человека, законами и традициями стран проживания соотечественников, торжественно провозгласил создание Всемирной Ассоциации Соотечественников Дагестана со своей штаб-квартирой в Махачкале, руководством в лице Исполнительного комитета, президента, вице-президента и генерального секретаря. На Конгрессе был утвержден Устав Всемирной Ассоциации соотечественников Дагестана (ВАСД).³²⁴

ПРИМЕЧАНИЯ

ВВЕДЕНИЕ

¹ЦГА РД. Фонд 1. Описание: 1. Дела: 2, 3, 4, 5, 7а, 11д; Ф. 2. Оп. 2. Дела: 13, 16, 50, 77, 84, 90; Ф. 126. Оп. 1. Д. 150. и др.

²См.: Берже А.П. Выселение горцев с Кавказа // Русская старина. Т. 33, 36. СПб., 1882.

³Тотоев М.С. К вопросу о переселении осетин в Турцию (1859-1865 гг.) // Известия Северо-Осетинского НИИ. Т. 13. Вып. 1. Орджоникидзе, 1948.

⁴Лайпанов Х.О. К истории переселения горцев Северного Кавказа в Турцию // Труды Карачаево-Черкесского НИИ ЯЛИ. Вып. V. Серия историческая. Ставрополь, 1968.

⁵Кумьков Т.Х. К вопросу о переселении адыгов в Турцию // Уч. зап. КБГУ. Вып. 4. Нальчик, 1971.

⁶Дзидзария Г.А. Мухаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухуми, 1982.

⁷Гордлевский В.А. Избранные сочинения. Т.Т. I-III. М., 1960-1962.

⁸Новичев А.Д. Турция. Государственный строй. Экономика. Этнография. Тбилиси, 1942; Он же. Турецкие кочевники и полукочевники в современной Турции // СЭ. 1951. № 3; Он же. Крестьянство Турции в новейшее время. М., 1959; Еремеев Д.Е. Изменение типов жилищ и поселений горюков при оседании // КСИЭ. Вып. 33. 1963; Он же. Этногенез турок (происхождение и основные этапы этнической истории). М., 1971; Он же. На стыке Азии и Европы: Очерки о Турции и турках. М., 1980; Соколов И.И. Быт крестьян в дореформенной Турции // Новый Восток. 1926. № 13-14 и др.

⁹Жуковский П.М. Земледельческая Турция. (Азиатская часть Анатолия). М.-Л., 1933.

¹⁰Завриев Д.С. Восточная Анатолия. Экономические очерки. М., 1936; Матвеев С.И. Турция. (Азиатская часть — Анатолия). М.-Л., 1946; Лудпувейт Е.Ф. Турция: экономико-географический очерк. М., 1955 и др.

¹¹Розалиев Ю.И. Особенности развития капитализма в Турции. М. 1962; Моисеев П.П. Аграрный строй современной Турции. М. 1970 — и др.

¹²См.: Турецкий сборник. История, экономика. Литература, язык, М., 1958; Данилов В.М. 7000 километров по Турции. М., 1975; Фиш Р.Г. Турецкие дневники: Встречи, размышления. М., 1977; Васильев А.М. Мост через Босфор. М., 1979; Турецкая республика в 60-е — 70-е годы: Вопросы общественно-политического развития. М., 1984 и др.

¹³Курылев В.П. Поселения, жилища и хозяйственные постройки современной Турции // Страны и народы востока. Вып. 8. М., 1969. С. 229-247; Он же. Общинные отношения в деревнях современной Турции // СЭ. 1969. № 4. Он же. Хозяйство и материальная культура турецкого крестьянства. М., 1976 и др.

¹⁴Серебрякова М.Н. Семья и семейная обрядность в Турецкой деревне М., 1979.

¹⁵См.: Трофимов А.З. Начальное общее среднее образование в Турции после второй мировой войны // СЭ. 1972. № 6.

¹⁶См.: Еремеев Д. Изучение этнографии в современной Турции // СЭ. 1960. № 2. С. 151-157.

¹⁷Магомедов А.А. Дагестан и дагестанцы в мире. Махачкала, 1994.

¹⁸Халитаева И. Мифологическая проза кумыков. Махачкала, 1994.

¹⁹⁻¹Магомедханов М.М. Дагестанцы в Турции. (Этнические исследования). Махачкала, 1997.

ГЛАВА I. К ИСТОРИИ ВОПРОСА

¹⁹⁻²Цит. по Составову Н.А. Северный Кавказ в русско-турецких и русско-иранских отношениях в XVIII веке. М., 1991. С. 68.

²⁰Сб. РИО. Т. 96. 1896. С. 177-178; 365-366.

²¹См.: Составов Н.А. Указ. соч. С. 179.

²²Берже А.П. О выселении горцев // Русская старина. Т. 33. СПб. 1882. С. 339.

²³АВПР. Ф. 89. Оп. 1735. Д.6. Л. 3, 10.

²⁴Тахо-Годи А. Предисловие к книге Л.Н.Толстого "Хаджи-Мурат". М., 1936. С. 7.

²⁵АКАК. Т. 6. Ч. 2. Тифлис, 1875.

²⁶Записки Ермолова А.П. Махачкала. 1926. С. 171-172.

²⁷Блиев М.М. Перевернутый мир бесконечной войны // Родина. №№ 3-4. М., 1994. С. 19.

²⁸АКАК. Т. 6. Ч. 2. Тифлис. 1875. С. 7.

²⁹ Кстати, Ермолов был отозван с Кавказа не за его жестокость по отношению к горцам, а за его русский национализм в отношении Нессельроде (министр иностранных дел), Бенкендорфа (брат руководителя тайной полиции России), графа Витгенштейна и других. (См.: Из дневника и записной книжки графа П.Х.Граббе // Русский архив. № 1. СПб., 1889. С. 660.

³⁰ АКАК. Т. 6. Ч. 2. Тифлис. 1875. С. 565.

³¹ Цит. по Джахису Г.А. Дагестан в международных отношениях на Кавказе (1813-1829 гг.). Махачкала. 1991. С. 51.

³² Дзидзария Г.А. Указ.соч. С. 115.

³³ Там же.

³⁴ Цит. по: История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. - 1917 г.). М. 1988. С. 182.

³⁵ Вагнер Мориц. Кавказ и земля казаков в 1843-1846 гг. Т. 2. Лейпциг-Дрезден, 1848. С. 210. (Перевод с немец.) // РФ ИИАЭ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 129. Л. 19.

³⁶ Там же. Л. 213.

³⁷ Поль Б.Хенце. Россия и чеченцы // Наш Дагестан. № 174-175. Махачкала. 1995. С. 96.

³⁸ Ибрагимбеги Х.М. Кавказ в Крымской войне 1853-1856 гг. и международные отношения. М. 1971. С. 354.

³⁹ Зиссерман А.Л. История 80-го пехотного Кабардинского полка (1726-1880 гг.). Т. 3. СПб., 1881. С. 116.

⁴⁰ Блиев М.М. Указ.соч. С. 22.

⁴¹ Дубровин Н.Ф. Обзор войн России от Петра Великого до наших дней. Т. IV. Кн. 2. СПб., 1896. С. 322.

⁴² Даниялов А.Д. О движении горцев Дагестана и Чечни под руководством Шамиля // Вопросы истории. № 10. 1966. С. 22

⁴³ См. указ. соч. Поль Б.Хенце, Беннигсен-Броксап и др.

⁴⁴ Моше Гаммер. Мусульманское противостояние царю: Шамиль и завоевание Чечни и Дагестана (на английском). Лондон, 1993; Он же. Победитель Наполеона на Кавказе (пер. с англ.) // Наш Дагестан. № 172-173. Махачкала. 1994. С. 51.

⁴⁵ РФ ИИАЭ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2308, папка 35 к. 2 (перевод с арабского); См. также: Наш Дагестан. № 169-171. Махачкала. 1994. С. 10-11.

⁴⁶ Буниятов З.М. Осmano-кавказские отношения. (Новые документы) // Наш Дагестан. № 167-168. 1994. С. 37-38 (перевод с турецкого).

⁴⁷ Из воспоминаний прапорщика Орбелиани: Шейх Джамалудин. (Новые архивные документы) // Наш Дагестан. № 169-171. Махачкала, 1994. С. 10.

⁴⁸ РФ ИИАЭ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 162.

⁴⁹ ЦГА РД. Ф. 126. Оп. 2. Д. 19. Л. 338.

⁵⁰ Там же. — Л. 479.

⁵¹ ЦГА РД. Ф. 126. Оп. 2. Д. 85. Л. 14.

⁵² См.: Краткий отчет начальника Дагестанской области со времени ее образования по 1 ноября 1869 года // РФ ИИАЭ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 150.

⁵³ Там же. Л. 1.

⁵⁴ ЦГА РД. Ф. 126. Оп. 2. Д. 7 а.

⁵⁵ Там же. Д. 9 а. Л. 1-14.

⁵⁶ Впоследствии только 3 человека — командующий войсками Кубанской области Евдокимов, начальник Кубанской области Сумароков-Эльстон и начальник Дагестанской области Мельников — получили 24 666 десятин лучшей земли. См.: Алексеева А.П. и др. Добровольное присоединение Черкессии к России. Черкесск. 1957. С. 39; См. также: Магомедов Р.М. Указ. соч. С. 308-312.

⁵⁷ Там же. С. 310.

⁵⁸ ЦГА РД. Ф. 126. Оп. 1. Д. 85. Л. 14.

⁵⁹ Магомедов Р.М. Указ.соч. С. 310.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Зиссерман А.Л. Фельдмаршал, князь А.И. Барятинский. М., 1891. Т.3. С. 129.

⁶² РФ ИИАЭ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 174. Л. 46.

⁶³ Там же. Д. 150. Л. 7.

⁶⁴ См.: ЦГА РД. Ф. 126. Оп. 3. Д. 103. Л. 2-9; Д. 90. Л. 1-6.

⁶⁵ См.: Отчеты Общества восстановления православного христианства на Кавказе. (Тифлис).

⁶⁶ ЦГА РД. Ф. 126. Оп. 2. Д. 19. Л. 338.

⁶⁷ РФ ИИАЭ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 174.

⁶⁸ ЦГА РД. Ф. 126. Оп. 1. Д. 6.

⁶⁹ Там же. Ф. 126. Оп. 2. Д. 19. Л. 133, 138, 140 и Циркуляр МВД России от 29.02.1872 г. (там же).

⁷⁰ Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 31.

⁷¹ РФ ИИАЭ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 384. Л. 7.

⁷² Там же. Л. 7.

⁷³ Ахмед Цалькатты (Цаликов). Борьба за волю гор Кавказа //

Эхо Кавказа. № 2. М., 1992. С. 22.

⁷⁴ Там же. С. 19.

⁷⁵ Зиссерман А.Л. Фельдмаршал А.И. Барятинский. Письмо Александру II // Русский архив. Т. 2 СПб., 1889. С. 241

⁷⁶ Берже А.П. Указ. соч. Т. 33. С. 16.

⁷⁷ Пржецлавский П.Г. Шамиль и его семья в Калуге // Русская старина. Т. 20. СПб., 1877. С. 270-271.

⁷⁸ Фадеев Р.А. Собр.соч. Т.1. Ч. 2. СПб., 1890. С. 74.

⁷⁹ См. Izzet Aydemir. Сис. Ankara. 1988.

⁸⁰ Дзагуров Г.А. Переселение горцев в Турцию. Ростов-на-Дону, 1925. С. 19.

⁸¹ Зиссерман А.Л. Указ. соч. С. 284-285 (Письмо Барятинского к военному министру Д.А.Милютину).

⁸² АКАК. Т. XII. Тифлис, 1904. С. 1011-1012. (Письмо кн.Орбелиани Евдокимову).

⁸³ ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 2. Д. 82, 84, 85, 92 и др.

⁸⁴ См.: Грабовский Н. Присоединение Кабарды и борьба за ее независимость. Тифлис. 1876.

⁸⁵ ЦВИА. Ф. 400. Д. 13. 1868. г. Л. 6.

⁸⁶ РФ ИИАЭ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 150. Л. 18.

⁸⁷ Дзагуров Г.А. Указ.соч. С. 58.

⁸⁸ Берже А.П. Указ. соч. Т. 36. С. 16.

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ Там же. С. 65.

⁹¹ Бланч Л. Сабли рая. Махачкала. 1991. С. 131. (Перевод с немецкого)

⁹² Тотоев М.С. Указ.соч. С. 38.

⁹³ Берже А.П. Указ.соч. Т. 36. С. 17.

⁹⁴ Дзагуров Г.А. Указ.соч. С. 130.

⁹⁵ Берже А.П. Указ.соч. С. 22.

⁹⁶ Дзагуров Г.А. Указ.соч. С. 95.

⁹⁷ Там же. С. 37-38.

⁹⁸ Берже А.П. Указ. соч. С. 21.

⁹⁹ Абрамов Я. Кавказские горы. Краснодар 1927. С. 9.

¹⁰⁰ Берже А.П. Указ. соч. С. 16.

¹⁰¹ Абрамов Я. Указ.соч. С. 10.

¹⁰² Берже А.П. Указ. соч. Т.33. С. 342.

¹⁰³ Там же. Т. 36. С. 7.

¹⁰⁴ Там же. Т. 33. С. 342.

¹⁰⁵ Зиссерман А.Л. Указ.соч. Т.2. С. 241.

¹⁰⁶ Абрамов Я. Указ.соч. С. 14.

¹⁰⁷ Зиссерман А.Л. Указ.соч. С. 240.

¹⁰⁸ ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 2. Д. 92. Л. 6-7.

¹⁰⁹ Берже А.П. Указ.соч. С. 167.

¹¹⁰ Магомедов Р.М., Бушуев С. Магомед-Эмин // РФ ИИАЭ. Ф. 3. О. 1. Д. 5. Л. 305.

¹¹¹ РФ ИИАЭ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 153; Ф. 5. Оп. 1. Д. 279.

¹¹² Там же. Д. 150. Л. 18.

¹¹³ Берже А.П. Указ. соч. Т. 36. С. 31.

¹¹⁴ См. указ. соч. Дзидзария Г.А., Берже А.П., Кумькова Т.Х., Лайпанова Х.О., Тотоева М.С., Гарданова Б.А., Izzet Aydemir, Эреда Шарафутдина, Вагнера Морица, Поль Б. Хенце, Зиссермана А., Моше Гамера, Беннингсен Броксапа, Дзагурова Г.А. и др.

¹¹⁵ См.: Магомедов Р.М. Указ.соч. С. 291.

¹¹⁶ ЦГА РД. Ф. 126. Оп. 2. Д. 34. Л. 2-16.

¹¹⁷ Магомедов Р.М. Указ. соч. С. 291.

¹¹⁸ См.: Даркот Б. География Турции. М., 1959. С. 65-67.

ГЛАВА II. ХОЗЯЙСТВО

¹¹⁹ См.: Даркот Б. География Турции. М., 1959; Данилов В.И. 7000 километров по Турции. М., 1975; Курылев В.П. Хозяйство и материальная культура турецкого крестьянства (новейшее время). М., 1976. С.13-18; Гагечиладзе Р.Г. Турция. М., 1983. С.8-27; Турецкая республика в 60-е-70-е годы. М., 1984 и др.

¹²⁰ Турецкие власти выделяли эмигрантам земли, деньги для приобретения сельхозинвентаря и домашнего скота. Однако дагестанцы редко прибегали к этой помощи из-за высоких налогов.

¹²¹ Гордлевский В.А. Избранные сочинения. Т. III. М., 1968. С.285.

¹²² Берже А.П. Указ. соч. С.354.

¹²³ Под черкезами в Турции подразумеваются и дагестанцы.

¹²⁴ Цит. по кн.: Магомедов А.А. Дагестан и дагестанцы в мире. Махачкала, 1994. С.47.

¹²⁵ См.: Шамсудинов А.М. Национально-освободительная борьба в Турции (1919-1923 гг.). М., 1966. С.200.

¹²⁶ Разрешение выдавалось жителям только тех округов, которые до 1918 г. входили в состав России.

¹²⁷ Касумов А.Х., Касумов Х.А. Геноцид адыгов. Нальчик 1992.

С.197.

¹²⁸ Фрунзе М. Собр. соч. Т. I. М.-Л., 1929. С.358

¹²⁹ Раньше село называли Алмали, а затем Ришадия. Село Гюней-кой наши соотечественники называют "Маленький Дагестан".

¹³⁰ Цит по кн. Шамсудинов А.М. Указ. соч. С.254

¹³¹ Селения Гюней-кой, Чифтлик-кой и Султание находятся в окрестностях города Ялова.

¹³² Селение Ортажа.

¹³³ В с. Гюней-кой есть завод по разливу питьевой воды, известный на всю Турцию.

¹³⁴ В.П.Курылев В.П. Указ.соч. С.17.

¹³⁵ Казуве-замар еще известен как Цунга-кой.

¹³⁶ Дагестанцы, в отличие от турок, редко прибегали к отработкам. Этот вид аренды носит название "учленмек" (деление на три части).

¹³⁷ 1 донум = 1 гектару.

¹³⁸ Уч-тепе — удивительное селение по географическому расположению; хунзахцы выбрали такое место, что оно очень нам напоминало их родное селение на Хунзахском плато в Дагестане.

¹³⁹ Курылев В.П. Указ.соч. С.22

¹⁴⁰ М.Н.Серебрякова. Семья и семейная обрядность в Турецкой деревне (новейшее время). М., 1979. С.12.

¹⁴¹ Гьберг — название даргинское (с.Финдыжак). Землю, оставленную под пар, турки называют "надас".

¹⁴² Шейх Исмаил, считающийся святым, — основатель с. Финдыжак. В селении ему воздвигнут мавзолей, где хранится одежда, сюда на поклонение приходят шейхи из других мест. В праздник Курбан здесь режут жертвенных животных и раздают мясо. Во время засухи сельчане и жители других селений собираются у этого мавзолея и молятся.

¹⁴³ Курылев В.П. Указ. соч. С.33-34.

¹⁴⁴ Народы Кавказа. Т. II. С.60-63, 241-242.

¹⁴⁵ Жуковский П.М. Земледельческая Турция (Азиатская часть — Анатолия). М.-Л., 1933. С.156-158.

¹⁴⁶ Жуковский П.М. Указ. соч. С.680.

¹⁴⁷ Турки называют эту породу овец "мор караман".

¹⁴⁸ Пастух — турок, обычно нанимали из с.Кизылбаш.

¹⁴⁹ В с.Финдыжак пастух нанимается только во время случки (апрель, ноябрь).

¹⁵⁰ Старченков Г.И. Проблемы занятости и миграции населения Турции. М., 1971. С.71

¹⁵¹ Моисеев П.П. Особенности социально-экономической эволюции // Турецкая республика в 60-70-е годы: Вопросы общественно-политического развития. М. 1984. С.16.

ГЛАВА III. МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

¹⁵² Catalogue of Ethnic Droups. London. 1987. p 330.

¹⁵³ См.: Izzet Aydemir. Türkiye Cerkesleri// Kafecasya (Kültürel Dergisi) year // №47. Ankara, 1975. P.39-48.

¹⁵⁴ См.: Примечания в Catalogue of Ethnic Droups. P 330.

¹⁵⁵ См.: Токарев С.А. Этнография народов СССР. М., 1958. С.281, 291; Народы Передней Азии. М. 1957. С.109, 142, 192; Курылев В.П. Хозяйство и материальная культура турецкого крестьянства (новейшее время). М. 1975. С.90; Еремеев Д.Е. Юрюки М., 1969. С.66-67 и др.

¹⁵⁶ См.: Курылев В.П. Указ.соч. с.90.

¹⁵⁷ Yalova. Diney kovu büyük Camlı Tarihesi // Yalova. 1973.

¹⁵⁸ В результате поражения в первой мировой войне Османская империя фактически прекратила свое существование (Мудросское перемирие — 30 октября 1918 г.). Державы Антанты приступили к оккупации важнейших военно-стратегических и экономических районов страны. В начале 1919 г. численность оккупационных войск союзников в Анатолии и во Фракии, не считая греческих, достигла 107 тыс. человек. (См.: Новейшая история Турции. М.1968. С.17).

¹⁵⁹ Возможно это произошло после подписания Муданийского перемирия (15 октября 1922 г), когда военные действия между Турцией и Грецией были прекращены, а греческие войска, жандармерия и гражданские власти должны были покинуть Восточную Фракию в течение 30 дней. См.: Новейшая история Турции. С.53.

¹⁶⁰ См.: Новейшая история Турции. С.360.

¹⁶¹ Основным убранством этой комнаты являются овальные подушки и коврики, на стене висит портрет имама Шамиля, другая стена украшена афишей ансамбля "Лезгинка"; висит здесь на плечиках большая индийская белая бурка.

¹⁶² Берже А.П. Указ.соч. Т.36. С.356.

¹⁶³ Там же. С.368.

¹⁶⁴ См.: Курылев В.П. Указ.соч. С.92.

¹⁶⁵ См. Еремеев Д.Е. Указ.соч. С.66.

- ¹⁶⁶ Курыльв В.П. Указ.соч. С.95.
- ¹⁶⁷ Насирли М.Н. Сельские поселения и крестьянские жилища Нахичеванской АССР. Баку, 1959. С.85; Акопян Э.Н. Архитектура народного жилища Аштакарского района. Ереван. 1964. С.108.
- ¹⁶⁸ Материальная культура аварцев. Махачкала. 1967; Материальная культура даргинцев. Махачкала, 1967.
- ¹⁶⁹ Курыльв В.П. Указ.соч. С. 94.
- ¹⁷⁰ Патимат Озель живет в Америке, приехала, чтобы в селеении построить дом.
- ¹⁷¹ Даркот Б. Указ. соч. С.95.
- ¹⁷² Там же.
- ¹⁷³ Эссад Д. Константинополь. М., 1916. С.291.
- ¹⁷⁴ Бромлей Ю.В. Современные этнические процессы в СССР. М. 1975. С.205,246; Маркарян Э.О. Соотношение формационных и локальных исторических типов культуры // Этнографические исследования развития культуры. М., 1985. С.8, 18, 19.
- ¹⁷⁵ См.: Гаджиева С.Ш. Одежда народов Дагестана. М.1978. С.5; Сергеева Г.А. Основные комплексы традиционной одежды аварцев и их трансформация в Советское время // Этнические и культурно-бытовые процессы на Кавказе. М.1978. С.204. и др.
- ¹⁷⁶ См., Булатова А.Г. Лакцы. Махачкала, 1971. С.117; Гаджиева С.Ш. Одежда народов Дагестана. М., 1981. С.41; Агаширишова С.С. Материальная культура лезгин. XIX — нач.ХХ в. М., 1978. С.221; Гаджиева С.Ш. Дагестанские терекеменцы. XIX нач ХХ в. М., 1990. С.94; Алимова Б.М. Тасасаранцы Махачкала. 1992. С.105; Белицер В.Н. Народная одежда мордвы. М., 1973. С.39; Широкова З.А. Традиционная и современная одежда женщин горного Таджикистана. Душанбе. 1976. С.21; Одежда народов зарубежной Азии. Л.1977; Писарчик А.К. Материалы к истории одежды таджиков нурата: Старинные женские платья и головные уборы // Костюм народов Средней Азии. М., 1979. С.115; Сухарева О.А. История среднеазиатского костюма. М., 1982. С.19; Аристова Т.Ф. Материальная культура курдов. XIX — перв.пол.ХХ в. М., 1990. С. 117 и др.
- ¹⁷⁷ См.: Гаджиева С.Ш. Одежда народов Дагестана. С.74
- ¹⁷⁸ См.: Сергеева Г.А. Желские головные уборы народов аварской группы Дагестана // Полевые исследования Института этнографии 1973 г. М., 1974. С.103. и др.
- ¹⁷⁹ См.: Материальная культура аварцев. С. 243.
- ¹⁸⁰ См.: Аристова Т.Ф. Указ.соч.С.85; Маруневич М.В. Мате-

риальная культура гагаузов (XIX -нач.ХХ в.). Киплинев 1988. С.108; Курыльв В.П. Указ.соч. С.116 — и др.

¹⁸¹ В 1925 г. специальным декретом мужчинам было запрещено носить фески, а женщинам — покрывала, закрывающего лицо. См.: Курыльв В.П. Указ.соч. С.114.

¹⁸² См.: Аристова Т.Ф. Указ. соч. С.190.

¹⁸³ См.: Курыльв В.П. Указ. соч. С.121.

¹⁸⁴ Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности: тексты и исследования. М.-Л. С. 33-295.

¹⁸⁵ Аристова Т. Ф. Указ. соч. С. 138; Маруневич М. В. Материальная культура гагаузов. С. 125.

¹⁸⁶ См.: Еремеев Д. Е. Этногенез турок. М., 1971. С. 251.

¹⁸⁷ Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии. М., 1981. С. 252; Этнография питания народов стран зарубежной Азии. М., 1981. С. 4.

¹⁸⁸ Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М., 1973. С. 67.

¹⁸⁹ Stirling A. P. Turkish village. London. 1965. P. 71.

¹⁹⁰ Исследователи отмечают, что обычай хранить зерно зимой в ямах существовал в Малой Азии еще до прихода турок. — См.: Курыльв В. П. Указ. соч. С. 103. Хранение зерна в ямах характерно и для некоторых народов Дагестана. См. Алимова Б. М. Указ. соч. С. 120.

¹⁹¹ См.: Бромлей Ю. В. Указ. соч. С. 167.

¹⁹² Жуковский П. М. Указ. соч. С. 560; так же называются и заготавливаются впрок овощи у болгар и гагаузов, — См.: Мошков В. А. Гагаузы Бендерского уезда // ЭО. N1. 1902. С. 29-34.

¹⁹³ См.: Гаджиева С. Ш. Дагестанские терекеменцы. С. 104; Алимова Б. М. Указ. соч. С. 46 — и др.

¹⁹⁴ См.: Курыльв В. П. Указ. соч. С. 109-110.

¹⁹⁵ У народов Дагестана — см.: Материальная культура аварцев. С. 268-269; Гаджиева С. Ш., Осмапов М. О., Пашасва А. Г. Материальная культура даргинцев. С. 271; Агаширишова С. С. Указ. соч. С. 252; Алимова Б. М. Указ. соч. С. 111- и др.

¹⁹⁶ См.: Курогло С. С. Семейная обрядность гагаузов в XIX — нач. XX в. Кишлиев, 1980, С. 25; Маруневич М. В. Указ. соч. С. 155 и др.;

¹⁹⁷ См.: Курыльв В. П. Указ. соч. С. 104

¹⁹⁸ См.: Этнография питания народов стран зарубежной Азии. С.

¹⁹⁹ Исследователи считают, что в древние времена ячмень занимал в Малой Азии первое место среди зерновых культур. — См.: Арутюнян Н. В. Земледелие и скотоводство Урарту. Ереван 1964. С. 61; Менабде Э. А. Хеттское общество: Экономика. Собственность, семья и наследование. Тбилиси, 1965. С. 46.

²⁰⁰ Аналогичные способы заготовки закваски и заквашивания теста знали и многие народы Северо-Восточной Болгарии. См.: Маринов В. Принос към изучаването на бита и културата на турците и гагаузите в Североизточна България. София. 1956. С. 284-288.

²⁰¹ См. Курылев В. П. Указ. соч. С. 104

²⁰² Tietzen A. Driehische Lehnwörter im anatolischen Türkisch. Oriens. В. 8. N2. 1955: S. 228, 231 — приводится по: Курылев В. П. Указ. соч. С. 104.

²⁰³ См.: Материальная культура аварцев. С. 287-283; Гаджиева С. Ш., Османов М. О., Пашаева А. Г. Указ. соч. С. 269-271-273; Агаширинова С. С. Указ. соч. С. 256-257; Алимова Б. М. Указ. соч. С. 114; Гаджиева С. Ш. Дагестанские терекеменцы. С. 99; Система питания народов Дагестана. Махачкала, 1990 — и др.

²⁰⁴ См.: Аристова Т. Ф. Указ. соч. С. 156

²⁰⁵ См.: Курылев В. П. Указ. соч. С. 106.

²⁰⁶ Новичев А. Д. Турция: Государственный строй, экономика, этнография. Тбилиси. 1942. С. 147.

²⁰⁷ См.: Маринов В. Указ. соч. С. 291-292; Аристова Т. Ф. Указ. соч. С. 158.

²⁰⁸ См.: о времени возникновения зернотерок: Котович В. Г. К вопросу о древнем земледелии и скотоводстве в горном Дагестане // УЗ ИИЯЛ. Вып. 9. Махачкала. 1961. С. 282, 285; Материальная культура аварцев. С. 276 и др.

²⁰⁹ См.: Аристова Т. Ф. Указ. соч. С. 157.

²¹⁰ Жуковский П. М. Указ. соч. С. 560.

²¹¹ См.: Курылев В. П. Указ. соч. С. 107.

²¹² Кофе, как считают исследователи завезли в Стамбул в 1555 два сирийца — они открыли в Тахтакая кофеини. — См.: Гордлевский В. А. Стамбул в XVI в. (страницы из истории Турции). Т. 4. М., 1968. С. 33

²¹³ См.: Курылев В. П. Указ. соч. С. 113

²¹⁴ Так же называются ивирожные

²¹⁵ См.: Система питания народов Дагестана.

²¹⁶ Использование подобного дерева в различных обрядовых

действиях было характерной чертой многих народов Дагестана. См.: Алимова Б. М. Брак и свадебные обряды у табасаранцев // Брак и свадебные обычаи у народов Дагестана в XIX-нач. XX в. Махачкала, 1986 С. 37; Гаджиева С. Ш. Брак и свадебные обряды у кумыков в XIX — нач. XX в. С. 61; Она же, Семья и брак у народов Дагестана. С. 231; Лугуев С. А. Свадьба и свадебные обычаи у ахвахцев // Брак и свадебные обычаи у народов Дагестана. С. 55 и др.

²¹⁷ Описание мангала см.: Курылев В. П. Поселения, жилища и хозяйственные постройки современной Турции // Страны народов Востока: география, этнография, история. Вып 8. М. 1969. С. 245.

²¹⁸ Гордлевский В. А. Быт османца в сувериях, приметах и обрядах (материалы) // Избранные сочинения. Т. 4. М., 1968. С. 77.

²¹⁹ См.: Материальная культура аварцев. С. 268; Гаджиева С. Ш., Османов М. О., Папашева А. Г. Материальная культура даргинцев. С. 266.

²²⁰ См.: Миллер А. А. Ковровые изделия Востока. Л. 1924.

ГЛАВА IV. СЕМЬЯ И СЕМЕЙНЫЙ БЫТ

²²¹ Гаджиева С. Ш. Народы Дагестана // Семейный быт народов СССР. М., 1990. С. 350.

²²² См.: Еремеев Д. Изучение этнографии в современной Турции // СЭ. N2. 1960. С. 151-157.

²²³ Серебрякова М. Н. не указывает названия деревни М.

²²⁴ Серебрякова М. Н. Семья и семейная обрядность в турецкой деревне. М., 1979. С. 21

²²⁵ Гаджиева С. Ш., Янкова З. А. Дагестанская семья сегодня. Махачкала, 1978. С. 49-50; Булатова А. Г. Семья и семейные обряды // Традиционное и новое в современном быте и культуре дагестанцев переселенцев. М., 1988. С. 148; Курбанов М.-З. Ю. Современная семья и семейный быт даргинцев (по материалам сельских районов Дагестанской АССР). М., 1990. С. 59-60. (Машинопись канд. дис.)

²²⁶ Многоженство — редкое явление среди дагестанской диаспоры.

²²⁷ По нашим данным, размер семьи дагестанцев в Турции не отличается от размера семьи турок.

²²⁸ См.: Серебрякова М. Н. Указ. соч. С. 30

²²⁹ Итоги Всесоюзной переписи населения РСФСР 1959 г. М., 1963. С. 444

²³⁰ Итоги Всесоюзной переписи населения РСФСР 1970 г.: Миг-

рация населения, численность и состав семей в СССР. Т. 7. М., 1974. С. 309

²³¹ Косвен М. О. Этнография и история Кавказа М., 1963. С. 90

²³² Гаджиева С. Ш. Семья и брак у народов Дагестана в XIX-начале XX в. М., 1985. С. 269.

²³³ См.: Серебрякова М. Н. Указ. соч. С. 67

²³⁴ Далгат Б. К. Материалы по обычному праву даргинцев // РФ ИИАЭ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 28. Л. 9

²³⁵ Буджух — время с января месяца до начала марта.

²³⁶ О понятиях минимального, преобладающего и среднего брачного возраста. — См.: Смирнова Я. С. Изменение брачного возраста у народов Северного Кавказа за годы Советской власти // СЭ. №1. 1973

²³⁷ Кисляков Н. А. Очерки по истории брака и семьи у народов Средней Азии и Казахстана. М.-Л., 1969. С. 56-59; Гадирзаде Г. И. Современная свадьба у азербайджанцев (по материалам Нахичеванской АССР). Рук. дис. канд. ист. наук — М. 1984. С. 119 и др.

²³⁸ См., напр.: Гаджиева С. Ш. Указ. соч. С. 143-161 и др.

²³⁹ Кисляков Н. А. Указ. соч. С. 62

²⁴⁰ Подробнее См.: Смирнова Я. С. К типологии обычаев умыкания (по материалам Северного и Западного Кавказа) // Проблемы типологии в этнографии. М., 1978. С. 265-268.

²⁴¹ Дубровин Н. Черкесы-адыге // Материалы для истории черкесского народа. Краснодар, 1927. В.1. С. 63

²⁴² Студенецкая Е. Н. Кабардинцы и черкессы // Народы Кавказа. Т. 1. М., 1960. С. 183; Кисляков Н. А. Указ. соч. С. 64.

²⁴³ Гаджиева С. Ш. Указ. соч. С. 176,

²⁴⁴ Ихитов М. М. Народности лезгинской группы. Махачкала, 1967. С. 181.

²⁴⁵ Серебрякова М. Н. Указ. соч. С. 79.

²⁴⁶ У турок, наоборот: девушку специально для гостя наряжают, она подносит кофе и ждет, пока та не вернет ей чашку.

²⁴⁷ Абдурахманова Разият (1898 г. р., родом из сел. Киша Дахадаевского р-на) вместе с родителями попала в Турцию, когда ей было два года. Сейчас она живет в с. Гюней-кой.

²⁴⁸ См.: Далгат Б. К. Указ. соч. Л. 21; Булатова А. Г. Свадьба лакцев в XIX-XX вв. Махачкала, 1968. С. 7; Адимова Б. М. Брак и свадебные обычаи у кумыков в прошлом и настоящем (XIX-XX вв.)

— Машиноп. дисс. канд. ист. наук — Махачкала, 1977. С. 36; Кисляков Н. А. Указ. соч. С. 115 и др.

²⁴⁹ См.: Гаджиева С. Ш. Указ. соч. С. 187

²⁵⁰ Фрезер Д. Д. Золотая ветвь. М., 1980. С. 721.

²⁵¹ В Сивасском вилаете говорят, что если со времени женитьбы молодожену все удастся, значит “нога невесты приплась ко двору”.

²⁵² См.: Гаджиева С. Ш. Указ. соч. С. 236-237.

²⁵³ Еще до начала свадьбы жених выбирает себе дружков, в функции которых входит, в частности, оберегать его. Они не покидают его вплоть до завершения всех свадебных церемоний, т. к. “похищение жениха”, помимо морального ущерба, связано с выплатой определенных “выкупов”.

²⁵⁴ Косвен М. О. Обычай возвращения домой // КСИЭ. Вып. 1. М. 1946. С. 31.

²⁵⁵ Булатова А. Г. Лакцы: Историко-этнографические очерки (XIX — нач. XX в.). Махачкала, 1971. С. 157; Сергеева Г. А. Арчинцы. М., 1967. С. 157; Никольская З. А. Свадебные и родильные обряды аварцев Кахисского района // СЭ. №2. 1946. С. 194, 196.

²⁵⁶ Здесь “курегала каш” называют “карш кур”, т. е. “каша с курагой”.

²⁵⁷ Андреев М. С. Таджики долины Хуф. Душанбе, 1958. С. 167-168.

²⁵⁸ Алтаб - внешне безобразная жепщина с растрепанными волосами, отвислой грудью, клякстой пастью, скрюченными пальцами. Считается, что она обычно навещает рожениц, душист их, похищает плод из чрева и уносит его к Алапехью.

²⁵⁹ См.: Никольская З. А. Указ. соч; Смирнова Я. С. Детский и свадебный цикл обычаев и обрядов у народов Северного Кавказа // КЭС. Вып. 6. М., 1976; Соловьева Л. Т. Обычаи и обряды детского цикла у грузин (вторая пол. XIX — нач. XX в.) // КЭС. Вып. 7. М., 1984; Дбар С. А. Традиционные родильные обычаи и обряды абхазов и их трансформация в советский период // СЭ. №1. 1985 и др.

²⁶⁰ “Джаназа” — групп.

ГЛАВА V. ОБЩЕСТВЕННЫЙ БЫТ

²⁶¹ См.: Данилов В. И. Эволюция политической структуры и особенности политической борьбы в Турции // Турция. История и современность. М., 1988. С. 101.

²⁶²⁻¹ Этатизм (от франц. *etat* — государство), термин, употребля-

мый иногда для обозначения усиления роли государства в экономической жизни общества. Термин "этатизм" (в значении государственная централизация) наибольшее распространение получил в применении к Турции. Еще в 1922 г. Кемаль Ататюрк предложил "огосударствить" (по-турецки "девлетлешдирмек", откуда турецкое название этатизма — "девлетчилик") "те предприятия и учреждения, которые будут представлять непосредственно государственный интерес". Позднее "этатизм" был объявлен одним из основных принципов кемализма и включен даже в конституцию турецкой республики 1937 г. как официальная экономическая доктрина турецкого правительства — См. подробнее: Советская историческая энциклопедия. М. 1976. С. 638.

²⁶²⁻² Лаицизм — лояльное отношение ко всем религиям (веротерпимость).

²⁶³ См.: Гасанова Э.Ю. Об идеологии национально-освободительного движения в Турции и роли Кемалья Ататюрка в ее развитии // Турция. История и современность. М. 1988. С. 171.

²⁶⁴ Там же. С. 172.

²⁶⁵ См.: Еремеев Д.Е. На стыке Азии и Европы: Очерки о Турции и турках. М., 1980. С. 134.

²⁶⁶ См.: Данциг Б. Турция. Гл. 3. М., 1949. С. 63-103.

²⁶⁷ См. Гасанова Э.Ю. Об идеологических основах кемализма и их современном толковании в Турции // Народы Азии и Африки. №3. 1968. С. 58-64.

²⁶⁸ Перерыв, хронологически ограниченный военными переворотами 27 мая 1960 г. и 1 сентября 1980 г. Первый из переворотов сверг правительство Мендереса, скомпрометировавшее себя антинациональной проамериканской политикой. Внутриполитическое развитие Турции после этого события шло очень сложно, противоречиво, нередко заходило в тупик обостряясь правительственными кризисами, расколами в партиях правящих классов, попытками новых военных переворотов, вмешательством генералитета в политическую жизнь страны. См.: Турецкая Республика в 60-70-е годы: Вопросы общественно-политического развития. М., 1984.

²⁶⁹ Как заявил в своем выступлении в день переворота председатель сформированного Совета национальной безопасности (СНБ), начальник Генерального штаба турецких вооруженных сил генерал К.Эврен, цель военной администрации в данной области заключалась в том, чтобы поставить демократию, которая оказалась не в

состоянии сама себя контролировать, на надежную основу. — См.: Емельянов В.В. К изменению законодательных основ многопартийной системы Турции после Военного переворота 1980 г. // Турция: История и современность. С. 112.

²⁷⁰ Закон № 2709, принят 18 октября 1982 г., вступил в силу после утверждения на референдуме 7 ноября 1982 г.

²⁷¹ Закон № 2820, принят 22 апреля 1983 г.; Закон № 2839, принят 10 июня 1983 г. — См.: Емельянов В.В. Указ. соч. С. 113.

²⁷² Бывший министр юстиции И.Араф насчитал 37 видов полномочий, предоставленных президенту новой Конституцией. См.: Керим-Заде Р.И. Буржуазная демократия и принцип народного суверенитета в Турции // Турция: История и современность. С. 130.

²⁷³ См.: Данциг Б. Указ. соч. С. 214.

²⁷⁴ См.: Петросян Ю.А., Юсупов А.Р. Город на двух континентах. М., 1977. С. 176.

²⁷⁵ Ходжа — священнослужитель, обучающий детей основам ислама

²⁷⁶ Молла — священнослужитель, получивший богословское образование.

²⁷⁷ См.: Вопросы общественного быта народов Дагестана в XIX-XX вв. Махачкала, 1987.

²⁷⁸ См.: Курьлев В.П. Об общинных отношениях в деревнях современной Турции // СЭ. 1969. №4. С. 79.

²⁷⁹ См.: Хапаяв Х.О. Общественный строй Дагестана в XIX веке. М. 1961. С. 164-166; Булатова А.Г. Лакцы. Махачкала, 1971. С. 39-41 - и др.

²⁸⁰ См.: Рамазанова З.Б. Общинное регулирование землепользования лакцев // Вопросы общественного быта народов Дагестана в XIX — нач. XX века. Махачкала, 1987. С. 120-124.

²⁸¹ См.: Материальная культура аварцев. Махачкала. 1967. С. 119, 200.

²⁸² См.: Курьлев В.П. Хозяйство и материальная культура турецкого крестьянства (новейшее время). М. 1976. С. 27.

²⁸³ См.: Гаджиева С.Ш. Кумыки. М. 1961. С. 100; Агапиринова С.С. Патроимия у лезгин // УЗИИЯЛ. Вып. 14. Махачкала. 1965. С. 113; Лугуев С.А. Взаимопомощь в хозяйственной деятельности лакцев (вторая пол. XIX — нач. XX в.) // Хозяйство народов Дагестана в XIX-XX вв. Махачкала, 1979. С. 108. — и др.

²⁸⁴ См.: Курьлев В.П. Об общинных отношениях в деревнях

современной Турции. С. 83.

²⁸⁵ См.: Курылев В.П. Хозяйство и материальная культура турецкого крестьянства. С. 29.

²⁸⁶ См.: Курылев В.П. Об оциненных отношениях в деревнях современной Турции. С. 84.

²⁸⁷ Там же. С. 83.

²⁸⁸ См.: Егорова В.П. Из народных традиций Дагестана // Вопросы истории и этнографии Дагестана. Вып. 2. Махачкала, 1970; Лугуев С.А. Гостеприимство и куначество у лакцев (вторая половина XIX - нач. XX вв.) // Семейный быт народов Дагестана. Махачкала, 1980; Алимова Б.М. Указ. соч. С. 187-190; Гаджиева С.Ш. Дагестанские терекеменцы. С. 161-165; Мусаева М.К. Хваршины. XIX - нач. XX в. Махачкала, 1995. С. 150-155. - и др.

²⁸⁹ См.: Егорова В.П. Указ. соч. С. 88 — и др.

²⁹⁰ См. напр.: Калоев Б.О. Осетины: Историко-этнографическое исследование. М., 1971. С. 188.

²⁹¹ См.: Комаров А.В. Адагы и судопроизводство по ним // ССКГ. В. 1. Тифлис, 1868. С. 26; Егорова В.П. О состоянии кровомщения в Дагестане во второй половине XIX - начале XX в. // Вопросы истории и этнографии Дагестана. Вып. 7. Махачкала, 1976. С. 98-116; Лугуев С.А. О кровной мести у лакцев во второй половине XIX - нач. XX в. // Семейный быт народов Дагестана. Махачкала, 1980; Алимова Б.М. Указ. соч. С. 80; Гаджиева С.Ш. Дагестанские терекеменцы. XIX — нач. XX в. М. 1990. С. 147-149 — и др.

²⁹² См.: Серебрякова М.Н. Указ. соч. С. 51.

²⁹³ См.: Комаров А.В. Указ. соч.; Омаров А.С. Система композиций в обычном праве Дагестана // УЗ ИИЯЛ. Вып. 4. Махачкала, 1966; Памятники обычного права Дагестана XVII-XIX века. Архивные материалы. (Составление, предисловие и примечание Х.О.Хашаева). М. 1965 и др.

²⁹⁴ См.: Гарданов В.К. Общественный строй адыгских народов. М. 1967; Харадзе Р.Л. Некоторые стороны сельскохозяйственного быта горных ингушей // КЭС. Вып. 2. Тбилиси, 1968; Алчев А.А. Кровная месть у чеченцев и ингушей и процесс ее изживания в годы советской власти // Автореф. канд. диссерт. М., 1969 и др.

²⁹⁵ См.: Серебрякова М.Н. Указ. соч. С. 63.

²⁹⁶ Еремеев Д.Е. Указ. соч. С. 83.

²⁹⁷ См.: Бартольд В.В. Ислам. Петроград. 1918. С. 35.

²⁹⁸ См.: Еремеев Д.Е. Указ. соч. С. 83.

²⁹⁹ См.: Серебрякова М.Н. Указ. соч. С. 52.

³⁰⁰ Цитируется по: Еремеев Д.Е. Указ. соч. С. 83-84.

³⁰¹ См.: Серебрякова М.П. Указ. соч. С. 52; Еремеев Д.Е. Указ. соч. С. 84.

³⁰² См.: М.Н. Серебрякова Указ. соч. С. 52.

³⁰³ См.: Гаджиева С.Ш. Кумыки. С. 287; Она же. Дагестанские терекеменцы С. 148-149 — и др.

³⁰⁴ См.: Серебрякова М.Н. Указ. соч. С. 53.

³⁰⁵ См.: Еремеев Д.Е. Указ. соч. С. 50.

³⁰⁶ Цитируется по: Еремеев Д.Е. Указ. соч. С. 55.

³⁰⁷ См.: Еремеев Д.Е. Этногенез турок. М. 1971. С. 244-245.

³⁰⁸ См.: Berces Basi Ankara konlery uzerinde Bir orastirma. Ankara. 1950. С. 397.

³⁰⁹ См.: Серебрякова М.Н. Указ. соч. С. 42.

³¹⁰ См.: Сероф С.Я. Календарный праздник и его место в европейской народной культуре // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. М., 1983. С. 49; Токарев С.А. Приметы и гадания // Там же. С. 65-66 — и др.

³¹¹ См.: Еремеев Д.Е. Этногенез турок. С. 245.

³¹² Там же. С. 244.

³¹³ См.: Еремеев Д.Е. На стыке Азии и Европы. С. 47.

³¹⁴ См.: Календарь и календарные обряды народов Дагестана. Махачкала, 1987.

³¹⁵ См.: Серебрякова М.Н. Указ. соч. С. 46.

³¹⁶ См.: Еремеев Д.Е. На стыке Азии и Европы. С. 64-65.

³¹⁷ См.: Гордиевский В.А. Игры анатолийских турок. Избранные сочинения. Т. 4. М., 1968. С. 137-164.

³¹⁸ См.: Шиллинг Е.М. Кубачинцы и их культура. М.-Л., 1949. С. 148-162; Лугуев С.А. Реликты мужских союзов у лакцев (вторая половина XIX - нач. XX в. // Кратк. сообщ. Среднеазиатско-Кавказских чтений. Л., 1980. С. 31-35; Гаджиева С.Ш. Семья и брак у народов Дагестана. С. 117-118; Булатова А.Г. Зимние игры и развлечения в традиционном общественном быту народов горного Дагестана // Вопросы общественного быта народов Дагестана в XIX - нач. XX в. С. 69; Исламагомедов А.И. Мужские собрания "гьоркьо рукъ" у аварцев // Тез. докл. научн. сес., посвящ. итогам полевых исследований Института ИЯЛ в 1984-1985 гг. Махачкала. 1986. С. 25 — и др.

³¹⁹ См.: Еремеев Д.Е. На стыке Азии и Европы. С. 91.

³²⁰ См.: Константинополь и турки. Ч. I. СПб, 1841. С. 117; Петросян Ю.А., Юсупов А.Р. Указ. соч. С. 120-121 — и др.

³²¹ См.: Эссад Д. Указ. соч. С. 267-273.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

³²² Дагестанлы С.С. Звезда Мухаджира. Махачкала, 1994.

³²³ Дагестанское Зарубежье. № 2. 1992, июнь.

³²⁴ Там же.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВПР — Архив внешней политики России Министерства иностранных дел Российской Федерации.

АКАК — Акты, собранные Кавказской археологической комиссией. Тифлис.

ВС — Военный сборник. СПб. ИГЭД — История, география и этнография Дагестана ХУП-ХІХ вв. / Архив, мат. под ред. М.О. Косвена и Х.-М.Хашаева. М., 1958.

КБГУ — Кабардино-Балкарский государственный университет.
КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии АН СССР. М.
КЭС — Кавказский этнографический сборник. М., Тбилиси. НИИ-ЯЛИ — Научно-исследовательский институт языка, литературы и истории.

РФИИАЭ — Рукописный фонд. Института истории, археологии и этнографии Дагестанского Научного Центра Рос. АН

Сб.РИО — Сборник Русского исторического общества. М.
СМОМПК — Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис.

СОНИИ — Северо-Осетинский научно-исследовательский институт. ССКГ — Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис.
СЭ — Советская этнография. М. УИИЯЛ — Ученые записки Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР.

ЦГА РД — Центральные государственные архивы Республики Дагестан. ЦГВИА — Центральные государственные военно-исторический архив. ЭО — Этнографическое обозрение. М.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
ВВЕДЕНИЕ	6
ГЛАВА I. К ИСТОРИИ ВОПРОСА	10
1. ОСНОВНЫЕ ВЕХИ И ПОСЛЕДСТВИЯ ДВИЖЕНИЯ ГОРЦЕВ 20-Х — 50-Х ГГ. ХІХ В.	10
2. БОРЬБА ГОРЦЕВ ДАГЕСТАНА ПОСЛЕ ПЛЕНЕНИЯ ШАМИЛЯ. ...	21
3. МАРШРУТЫ И ЭТАПЫ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ ДАГЕСТАНЦЕВ В ТУРЦИЮ	31
4. АДМИНИСТРАТИВНОЕ УСТРОЙСТВО И РАССЕЛЕНИЕ ДАГЕСТАНЦЕВ.	42
ГЛАВА II. ХОЗЯЙСТВО	44
1. ПРИРОДНО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ.	44
2. ОСНОВНЫЕ ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ЗОНЫ РАССЕЛЕНИЯ ДАГЕСТАН- ЦЕВ В ТУРЦИИ.	47
3. ХАРАКТЕР ЗАНЯТИЙ ДАГЕСТАНЦЕВ В ТУРЦИИ.	54
ГЛАВА III. МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА	65
1. ПОСЕЛЕНИЯ	65
2. ЖИЛИЩЕ	81
3. ОДЕЖДА.	94
4. ПИЩА.	106
5. ПРИЛОЖЕНИЕ	130
ГЛАВА IV. СЕМЬЯ И СЕМЕЙНЫЙ БЫТ	139
1. СТРУКТУРА СЕМЬИ И ВНУТРИСЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ.	139
2. БРАК, СВАДЕБНЫЕ ОБЫЧАИ И ОБРЯДЫ	149
3. ОБРЯДЫ, СВЯЗАННЫЕ С РОЖДЕНИЕМ ДЕТЕЙ.	159
4. ПОХОРОННО-ПОМИНАЛЬНЫЕ ОБРЯДЫ.	163
ГЛАВА V. ОБЩЕСТВЕННЫЙ БЫТ	167
1. ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СТРОЙ.	167
2. СИСТЕМА УПРАВЛЕНИЯ	173
3. ОБЫЧАИ ВЗАИМОПОМОЩИ.	179
4. ГОСТИПРИИМСТВО И КУНАЧЕСТВО.	183
5. ОБЫЧАИ КРОВНОЙ МСТИ.	186
6. ОБЩЕСТВЕННЫЕ ПРАЗДНИКИ И ОБРЯДЫ.	190
7. ОРГАНИЗАЦИЯ ДОСУГА.	201
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	207
ПРИМЕЧАНИЯ	212
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	230

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

Формат 60x84 1/16. Печать офсетная. Бумага офсетная №1.
Гарнитура Таймс. Тир. 300 экз. Тип. УМЦ "Гамма"